

Алексей Кутырёв

Дороги...

18+

Алексей Кутырев

Дороги

«Автор»

2026

Кутырев А. А.

Дороги / А. А. Кутырев — «Автор», 2026

Пятая книга, написанная автором по мотивам личной жизни, из личных воспоминаний.

© Кутырев А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дорогами войны с кровью и любовью.	5
Любовь и войны.	24
Комсомольцы	40
Почти роман о войне и любви.	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алексей Кутырев

Дороги

Дорогами войны с кровью и любовью.

В воскресенье, 22 июня 1941 года в 12 часов 15 минут по радио выступил Вячеслав Михайлович Молотов и сообщил, что ранним утром фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, началась война.

Узнав об этом, Николай сразу обратился в военкомат города Моршанска и попросился добровольцем в Красную Армию. Ему было двадцать лет, и он был студентом педагогического института, и только-только перешёл на третий курс. У военкомата собралась огромная очередь, и Николай попал на прием только к вечеру. После разговора с военкомом он был зачислен в учебный полк.

В военкомате не ошиблись и в сопроводилровке написали, что Николай учится на третьем курсе. При этом тройка получилась с крючком наверху. В полку сочли, что это пятёрка, и соответственно он учиться на пятом курсе педагогического института. В роте, в которую был зачислен Николай, лишь он один окончил десять классов. А уж будучи студентом пятого курса, он вообще оказался ценным кадром. В роте были бойцы с тремя, четырьмя, а в основном пятью и семью классами образованием, а тут ещё студент пятого курса. Кроме паспорта, других документов в военкомат не приносили, поэтому поверили на слово.

Ему присвоили звание сержанта Красной Армии, выдали два треугольника на петлицы. Получив форму, Николай Кириллович Сергеев отпросился на пятнадцать минут заскочить домой. Он жил буквально через улицу от военкомата. Увидев сына в форме, родители ахнули. Но он успокоил их сказав, что пока едет учиться военному делу в тыл, и родители немного успокоились. Коля простился с родителями и ушёл обратно в военкомат.

Роту, собранную в первый день войны в Моршанске, отправили на ближайшую узловую станцию. Километрах в двух от неё был расположен палаточный лагерь будущего стрелкового полка.

В учебном полку его научили стрелять из винтовки, обучили рукопашному бою с применением винтовки и сапёрной лопатки, строевой подготовке, ну и, конечно, командовать отделением, с ним и еще пятью сержантами занимался лично начальник штаба полка.

Николай, как сержант, выгодно отличался от остальных красноармейцев. Вместо ботинок с обмотками он носил кирзовые сапоги, на поясе у него висела брезентовая кобура с револьвером системы Наган. Длинную винтовку со штыком у него заменял короткий кавалерийский карабин. В полку не хватало сержантов, и Николая назначили заместителем командира взвода, а так как командира пока не было, командовать приходилось ему самому.

В полк должна была прибыть эвакуированная школа красных командиров из Прибалтики. Однако по дороге эшелон разбомбили, и почти все курсанты и их командиры погибли или были серьёзно ранены. В результате резервный полк остался без командного состава.

Командиров рот и батальонов пришлось искать в ближайших военкоматах и из командиров запаса. Командир полка и начальник штаба были назначены еще раньше. Из Моршанска прислали парторга завода, который стал заместителем командира полка по политической части. Ему присвоили звание батальонного комиссара, что соответствовало званию майора (две шпалы).

Полк состоял из четырёх батальонов, в каждом из которых было четыре роты по двести человек. Всего вместе с командирами в батальонах было три тысячи двести бойцов. Ещё име-

лись две батареи противотанковых орудий калибром 45 мм, батарея калибром 76 мм и зенитная батарея калибром 36 мм. Также в полку были комендантский, хозяйственный и разведывательный взводы, сапёры и связисты - всего больше четырёх тысяч бойцов.

Через две недели после начала сборов новобранцы приняли присягу. После чего им выдали боевые патроны и стали учить стрелять по мишеням. Николай так шустро выучился метко стрелять, что его хотели взять снайпером в полковую разведку.

Но однажды в девять часов утра его вызвали к командиру полка и сообщили, что ему присвоено звание младшего лейтенанта, и он назначен командиром своего же стрелкового взвода. Заместитель командира полка по тылу сообщил, что через два часа его переоденут в командирское обмундирование, а вместо кирзовых выдают хромовые сапоги.

Однако пощеголять в хромовых сапогах Коле не пришлось. Буквально через час объявили общее построение, после которого полк в спешном порядке был направлен на станцию грузиться в вагоны.

Николаю успели выдать командирскую книжку вместо красноармейской, забрали карабин и револьвер, а взамен дали командирский ремень, портупею и кобуру с пистолетом ТТ, а также два кубика по одному на каждую петлицу.

Полк направили воевать в Молдавию. Шестнадцатого июля 1941 года они уже были на передовой. Поскольку в дивизии, в которую влился их полк, после кровопролитных боев осталось всего около 4 тысяч человек, свежее и полностью укомплектованное боевое соединение поставили на самое танкоопасное направление.

За первый день полк отразил три атаки противника. Николай приказал своей роте выкопать второй ряд окопов с ходами сообщения в пятидесяти-ста метрах от первой линии. Люди хоть и устали, но задачу выполнили.

Он уже командовал ротой, командир которой погиб во время второй атаки, а взводами командовали в основном сержанты и старшины. Из лейтенантов взводным в роте был только он, вот его и назначили.

Вторую линию окопов закончили рыть ближе к утру. Не успели толком отдохнуть, как прилетели вражеские самолёты. Сергеев приказал отойти во вторую линию траншей по ходам сообщения.

Немецкие бомбардировщики пахали наши окопы без передышки два часа, работая каруселью. Передний край обороны полка оказался почти стёрт с лица земли. Досталось немного и второй линии, но там почти все были целы, за исключением нескольких раненых красноармейцев.

Бойцы роты, как смогли, восстановили окопы первой линии и стали ждать наступления. По примеру роты Николая вторая линия окопов была выкопана по всей линии обороны. А он, тем временем, оборудовал со своей ротой ещё и третий ряд траншей для большей безопасности во время бомбёжек и обстрелов. Немцы не только бомбили позиции полка с самолётов, но и обстреливали артиллерией и миномётами.

Наблюдательный пункт, где находился командир его батальона со своим штабом, был уничтожен фугасной бомбой. Весь командный состав погиб. Сергееву предложили возглавить батальон. В нём осталось всего пятьсот пятьдесят бойцов, из них почти двести в роте Николая. Он согласился, ему сразу присвоили звание лейтенанта, только вот помощников не дали. Но он и без них обходился, опираясь на сержантов и старшин.

Немцы проверяли их на прочность до обеда 26 июля. После этого пришёл приказ отступить. Без существенных потерь полк едва успел выскочить из окружения. Из кольца вышли две тысячи семьсот красноармейцев. Очень хорошо поработала немецкая авиация.

После этого полк перебросили под Смоленск. Вместо потерянной в боях артиллерии, им добавили две батареи по шесть орудий калибром 76 мм и тысячу красноармейцев. Командир полка отдал пятьсот бойцов Сергееву, а остальных распределил по другим батальонам.

За время боёв в Молдавии Николай был два раза легко ранен - в левое плечо и правую руку. В медсанбат он обратился, когда полк уже был под Смоленском. Медики очистили, обработали и зашили его раны. К счастью, они не загноились, а то мог бы и руку потерять. Врач медсанбата предупредил, что если в следующий раз он вовремя не обратится за медицинской помощью, то это может плохо для него закончиться.

Батальон Сергеева снова поставили на самое опасное направление. Строить оборону, как всегда, начали с рытья окопов и ходов сообщения. Также оборудовали щели для укрытия от бомбёжек. В общем, батальон зарывался в землю.

Николай в бинокль высматривал огневые точки противника, когда над ним разорвалась мина. Её осколок пробил каску и рассёк ему лицо слева от лба до конца правой щеки, срезал петлицу и упал в карман гимнастёрки. Всё лицо было залито кровью, прибывший санитар обработал рану и проводил его в медсанбат.

Так как он получил лёгкую контузию, да рана на лице оказалась глубокой, его оставили в медсанбате. Правда, через три дня, когда ему стало немного лучше, Николай пытался сбежать, но начальник медсанбата поймал его. Он попросил его побыть хотя бы неделю, к тому же ещё и командир полка просил получше подлечить комбата. Сошлись на пяти днях. До снятия швов каждый день санинструктор Мария, старший сержант медицинской службы, каждый день приходила обрабатывать рану. Передвигаться под огнём противника к переднему краю было очень опасно, и начальник медсанбата командировал девушку в батальон лейтенанта.

Марии и Николаю особенно некогда было объясняться в любви. Бои шли постоянно. Они хоть и стали жить в одной землянке, им было не до ухаживаний. Он не дарил ей цветов и подарков. Николай постоянно находился в окопах. Но они всё-таки сблизились, комбат проснулся как-то утром, а его ласкает Мария, ему ничего не оставалось, как ответить на её ласки. Когда находили время, они стали любить друг друга. Мария была немного старше Николая, ей было 22 года, а Сергееву только исполнилось двадцать лет, но это им совсем не мешало.

Враг давал красноармейцам отдохнуть только ночью, а днём забрасывал их снарядами, бомбами и минами. Как правило, за этим следовала танковая атака при поддержке пехоты. В день обычно это происходило один или два раза. После каждой отражённой атаки прилетали немецкие самолёты, а затем в дело включалась немецкая артиллерия. Красноармейцы каждый день восстанавливали окопы и опять ждали врага.

Атаки с обстрелами и авианалётами могли продолжаться целый день. Когда налетали вражеские бомбардировщики, Николай оставлял в передних окопах только наблюдателей, а остальных отводил на третью линию траншей, а когда вражеская пехота и танки подходили ближе, весь личный состав батальона снова был на передней линии в готовности отразить нападение врага.

В конце августа за оборону Молдавии бойцов полка наградили орденами и медалями, надо было поддержать боевой дух красноармейцев. Николай получил орден Красной Звезды. Кроме того, ему было присвоено звание старшего лейтенанта. Командир полка шутил, что Семёнов, начав воевать сержантом, закончит войну, наверное, генералом. На самом деле всё было просто: в действующей армии ощущалась нехватка среднего командирского звена. Вот и старались поощрить наиболее отличившихся красных командиров.

Полк героически воевал под Смоленском до 10 сентября. От него мало, что осталось. Все имеющиеся в полку орудия были разбиты. Из личного состава осталось в живых семьсот человек, и двести девяносто из них, в батальоне Сергеева.

В последний день боев под Смоленском старший лейтенант снова был ранен, на этот раз осколком от авиабомбы. Но ему опять повезло, осколок попал в замок портупей, перебил его и застрял в плече, дойдя до кости и упёршись в неё. При этом жизненно важных органов он не задел. Врач извлёк осколок, а через четыре дня отпустил Николая из медсанбата в батальон, на попечение Марии, ведь тот извёл его своими постоянными просьбами о выписке.

Смоленск был сдан врагу, а полк переведён на переформирование под Можайск. В то время постоянного отступления особо не награждали ни орденами, ни званиями, но командир полка каким-то образом добился, чтобы его подчиненные получили награды за уничтоженные танки и личный состав противника. Командующий армии пошёл ему навстречу, и около сотни бойцов и командиров полка отметили орденами и медалями. Среди награжденных был и Николай Сергеев. Он получил орден Красного Знамени.

11 октября 1941 года войска, держащие оборону под Можайском, проверил генерал Дмитрий Данилович Лелюшенко. Однако кроме их полка на передовой больше никого не было. Только, когда через несколько дней подошла дивизия полковника Полосухина, сразу стало намного легче и морально, и физически.

Война войной, но жизнь продолжалась, 3 октября Маша сказала Коле, что она беременна. По её подсчетам, скорее всего третий месяц. Сергеев был счастлив и сказав девушке о своих чувствах к ней и к будущему ребёнку. Пусть кругом война и смерть, убить могут каждую минуту, а тут родится новая жизнь. Он пообещал Маше, что когда полк выйдет из боя, то они поженятся, и он отправит девушку в тыловой госпиталь.

Комбат пошёл к командиру полка и всё честно ему рассказал. Полковник подумал, и сказал, что полк скоро будет в Можайске, и там, в отделе ЗАГС, они смогут расписаться. Машу же сразу следует отправить в Московский военный госпиталь, где начальником работает его друг ещё с Гражданской войны. Сделали всё, как посоветовал полковник. Николай и Маша расписались 11 октября 1941 года. В этот же день, не празднуя, он отправил молодую жену санитарным эшелонам в Москву с письмом от полковника к начальнику госпиталя.

По мнению командира полка, бои за Можайск будут очень тяжёлыми, скорее всего, тяжелее, чем были за Смоленск. Позади них Москва, и это последняя линия обороны столицы нашей Родины, полку придется сражаться на Бородинском поле, и нельзя опозорить память своих предков поражением, тем более, что им противостоит фашистская французская дивизия.

Батальону Сергеева пришлось защищать участок длиной почти в три километра. Но его бойцам повезло. Справа от них была река с высокими берегами, а слева надежные соседи из другого батальона. Бои были очень жаркими. Немецкая авиация не давала ни минуты покоя. Приходилось укрывать от бомбёжек и обстрелов не только людей, но и пулемёты и орудия.

На участке батальона Сергеева у немцев артиллерии не было, они обстреливали наши позиции из миномётов и танковых пушек. Комбат придумал и согласовал с командиром полка глубокий рейд в тыл врага. Взяв с собой пятьдесят бойцов, он углубился в тыл немцев километров на десять. На обратном пути отряд уничтожал вражескую технику и живую силу противника, по дороге удалось взять в плен полковника вермахта. Его отправили на мотоцикле к нашим. Линия фронта была неплотной, и ребята Сергеева нашли в ней лазейку. Правда, пришлось делать большой крюк километров в девять.

Оставшиеся в тылу у немцев основные силы отряда напоролась на батарею дальнобойных орудий. Взятый в плен артиллерийский лейтенант сообщил, что эти пушки предназначены для обстрела Москвы. Орудий было шесть, все они были прицеплены к мощным тягачам. Сначала очень захотелось захватить орудия, как трофеи и ударить из них по врагу, искушение было очень велико. Но трезво поразмыслив, Николай понял, что это не реально, орудия очень тяжёлые, скорость движения тягачей максимум двадцать километров в час. Они физически не успеют отъехать, только людей положат. Бойцы Николая заминировали все пушки, а у автомашин порезали шланги бензопровода и открыли бензобаки, засунув туда тряпки, которые подожгли. Потом взорвали сразу все орудия, получилось очень эффектно, тягачи ещё долго горели у них за спиной.

Оторваться от преследования удалось на отобранных у врага мотоциклах, благо, ночи были уже длинными и тёмными, но пришлось делать «петлю», несколько раз меняя направление своего движения. Осталось только отыскать миномётную батарею, которая обстреливала

наши позиции. Проехав километров семь, бойцы Николая наткнулись на боевое охранение немцев. Сняв часовых, обнаружили батарею, Сергеев решил захватить немецкие миномёты.

Рядом с ними стояли два грузовика с минами, немцы настолько обленились и не ожидали нападения, что даже боекомплект не разгрузили и не замаскировали. Красноармейцы погрузили в грузовики все шесть миномётов. Николай отправил миномёты с лейтенантом к нашим позициям по уже известному «коридору». С оставшимися бойцами он решил поискать немецкую танковую часть. Вскоре, его бойцы обнаружили двенадцать немецких средних танков. Снять часовых не составило большого труда, старший лейтенант поставил у каждого танка по одному бойцу с гранатой, по его команде они одновременно бросили их в открытые люки бронированных чудовищ. Через шесть секунд раздались взрывы, а затем начали рваться боекомплекты. Но отряд красноармейцев был уже далеко, на трофейных мотоциклах они спешили вернуться к своим. Пока немцы зализывали раны, ребята проскочили к себе в траншеи.

За этот рейд комбата вместе с ещё пятнадцатью красноармейцами представили к наградам. В разгар жестоких боев, во время небольшой передышки, в полк приехал генерал и вручил участникам рейда ордена и медали. Николай был награжден орденом Ленина, два его бойца получили ордена Красного Знамени, одиннадцать - ордена Красной Звезды, а двадцать - медали «За Отвагу».

Николай провоевал ровно месяц, и снова получил ранение. На этот раз оно оказалось серьёзным. Очередь из немецкого автомата прошла ему грудь. Две пули прошли навылет, а одна осталась в груди. Николая прооперировали в медсанбате и отправили в Москву. На трофейном мотоцикле комбата повёз в госпиталь его ординарец Михаил. Он чудом добрался до госпиталя, где работала Мария. Мотоцикл-то был без документов, а Москва была закрытым прифронтовым городом. Комбат был без сознания, может, поэтому патрули его и пропустили.

Больше двух месяцев провел Николай в госпитале. Мария постоянно находилась рядом с ним. Она была уже на шестом месяце беременности.

Пятого января 1942 года госпиталь посетил Климент Ефремович Ворошилов и всем раненым вручил ордена и медали. Николаю вновь повезло, его наградили ещё одним орденом Красного Знамени. Маршал раздавал награды, руководствуясь какими-то своими соображениями и критериями. Легко раненых в госпитале не было, в основном, тяжелые. Рядовым, которые уже встали на ноги, Ворошилов вручал медали «За Отвагу», лежачих рядовых награждал орденами Красной Звезды. Ходячим командирам он также вручал ордена Красной Звезды.

Николаю врачи еще не разрешали ходить. Подошедший к нему Климент Ефремович спросил его звание. Тот ответил, что он старший лейтенант. Маршал полез было в коробку за орденом Красной звезды, но потом остановился и поинтересовался его должностью и тем, как долго он воюет. Сергеев рассказал ему весь свой боевой путь. Тогда маршал попросил адъютанта достать орден Боевого Красного Знамени, который и вручил комбату.

Лишь 18 января Николай, преодолевая боль, начал потихоньку ходить. При этом комбат рвался к своим однополчанам и хотел скорее попасть на фронт. Он упросил полковника медицинской службы выписать его из госпиталя уже 20 января. Так как он был ещё не совсем здоров, ему дали отпуск по ранению на тридцать дней. Николай очень просил сразу выписать его на фронт, но врачебная комиссия была непреклонна и ему в этом отказала.

Этот месяц они с Марией жили у её подруги, которая также работала в госпитале. Почти все медицинские работники оставались ночевать на работе, времени между сменами почти не было, и тратить его на дорогу было жалко. Высыпаться не успевали, шёл очень большой наплыв раненых, поэтому в подсобных помещениях и полуподвале для медперсонала были оборудованы жилые комнаты,

Два-три раза в неделю Мария отпрашивалась у главврача, чтобы хотя бы несколько часов побыть с мужем. По страшно дорогой цене она покупала на рынке молоко, которым отпаивала Николая. Остальные продукты ему выдали сухим пайком, им хватало.

Через месяц он успешно прошёл врачебную комиссию, и накануне Дня Красной Армии, 22 февраля его отправили на фронт в свою часть. Было указание Верховного главнокомандующего командиров батальонов и полков возвращать в свои воинские части. Вот Николая и распределили в родной полк, который как раз находился на переформировании. Командир полка снова поручил ему командование батальоном.

В самом начале марта 1942 года их полк направили подо Ржев, где планировалась крупная наступательная операция. К сожалению, она получилась неудачной. Немцы оказали такое яростное сопротивление, что атаки советских войск разбивались об их оборону. Полк таял на глазах. Николай старался беречь каждого бойца, но враг безжалостно уничтожал наших красноармейцев.

Окопаться было невозможно. Враг бомбил и обстреливал наши позиции, а укрыться кроме воронок было нигде. Немцы засели в бетонных укреплениях, и эту оборону никак нельзя было сломать. Наконец, потеплело. Советские войска стали понемногу продвигаться вперёд. В полку осталось совсем немного бойцов.

В середине апреля 1942 года Сергеев снова был ранен, на этот раз в обе ноги осколками от немецкого снаряда. К счастью, его снова отправили в госпиталь к Марии. Только благодаря ей и приказу И.В. Сталина ему не ампутировали ногу, левая была очень сильно посечена осколками, её потом ещё долго лечили вместе с правой ногой.

Сама Мария 28 апреля 1942 года родила прекрасную девочку-красавицу, которую назвали Любовью. Как Мария говорила в знак их с Николаем огромной любви.

Из госпиталя Николая выписали только в конце июня 1942 года. Он погостил две недели в Москве, а потом взял с собой Марию с Любой и повёз их к своим родителям в Моршанск.

Родители, конечно, потеряли дар речи, когда в квартиру вошёл старший лейтенант, открыв дверь своими ключами весь в орденах с пятью нашивками о ранениях и ребёнком на руках. Через всё лицо Николая проходил шрам от осколка. Они не сразу узнали в бравом командире своего сына. К тому же рядом с ним стояла девушка в форме старшины медицинской службы державшая его за руку. Столько событий в жизни их сына произошло всего лишь в один год!

Оставив жену и ребёнка родителям, Николай через две недели 10 июля 1942 года поехал на фронт. Мария устроилась работать в ближайший госпиталь. Она пробыла у родителей Николая до апреля 1943 года. Когда дочка немного подросла, Мария оставила девочку у бабушки с дедушкой, а сама через военкомат оформила все необходимые документы, уехала к мужу на фронт.

Николая опять отправили на Западный фронт, где все еще шло сражение за Ржев. Его полк уже не существовал, он был полностью уничтожен, а его командир убит. Но зато Николай попал в свою дивизию, где командир его хорошо знал. Он хотел, чтобы бывший комбат служил у него в штабе, или хотя бы стал начальником штаба полка. Но тот очень хотел на передовую, и поэтому вновь принял под свою команду стрелковый батальон.

Командиром полка оказался майор лет тридцати пяти, не кадровый военный, а из запаса-бывший начальник цеха одного из Московских заводов. Они познакомились. Комполка сначала смутила молодость Сергеева, но, когда он увидел на его груди три красные (лёгкие) и две жёлтые (тяжёлые) нашивки за ранения, да ещё орден Ленина, два ордена Боевого Красного Знамени, орден Красной Звезды, все его сомнения рассеялись. На гимнастёрке у комполка было пока пусто. Тем не менее, они понравились друг другу и даже потом подружились. У Дмитрия Степановича, так звали командира полка, тоже в тылу остались жена и дочка двенадцати лет. Да и Моршанск от Москвы не так далеко. К тому же Николай учился в столице, а после госпиталей жил в Москве, так что, практически, они были земляками.

Преимущественно в батальоне были необстрелянные красноармейцы, процентов двадцать молодёжи возраста Николая, процентов десять - воевавших фронтовиков, а остальные

- мобилизованные в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Но у всех комбат вызывал уважение, благодаря своим ранениям и наградам, говорившим о большом военном опыте. Но несмотря на свой опыт, комбат иногда был до безрассудства бесшабашен и бесстрашен.

После ранения вернулся в батальон друг комбата, старшина Петр Наумов. Ему было уже сорок пять лет, и его оставили в армии лишь в тыловых службах. Николай предложил старшине обеспечивать батальон всем необходимым и, по возможности, сверх лимита. Через командира полка Николай направил старшину в Москву на завод, где изготавливали СВТ (Самозарядная винтовка Токарева). Наумову удалось получить для полка 150 винтовок со снайперским прицелом.

Пятьдесят из них Николай оставил в батальоне, а остальные распределили по другим подразделениям полка. Отобрав самых лучших стрелков, в число которых вошли два якут-охотника, Николай из пятидесяти стрелков сформировал взвод снайперов. Его командиром он назначил старшего лейтенанта, снайпера, которого отыскал в штабе соседней дивизии.

Также комбат нашёл в полку двадцать пять трофейных пулеметов МГ-34, а также старых ручных пулеметов Льюиса и сформировал в батальоне ещё взвод пулеметчиков со вторыми номерами. Наумов нашёл старые деревянные колёса от телег, их закрепили на ось, а на колесо установили пулемёт, получилась зенитная точка. Пулеметчики начали учиться сбивать немецкие самолёты, тренировались пока без патронов, для обучения даже приглашали зенитчиков.

А ещё Наумов пробил в дивизии сто противотанковых ружей. Двадцать пять оставили в батальоне, приспособив к ним снайперские прицелы. Отобрав первые и вторые номера, обучили их стрельбе, как по танкам, так и по самолётам.

Николай просил Наумова, чтобы, будучи в командировках в Москве, он заезжал к его жене и дочке. Дмитрий Степанович завозил Марии от него всякие подарки, к этому времени Военторг начал работать очень хорошо. Можно было купить всё: коньяк, шоколад, фрукты, папиросы любых марок. От себя Николай передавал сгущёнку и тушёнку, которую ему выдавали в пайке.

Стоит отметить, что Дмитрий Степанович и Николай Кириллович алкоголь не уважали и даже не курили.

Когда батальон был в обороне, Николай всё свободное время тратил на обучение личного состава воинским премудростям и как всегда, «мучил» своих бойцов рытьём дополнительных окопов и ходов сообщений. Но при первой же бомбёжке бойцы понимали, что они не зря трудились. Полк то оборонялся, то наступал. Николай, как мог, старался беречь личный состав, но это не всегда получалось. Наступил март 1943 года, наши войска, наконец, освободили Ржев и даже продвинулись вперед на сто-сто двадцать километров. После долгих отступлений наконец то пошли вперед.

В апреле, пока они были на переформировании, в полк приехала жена Николая Мария Сергеева. Командир полка Дмитрий Степанович Панкратов пошёл комбату навстречу и определил её к мужу в батальон санинструктором.

Сергеева наградили орденом Отечественной войны первой степени и присвоили звание капитана. Орденами и медалями отметили ещё около ста пятидесяти бойцов и командиров из его батальона, правда, семнадцать из них посмертно.

После Ржева началось наступление на Смоленск. Но очень скоро полк отвели на переформирование.

Сергеев получил пополнение из молодых необстрелянных солдат и таких же неопытных младших лейтенантов, сразу после окончания средней школы окончивших военные училища.

Зато весь полк полностью переделали в новую форму, а также поменяли знаки различия. Вместо одной шпалы на петлицы, Николаю пришлось крепить по четыре звёздочки на каждый погон. Теперь капитан перестал быть старшим командиром, как раньше, а опять стал средним, а старшими стали считаться майор и выше.

После пополнения и обучения личного состава, их снова направили на Западный фронт. Там готовилось наступление на Смоленск. Пока же наши войска стояли в обороне, сдерживая немцев. А в июле часть Западного фронта ударила в сторону Курска, помогая другим фронтам в летней битве на Курской дуге.

В сентябре, наконец-то, их полк продвинулся вперед, а Красная Армия освободила Смоленск. Полк Дмитрия Степановича Панкратова, в составе которого воевал батальон Николая Кирилловича Сергеева, был к этому времени уже хорошо обучен, а большинство солдат обстреляны. В первый год войны Красная Армия несла огромные потери, вот и Ржев забрал немало солдатских жизней.

После взятия Смоленска Николая наградили ещё одним орденом Красной Звезды. Отпраздновав награду, Сергеев отправил беременную жену в Москву, в тот же самый тыловой госпиталь. Забегу чуть вперёд, в январе 1944 года Мария родила прекрасного мальчика. После рождения у Николая второго ребёнка, несмотря на его возраст, бойцы стали звать своего командира Батей.

Через месяц после рождения сына, к Дню Красной Армии, Николаю присвоили звание майора, а командиру полка Дмитрию Степановичу Панкратову - звание подполковника. Кроме того, Николая наградили орденом Боевого Красного Знамени.

В апреле 1944 года Мария захотела сделать мужу подарок, оставила сына, которого назвали Алексеем, родителям Николая, а сама опять поехала на фронт. Всего два километра не суждено ей было доехать до позиций батальона, которым командовал Сергеев. На их автомашину налетели вражеские истребители и расстреляли в упор из авиационных пушек. Водитель и Мария погибли на месте. Кроме них в автомашине никого не было, она везла мыло на передовую.

Николай продолжал воевать, но узнав о гибели жены, он очень изменился, лицо стало чёрным с заострёнными чертами, виски поседели. Кто его не знал, меньше сорока лет ему не давали, а мальчишке не было и двадцати пяти. Тяжело терять близких людей, хоть на войне и привыкаешь к чужим смертям, становишься более чёрствым и грубым, но смерть очень близкого человека, всегда принимаешь тяжело.

Почти сразу после гибели Марии, командир полка отправил большую группу своих бойцов-разведчиков в глубокий тыл к врагу. Комбат не удержался и пошёл с ними, не поставив комполка в известность. Выйдя в тыл противника и удалившись километров на девять, Николай остался с тремя разведчиками на полянке они были в немецкой форме, майор в капитанской, бойцы в рядовой, а остальных отправил в разведку, получилось три группы по десять человек. Прошло больше часа, вдруг они услышали: «Хальт». Пытались оказать сопротивление, но тщетно, фашистов было не меньше дюжины, и они окружили полянку плотным кольцом.

Они собирались взорвать себя гранатами, но тут Николай увидел позади одного из фашистов своего разведчика. Знаком он показал, своим ребятам, что видит их, а тем, кто был с ним, что всё хорошо. Они бросили оружие на землю, тем самым отвлекая внимание немцев, в это время разведчики Сергеева окружили фашистов, и они все вместе положили на месте ножами всех немецких солдат, а немецкого лейтенанта взяли в плен.

Выполнив первое задание, надо было провести глубокую разведку и захватить говорящего офицера языка. Ребята вернулись рано утром следующего дня, волоча с собой пленных лейтенанта и майора-интенданта. Вернулись без потерь, но от генерала Сергеев получил такой нагоняй, что, наверное, хватило на всю жизнь. Генерал даже грозился понизить в звании майора, но потом немного успокоился и даже позвал Николая пить вместе с ним чай.

Тогда-же, в апреле, ему в очередной раз предложили стать командиром полка, но он хотел остаться в своем батальоне. Однако в мае 1944 года шальной пулей на НП был тяжело ранен командир полка, его друг Дмитрий Степанович. Подполковника отвезли в медсанбат, а

утром начался вражеский авианалёт. Пара фашистских самолётов старалась попасть в красный крест. Противовоздушная оборона полка, благодаря Николаю, была на высоте. Хорошо работали зенитчики, да и наши самолёты быстро подоспели. В ходе воздушного боя было сбито восемь немецких самолётов, остальные покидали бомбы куда попало и разлетелись. На позиции полка упала только одна бомба. Но именно она попала в ту палатку медсанбата, где лежал после успешно проведённой операции командир полка Панкратов. Вместе с ним погибли ещё шесть командиров и доктор.

Начальник штаба сообщил комдиву о случившемся, а на следующий день пришёл приказ о назначении командиром полка Николая Кирилловича Сергеева. Комдив знал характер Николая, поэтому и назначил его командовать полком письменным приказом. Сергеев не любил ничего менять в своей жизни, а ещё он очень боялся распоряжаться чужими жизнями. Но слово «Приказ» для него было свято, он сразу приступил к командованию полком.

22 июня 1944 года началась наступательная операция по освобождению Белоруссии от фашистских захватчиков. Четвёртого июля полк Николая вошёл в Минск. Войска Красной Армии освободили столицу Белоруссии и продолжили гнать немцев с нашей Советской земли.

За освобождение Минска Николая Кирилловича наградили двумя звёздочками, одну на погоны, а другую на грудь. Его представили к высокому званию Героя Советского Союза. Когда бойцы полка подошли к окраинам города Минска, огонь противника был настолько плотным, немцы успели сделать бетонные дзоты, спрятавшись за толстенными бетонными стенами. Поэтому продвигаться пехоте дальше было невозможно, они залегли. Но и окапываться было невозможно, каждая минута уносила всё новые и новые солдатские жизни, ждать было больше нельзя. Тогда командир полка приказал всей артиллерии ударить по дзотам противника, координаты передали с передовой, а всех бронебойщиков приблизили к наступающим войскам для подавления огневых точек противника, через смотровые щели. Минут через пятнадцать, прикрывая пехоту приданными ему пятью самоходными артиллерийскими установками, он лично поднял своих бойцов в атаку и на плечах убегающего противника вошёл в город.

Его и ещё пятерых награждённых из их дивизии пригласили в Кремль для вручения медали Золотая Звезда и ордена Ленина. Комдив специально для них договорился о выделении транспортного самолёта.

Свой денежный аттестат Николай отправил родителям, чтобы они с детьми ни в чём не нуждались. Но ему ещё надо было помогать вдове Дмитрия Степановича. Всё, что он получал в дополнительном пайке, он оставлял для них (сгущёнку, тушёнку, шоколад). Каждый месяц Николай отправлял продукты с оказией в Москву к вдове, а тут ему самому выпало ехать.

Неплохо помогли своему командиру полковые разведчики, они добыли трофейные продукты для вдовы и дочери их погибшего командира. За месяц получилась внушительная посылка: кубинский ром, французский коньяк, немецкие консервы сосиски и колбаски, швейцарский шоколад и печенье. Вместе с вещмешком комполка это была существенная поддержка.

Как-то из рейда по тылам противника разведчики Николая принесли огромный чемодан полный женского барахла. Что там только не было и чулки, и всякие пояса, а также другие предметы женского белья. Были даже платья, и всякая другая нужная женская дребедень, даже коробка с французским парфюмом. Всё было новое в красивых упаковках.

Разведчикам также удалось захватить грузовую автомашину, перевозившую продукты для каких-то генералов. Там были одни только деликатесы и всякие копчёности: икра красная, паюсная и чёрная зернистая, копчёный угорь и консервированные ананасы. Часть продуктов отправили командиру дивизии, другую часть в полковой медсанбат, ну и немного отложили для семьи погибшего командира.

Перед вылетом в столицу на награждение, для жены погибшего комполка собрали вещей и продуктов три полных чемодана и два вещмешка. Пришлось ему с собой в столицу брать

ординарца, для оказания помощи при таскании чемоданов. А тот был рад побывать в Москве хоть и проездом.

До Москвы добрались без приключений в шесть часов утра. Пока остальные командиры остались на аэродроме ждать автобус, Николай с ординарцем Костей поехали домой к Панкратовым на автобусе, а потом на метро. Те жили на улице Белинского, совсем недалеко от Кремля. Дверь им открыла хозяйка квартиры, вдова Дмитрия Степановича Татьяна. Она была молодой красивой женщиной, как потом выяснилось на восемь лет старше Николая. Её дочери было 13 лет, она в настоящее время находилась в пионерском лагере. Николай с ординарцем разгрузились и захотели сразу уйти, но Татьяна не захотела их сразу отпустить.

Новоиспечённый подполковник сказал, что в десять часов утра его ждут в Кремле, на него и четырёх его товарищей выписан единый пропуск. Если он не придёт вовремя, то и их не пустят. Женщина разрешила ему уйти, но взяла с него слово, что после награждения он обязательно вернётся. Ординарец записал её телефон и обещал позвонить, если, что-то случится.

Татьяна жила одна, родители её погибли 22 июня 1941 года. Они были в Киеве в гостях у младшего брата отца, гуляли на его свадьбе. Там в первый же день войны они попали под бомбёжку. Отец закрыл своим телом маму. Осколок от авиабомбы попал ему в спину и через сердце вонзился в супругу, чуть задев её. Она перевернула тело мужа на спину, и в это время осколок от второй бомбы пробил ей легкое. Нашли её только через два часа, привезли в больницу, там она и умерла от потери крови. Так Татьяна осиротела в первый день войны.

В Кремле Михаил Иванович Калинин вручил отличившимся командирам Красной Армии медали Героев Советского Союза и ордена Ленина. После вручения наград ребята разбежались по Москве, договорившись встретиться в восемь часов вечера на Васильевском спуске, где их будет ждать автобус, который довезёт их до аэродрома. Костю отправили с автобусом на аэродром, так как у него не было с собой никаких командировочных документов, кроме солдатской книжки.

Николай вернулся к хозяйке квартиры на улице Белинского - Татьяне. У неё в этот день был выходной, и она ждала его, накрыв на стол. Женщина испекла домашний пирог с капустой и нажарила тоненькими ломтиками картошечки, а также порезала селёдки, покрошив сверху зелёным лучком. Так она показала свою независимость от продуктов, которые привезли для неё фронтовики.

Николай оценил её щепетильность и достал из вещмешка бутылку французского коньяка. Он сам вообще не пил, но за знакомство не грех было пропустить рюмочку. Татьяна тоже не употребляла алкоголь, поэтому после первой рюмки её почти сразу повело. Сначала она стала плакать, жалуясь на свою жизнь, потом громко рыдать. Она жаловалась на то, что считает себя дурой, так как она отшивает мужчин, которые за ней ухаживают, а ведь ей очень хочется мужской ласки и внимания, её скоро разорвёт от плотских желаний.

Николай встал и, обняв Татьяну за плечи надеясь успокоить, прижав женщину к себе. Он стал поглаживать её по спине, и она потихоньку успокоилась. Николай ощутил, что от близости женского тела он возбудился, Татьяна, судя по всему, чувствовала то же самое. Она хотела поцеловать парня в губы, но попала в подбородок.

Николай нагнулся и сам впился в её губы. Они целовались минут тридцать. Татьяна ему сразу понравилась - очень красивая молодая женщина, ростом чуть больше полутора метров, с великолепной точёной фигуркой, симпатичным нежным личиком, обрамлёнными русыми волосами, опускающимися немного ниже плеч.

В голове Сергеева пролетела мысль, если он женится на Татьяне, тогда будет законно помогать ей, как своей семье. Но надо будет, наверное, объединить две семьи, ведь детям его и Марии тоже надо помогать.

Девушка повисла у него на шее, и он сообразил, что надо лечь на пол. Николай задрал её юбки и понял, что под ними ничего нет. Тогда многие не носили нижнее бельё, а носили только

нижние юбки. Была такая и у Татьяны. Пока Николай возился с ней, женщина уже стащила с него китель и штаны, а потом своими нежными ручками немного помогла ему войти в неё.

Татьяна стонала, кричала и орала часа полтора. Наконец, её затрясло и заколотило, потом всё тело напряглось, и она затихла, затем замерла в его объятьях. Николай притворился, что тоже приплыл, а потом через несколько минут, когда женщина немного успокоилась начал всё сначала.

До семи часов вечера они любили друг друга, даже не меняя позы. Им и так было очень хорошо. Когда Николай хотел освободиться, то она его удерживала, скрестив ноги на его ягодицах. Если же она хотела вскочить, тогда он нежно придерживал её за грудь и талию. Наконец прозвенел будильник, и они с трудом отлепились друг от друга.

Сергеев попрощался и уже собрался уходить, но тут раздался телефонный звонок. Это ординарец сообщил, что из-за сильного тумана вылет отложен до завтра. На следующий день в это же время и на том же месте их будет ждать автобус. Он просил предупредить других командиров.

Николай быстро сбегал и передал другим командирам радостную весть. Не каждый день фронтовикам удаётся погулять по Москве. Сам то он за время учёбы в институте уже нагулялся и ночами, и днём. Предупредив своих товарищей, подполковник быстро вернулся в квартиру. Татьяна ждала его, примеряя трофейное нижнее бельё: пояс и чулки, словно невзначай забыв надеть трусики.

Они опять слились в экстазе, но на этот раз всего на часик. Затем, наконец, решили поесть и поговорить. Татьяна ничего не просила, понимая, что неожиданно вспыхнувшие чувства могут не иметь продолжения. Тем не менее, ей казалось, что она с первого взгляда полюбила Николая и теперь хочет от него ребёнка. Подполковник пообещал постараться и помочь ей в этом.

Чуть позже он тоже признался женщине в любви. Влюблённые всю ночь продолжали сливаться в экстазе. Это продолжалось и днем, пока не пришло время расставаться. Татьяна ещё с вечера отпросилась с работы, и ей пошли навстречу. Трудилась она инженером на заводе «Серп и Молот».

Вечером позвонил Костя и сказал, что погода наладилась и вылет состоится по расписанию.

Николай улетел продолжать освобождать Белоруссию на этот раз в составе 1-го Белорусского фронта. Операция по освобождению закончилась двадцать девятого августа 1944 года.

Потом освобождали Польшу под командованием Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. А потом вместе с ним брали Берлин. На словах, конечно, быстро всё получается, а на самом деле каждый метр польской и немецкой земли был обильно полит кровью наших русских солдат.

Немцы жестоко сопротивлялись, они противопоставили нашим войскам миллионную группировку войск, 6200 танков и 7500 самолётов. Только Берлин защищали около семисот тысяч солдат Вермахта и шестьдесят тысяч бойцов Гитлерюгенд, в котором служили фанатично настроенные старики и подростки с фаустпатронами и пулемётами. Даже после капитуляции наравне с войсками СС они продолжали нападать на наши войска.

Второго мая был взят Берлин. Советские войска ушли вперёд на сто пятьдесят километров. А 8 мая немецким командованием была подписана капитуляция. Война закончилась убедительной Победой Советского народа. Хотя сейчас некоторые историки пытаются перевернуть и перевернуть историю. Но это у них вряд ли получится.

Десятого июня 1945 года был сформирован контингент оккупационных войск в Германии. Его командующим был назначен герой Великой Отечественной войны, маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Число советских солдат, находящихся на территории Германии, сначала составляло 1,5 миллиона человек.

В конце мая начали формировать сводный полк от их фронта для участия в параде Победы в Москве. Для этого в обязательном порядке были привлечены все Герои Советского Союза, в том числе и Сергеев. Более того, поначалу Николай даже командовал сводным полком, но потом его сменил какой-то генерал майор. Перед самым отправлением в Москву, пришёл приказ о присвоении Николаю Сергееву звания полковника.

Двенадцатого июня участники парада прибыли в славную столицу нашей Родины. Их разместили на территории какого-то мужского монастыря, неподалёку от Кремля. Военные решили не мешать монахам в их повседневной жизни, поэтому натянули палатки во дворе монастыря. Там же расположили полевые кухни, построили из досок крытые навесы для приёма пищи, и обустроили отхожие места. Обеденные столы и деревянные скамьи героям войны выделил монастырь.

Николай, как только приехал в Москву, отправился домой к Татьяне. По дороге он встретил управдома, тот поинтересовался с какой целью полковник идёт в их дом, Сергеев познакомился с ним, но пока не стал ему ничего рассказывать, они разговорились о весне о Победе. Управдом рассказал, что в Москве с квартирами стало плохо, жители возвращаются из эвакуации, а их дома разбиты и разрушены, поэтому идёт уплотнение. По его словам, к Татьяне в две комнаты должны были подселить жильцов. Так как они с дочерью однополые, то им полагается только одна комната. Однако после того, как Татьяна родила мальчика, возможно им оставят еще одну комнату.

- А что будет, если Татьяна выйдет замуж? - спросил Николай.

Управдом замялся.

- А если её мужем будет полковник и Герой Советского Союза? - не отставал Сергеев.

Управдом оглядел полковника и, увидев звезду Героя под расстёгнутой шинелью, сказал, что тогда точно оставят их семью в покое освободив от уплотнения.

Сергеев пришёл к Татьяне и поведал ей всё, что узнал от управдома. В свою очередь она рассказала ему, что их сын, которого она назвала Анатолием, родился 13 апреля 1945 года. Она писала ему об этом, но, видимо, письма до него не дошли. Полковник сразу взял быка за рога и предложил Татьяне выйти за него замуж. Женщина, не раздумывая, согласилась. В ЗАГС расписаться они пошли в тот же день, а потом оформили всё в домоуправлении. Николай даже своих двоих детей от Марии тоже на всякий случай вписал в домовую книгу.

Как и обещал управдом, об уплотнении все сразу забыли. Когда у Николая Кирилловича выпала свободная минута, он съездил в свой институт и восстановился. Но теперь он стал студентом третьего курса заочного отделения. Он понимал, что рано или поздно высшее образование ему пригодится.

Николай мечтал окончить институт и поступить учиться в Академию имени Фрунзе. Во время заочного обучения осенью идут промежуточные занятия, а после Нового года начинается зимняя сессия. Но так как Николай не знал, где он будет зимой, поэтому написал заявление в деканат с просьбой о сдаче зимней сессии досрочно. Ему разрешили, и он досрочно с отличием сдал все экзамены.

Пока муж был дома, Татьяна вся светилась. Она даже не ходила, а как ей казалось летала, по квартире. Походка её стала лёгкой, а лицо несколько лет носившее печаль, теперь было радостным и одухотворённым. Она даже помолодела и очень похорошела настолько, что все мужчины, проходившие мимо неё, оборачивались ей вслед.

Для всех участников парада Победы заказали новую форму, соответствующую родам войск. 22 июня была проведена последняя репетиция, уже в новом обмундировании. Погода в этот день была просто мерзкая. Было очень пасмурно и холодно, да ещё шёл мелкий пакостный дождик. В день самого парада, 24 июня 1945 года, погода была тоже не очень. Хотя и стало теплее, но всё равно шёл дождь и было пасмурно. Однако несмотря на всё это, парад прошёл

отлично. Длился он чуть более двух часов. Принимал его маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

После окончания парада командир сводного полка, в рядах которого шёл Николай, куда-то делся. Это вызвало ряд затруднений. Надо было получить распоряжение куда и когда отправить личный состав, ведь их полк собран со всего фронта, куда деть имущество, вооружение, остатки продовольствия. Решать эти вопросы пришлось Сергееву как заместителю командира сводного полка.

На это к великой радости Татьяны ушло у Николая около двух недель. Они все эти дни не расставались, женщина даже на работу ходила вместе с ним ожидая его на скамеечке. Даже в Министерство Обороны Татьяна сопровождала полковника. А сама ожидала его в сквере неподалёку.

Когда он наконец всё сдал и распорядился личным составом, то получил распоряжение отправиться обратно в Германию. Прибыв к месту службы, он опять принял свой полк, хотя перед отъездом слух прошёл, что не кадровых командиров до командования подразделениями допускать не будут. Видимо комдив помог.

Перед отъездом Николая из Москвы Татьяна сообщила ему, что она снова беременна. Сергеев был очень рад, ведь они с Татьяной очень полюбили друг друга, и, пока он был дома, не пропускали ни одной минуты, чтобы побыть вместе. Они любили друг друга при любой возможности, но, когда не получалось они просто сидели или стояли рядом с друг другом держась за руки разговаривали, а иногда просто молча смотрели друг на друга. Им было очень хорошо вместе, в свободное время ходили гулять с Анатолием, брали с собой и Надежду, которую забрали из пионерского лагеря на несколько дней, чтобы она познакомилась поближе с Николаем.

Надежда, дочка Татьяны, тоже привязалась к Николаю Кирилловичу. Они с ней очень подружились. Девочке в августе должно было исполниться пятнадцать лет - самый нелёгкий подростковый возраст. Но сомнения в том, что девочка не примет Николая, развеялись. Надежда искренне полюбила Сергеева, приняв его как отца, отец ушёл на войну, когда девочке было десять лет. Николай сначала хотел усыновить девочку, но мама была против, она хотела, чтобы память о погибшем муже осталась в Надежде, хотя бы пока она замуж не выйдет.

8 июля 1945 года Николай вылетел из Москвы в Германию и к обеду уже был в Берлине. Дорога заняла всего несколько часов, он даже сам удивился, как быстро всё произошло. Доложив о прибытии командиру дивизии, Сергеев приступил к командованию полком.

Буквально через два дня началась демобилизация. Она продлилась до 1948 года. Можно только представить, что испытали солдаты, провоевавшие несколько лет, которые из-за возраста были оставлены служить ещё три года. Таких, правда, было немного, но они были, и надо было как-то следить, чтобы ребята ничего не натворили.

Несколько лет войны нервы у бойцов и командиров были похожи на сжатую пружину. Каждый день нёс угрозу жизни. Но вот война кончилась, пружину отпустили, а вот до демобилизации, а, значит, и до дома, ещё, ой, как долго.

Серьёзной проблемой стало большое количество бесконтрольно вносившегося в часть алкоголя. Ещё одна беда—это женщины. В немецких городах было полно вдов и молодых женщин, соскучившихся по мужской ласке. Как тут уследить за молодыми командирами и бойцами, которые не видели женщин три-четыре года. С этим было очень сложно бороться.

Кто-то из женщин давал солдатам по любви, кто-то по желанию. Доходило дело и до изнасилований. Причём, насиловали всех подряд и молодых, и женщин средних лет, а иногда даже старух. Последние, правда, не всегда заявляли.

Оружейных комнат поначалу не было. Оружие солдаты постоянно носили с собой, а с ним и преступления совершать было легче. Командир полка и его помощники, как могли, пытались

предотвратить противоправные действия, но у них не всегда получалось. Уж очень ушлый в полку был народ, к тому же избалованный от лёгкой добычи.

У воинских частей не имелось постоянного места дислокации. Никто не знал, какие части оставят в Германии, какие отправят домой. Ходили слухи, что почти весь первый Белорусский фронт останется на территории Германии. В целом, так всё и вышло: значительная часть соединений Белорусского фронта: авиация, танки, самоходки и мотострелковые дивизии остались здесь.

Через некоторое время полк Сергеева перевели в Вюнсдорф, а в 1946 году в Потсдам, на самую окраину города в бывшие казармы Бундесвера. Это было довольно удобно, поскольку вся инфраструктура: казармы, котельная, школа, магазин, два дома для семей офицеров, даже коттеджи для командира полка и его двух заместителей – всё имелось в наличии. Николай Кириллович сразу огородил расположение части колючей проволокой в несколько рядов, а позже установил забор вокруг части.

Он провёл в казармы электричество, фашисты уходя взорвали подстанцию, а по периметру поставил вышки установив на них прожекторы, территория постоянно охранялась часовыми. На первое время это помогло. Демобилизация продолжалась, солдаты и командиры потихоньку разъезжались домой. Осенью 1948 года в полк прибыло первое молодое пополнение. Военная жизнь потихоньку возвращалась на гражданские рельсы. Солдаты, воевавшие со своими командирами бок о бок и, рисковавшие друг за друга жизнью, ушли в запас, и в армии вновь восстановилась субординация, которая немного пошатнулась после Победы.

Десятого июня 1946 года Николаю предоставили отпуск. До этого, в мае, у них с Татьяной родился ещё один сын. В отпуске, кроме прочих дел, он планировал сдать летнюю сессию в институте. Он преуспел во всём: сдал не только летнюю, но и зимнюю сессию. Поняв, что с детьми, помог Надежде подготовиться к поступлению в институт, обозначив ей направления учёбы. Девочка собралась поступать в следующем году в педагогический институт имени Н.К. Крупской, где он сам учился.

Николай успешно перешёл на четвёртый курс. Полковник учился только на пятёрки, и ему шли навстречу, когда он просил перенести сессию. Через два месяца он уехал в Германию, наняв Татьяне помощницу по ведению домашнего хозяйства, и, сделав ей ещё одного ребёнка. Теперь они очень хотели девочку.

Десятого августа Николай Кириллович уже был в своём полку. Туда и обратно он летал на транспортных самолётах. Он давно дружил с командиром авиационного полка. К тому же у них было много общего. Его жена с детьми тоже жила в Москве. Оба были молоды. Авиатор был старше Николая только на четыре года. Оба они были Герои Советского Союза. Любили охоту, рыбалку, собирать грибы и конечно, русскую баню с хорошим берёзовым веником. Веники привозили из России. Они не курили. Николай не пил вообще, а Сергей, так звали командира авиаполка, на любом застолье выпивал не более трёх рюмок.

Всё было неплохо, служба шла своим чередом. В апреле Татьяна родила дочь. Надежда поступила в институт. Николая 15 июня 1947 года отпустили в очередной отпуск. Он с отличием перешёл на пятый курс и снова попросил о досрочной сдаче зимней сессии. Ему пошли навстречу. Сергеев сдал и эту сессию на отлично. Ректор института, поговорив с Николаем Кирилловичем, предложил сдать ему первые экзамены за пятый курс, тот согласился и опять сдал всё на отлично.

После этого ректор решил, что вместо дипломного проекта Николай будет сдавать государственные экзамены. На подготовку к ним выделили десять дней. Николай успешно прошёл и это испытание, несмотря на строгую госкомиссию.

Сергеев получил диплом с отличием, и был счастлив, что закончил институт. Татьяна и Надежда тоже им очень гордились. Надежда не отходила от Николая не на минуту, Татьяна даже стала его немного ревновать. Два месяца дома пролетели, как один день. Сергеев хотел

перевести свою семью в Германию, но он опасался оставлять Надежду в Москве одну без присмотра.

И снова Николай оказался в Германии. Он отнёс диплом об окончании института командиру дивизии, тот отдал его инспектору по кадрам. Не у многих офицеров в то время было высшее образование, пусть даже и не по профилю. Николай мечтал поступить в военную академию, но вслух никому пока об этом не говорил.

Николай был награждён в 1944 году именовым пистолетом «ТТ», он постоянно ходил в форме и пистолет был у него всегда в кобуре. Но у него был ещё один револьвер системы «Наган», ему подарили его бойцы ещё когда он был комбатом. Они прикрепили латунную табличку к ручке револьвера, на ней было написано: «Комбату Сергееву Н.К. за храбрость и отвагу. От бойцов батальона.» Револьвер ему был очень дорог, он не расставался с ним.

После окончания института, как-то Татьяна предложила прогуляться по вечерней Москве. Николай в это время чистил револьвер, положив его на тумбочку в прихожей он пошёл одеваться. Гражданской одежды у него не было, кроме коричневой кожаной лётной куртки, подарок от друга комполка, Татьяна нашла в шкафу светлую рубашку, вельветовые тёмно-коричневые брюки и плетённые туфли покойного мужа. Пошли гулять полковник по привычке положил револьвер в карман брюк.

Вышли на набережную Яузы реки, дневная жара ушла, город был отделён от воды гранитной набережной, дышалось очень легко, от воды было немного свежо, но не холодно, воздух казался звенит. Шёл первый час ночи Москва уснула, было тихо и очень спокойно.

Они где-то через час собрались уходить домой, но тут к ним подошли четверо молодых людей, они вели себя очень нагло и развязано. Несмотря на седые вески и страшный шрам через всё лицо было видно, что Николай в сущности ещё молодой человек. Хулиганы были пьяны, они честно рассказали о своих намерениях. Хотели раздеть пару, отобрав носильные и ценные вещи, а женщину изнасиловать, как они сказали поиграться.

Николай Кириллович несколькими ударами раскидал хулиганов, он бил их жёстко, безжалостно, каждым ударом нанося значительный ущерб. Но блатные не собирались отступить, трое из них смогли подняться, у того, что стоял ближе всех сверкнул в руке нож, а у двух других пистолеты «Вальтер». Полковник перехватил руку с ножом, согнул руку в локте и вонзил нож в горло нападавшему, его же рукой. Прячась за убитым как за щитом, он выхватил свой револьвер и не раздумывая всадил пулю в лоб самому наглому, а вторую в лоб третьего подонка.

Оставив нападающих и их оружие на месте, они спокойно ушли с места нападения. Потом полковник понял, что оставлять бандита-свидетеля в живых нельзя, он вернулся и ещё одним выстрелом в лоб добил лежащего у воды бандита. Выстрел из нагана не громкий, сухой шелчок, никто на Николая и Татьяну внимания не обратил, да и жилые дома были довольно далеко от того места на набережной, где они находились.

Первое, что пришло Николаю в голову бросить револьвер в реку, но он был ему очень дорог как память об однополчанах. Полковник подумал, что гильз на месте не осталось, пули свинцовые, они наверняка расплющились об лобную кость и идентификации не подлежат. В данной ситуации офицер считал себя не виноватым, он защищал свою жизнь и жизнь своей любимой. Но его могут посадить, хоть он и убил бандитов, в то время особо не разбирались, тем более война кончилась и военные пока не нужны. Поэтому в милицию он не пошёл, а на следующий день улетел в Германию. Татьяна потом писала, что никакого шума не было, к ней никто не приходил и ничего не спрашивал.

В 1948 году стали поговаривать о сокращении армии. С этого года наши части на немецкой земле стали называться группой советских оккупационных войск в Германии, сокращённо ГСОВГ. А в 1949 году образовалась Германская демократическая республика (ГДР). В 1954 году СССР признал это государство, и в том же году войска в Германии были переименованы в ГСВГ. Из названия исчезло слово оккупационные. Количество войск значительно сократилось.

Восьмого декабря 1951 года в семье Сергеевых случилось огромное несчастье. Татьяна шла вечером с работы, и её сбил грузовик. Женщина скончалась на месте. А водитель, абсолютно трезвый молодой парень, сказал, что он задумался и не успел затормозить на пешеходном переходе.

Вот так они в один день осиротели. Николай прилетел на похороны. Похоронив Татьяну, он вызвал своих родителей вместе с детьми в Москву. Старшие дети уже ходили в школу, пришлось срочно перевести их в московскую школу. Надежда училась на четвёртом курсе института. Решили дать ей доучиться хотя бы до лета, а летом Сергеев приедет в отпуск, и они совместно решат, как дальше жить.

Николай Кириллович заметно сдал после смерти жены, голова совсем побелела, по ночам усилились головные боли, стала мучить бессонница. Он очень тяжело перенёс утрату любимого человека. После ухода Татьяны на душе и в сердце стало темно и очень горько. Но забота о детях, работа потихоньку сглаживает больные углы, постепенно зарубцовывая кровоточащие раны.

Полковник приехал в отпуск в начале июня 1952 года, Надежда перешла на пятый курс института. Собрали семейный совет, как жить дальше. Николай Кириллович всех выслушал, а затем рассказал про свой вариант. Он предложил всей семье уехать в Германию, но для этого надо было иметь полную семью. Приглаждать за квартирой предполагалось оставить родителей Николая, они ещё были крепкие и полны энергии. Поэтому они с удовольствием приняли предложение сына. А Надежда вполне могла перевестись на заочное отделение.

Для переезда в Германию им с Надеждой необходимо было оформить фиктивный брак и усыновить всех детей. Николай пообещал, что, когда она встретит достойного человека, они разведутся. Этот вариант устроил всех. Сдав экстерном зимнюю сессию, Надежда перевелась на заочное отделение. На следующий день они с Николаем подали заявление в ЗАГС, и через две недели их расписали.

За время своего отпуска Сергеев оформил все бумаги и отправил свою семью в Германию поездом, надо было, чтобы они прошли таможенную при выезде за границу. Сам же он полетел в свою часть на самолёте прилётев на Советский военный аэродром в Потсдаме и встретил свою семью уже в Берлине на вокзале.

Надежду с удовольствием взяли в школу для детей военнослужащих учителем немецкого языка. Она в совершенстве владела немецким и польским языками. Она также знала и английский, но у неё «хромало» правописание и не хватало разговорной практики. В школе работала учительница французского, но она работала последний год, а весной они с мужем уезжали на Родину. В то время в школе было обязательное изучение двух языков, на выбор учеников. Сразу после войны изучали почти везде немецкий и французский, но последний потихоньку вытеснил английский язык. Надежде предложили со следующего года преподавать английский язык, и она согласилась. В городе жил немолодой англичанин, в Германию он приехал ещё до войны. Девушка попросила его попрактиковать с ней разговорные навыки английского языка. За небольшую плату тот был не против позаниматься с ней. Он так хорошо натаскал Надежду, что через год уже никто не мог отличить её от настоящей англичанки.

На следующий год девушка закончила институт, ей предложили вести факультатив по польскому языку. А ещё через два года мужа директора школы перевели служить в Дрезден, и директор уехала с мужем. Надежда в школе была единственным педагогом с высшим образованием её и назначили директором школы.

Наступил сентябрь 1952 года. Старшие дети пошли в школу, а младшие отправились в детский сад. Все было хорошо, только вот у Николая и Надежды произошёл серьёзный разговор о том, как им жить дальше.

Девушка была влюблена в своего фиктивного мужа и предложила ему стать ему настоящей женой. Но Николай опасался, что это детская влюблённость, которая скоро пройдёт. Он

серьёзно считал, что будет ей помехой, когда девушка кого-нибудь встретит и по-настоящему полюбит.

После этого разговора Надежда разрыдалась у мужа на груди. Николай пробовал её успокаивать, но у него не очень получалось. Тогда он взял её двумя руками за голову и стал целовать в лоб, щёки и глаза. Девушка немного успокоилась и впиалась в его губы своими, да так, что он еле оторвал её от себя. Он нес ей какую-то несурезицу о том, что еще не готов к отношениям с ней, а потом ушёл к себе в комнату и лёг спать. Время было уже вечернее.

Семья Сергеева занимала трёхкомнатный коттедж. В одной комнате жили девочки с Надеждой, а мальчики в другой, в третьей ночевал Николай. Завтракали, обедали и ужинали они на кухне. Она была очень просторной, не меньше тридцати квадратных метров. Так, что места хватало.

Как только приехали дети, Сергеев сразу нанял им няню. Она и еду им готовила и присматривала за ними. Школа, где они учились, была для советских детей, и преподавали в ней тоже по-русски. Тем не менее, Николай попросил дома всех говорить по-немецки, чтобы приобретали разговорный навык. Сам он тоже отлично знал немецкий язык, но так как их приёмная мать свободно говорила на английском языке, дети как-то само собой тоже приобщились. Через пару лет тоже довольно сносно научились говорить и на английском языке, а девочки ещё и польским увлеклись.

Уйдя к себе в комнату, Николай стал думать, как ему жить дальше. Ведь он видел, что девушка любит его, но он не мог приблизить её к себе, так как чего-то опасался. Даже сам себе он не хотел признаваться, что тоже её любит.

Он долго ворочался в постели и думал до часу ночи. Наконец, пелена сна начала на него надвигаться. Сквозь сон он заметил, как приоткрылась дверь, и какая-то тень скользнула в комнату. Зашуршал сброшенный халатик, и обнажённое тело прижалось к нему под одеялом. Мужчина почувствовал, как пульсирует тело Надежды. Обняв девушку, Николай подумал, что она оказалась намного мудрее его, и сама всё решила за них обоих.

Они долго не могли оторваться друг от друга. Девушка была честная, она даже ни разу не целовалась с мальчиками. Наверное, Надежда всё-таки с детства любила его. Конечно, она не думала, что мама погибнет. Но что произошло, то произошло.

Молодые люди любили друг друга до семи утра. Затем Николай побежал на службу, а Надежда с детьми пошла в школу. Старшие дети по её счастливому лицу поняли, что Надежда стала наконец настоящей женой, но виду никто никому не подал. Да дети были и не против, они понимали, что рано или поздно это произойдёт. Хорошо, что их мачеха стала Надежда, а ведь отец мог влюбиться и в другую женщину. А девушку они любили и давно считали её своей матерью.

Наступил 1954 год, и в СССР началось сокращение армии. За два года она уменьшилась почти на полтора миллиона человек. Сокращение не коснулось полка Сергеева. Он уже подумал, что пронесло.

В 1955 году Николая направили учиться в Московскую Академию Бронетанковых войск СССР. Почему именно в это учебное заведение он понял значительно позже. Окончив учёбу, Николай вернулся в полк.

Неожиданно в 1961 году в полку полностью сократили четвёртый батальон, с офицерами, солдатами, техникой и даже вольнонаёмным составом. Чтобы как-то сохранить опытный офицерский и старшинский состав Сергеев заполнил все вакансии в полку, даже поставил майоров временно командовать взводами.

Видя его мучения и желание пристроить своих офицеров, командующий армией решил помочь полковнику. Ему пришла разрядка на открытие танковой школы младших командиров и специалистов. Генерал разместил школу в полку Сергеева. Таким образом, Николай получил три подполковничьи должности (начальник школы и его два заместителя), четыре

майорские (командиры рот) и шестнадцать капитанских (командиров взводов), а, самое главное, четыре должности для старшин рот. Некоторые старшины служили с Николаем Кирилловичем ещё с 1941 и с 1942 года. Школа готовила командиров танков, выпуская младших сержантов и сержантов, наводчиков - рядовых и ефрейторов, механиков-водителей - ефрейторов и младших сержантов. Кроме того, здесь же обучали водителей армейских автомобилей.

Дело в том, что в учебной школе все офицерские должности были на одну ступеньку выше, чем в обычном строевом подразделении.

Но тут пришла новая беда в каждом батальоне его полка сократили по одной роте, а хозяйственный батальон уменьшили до роты, транспортную роту до взвода. Опять полковнику пришлось думать куда деть офицеров, опять помог генерал, он оформил офицеров и сверхсрочников в какую-то воинскую часть, расположенную в Польше, где был не комплект. С зарплатой вот только проблема, приходилось раз в месяц ездить в Люблин за деньгами, но они вышли из положения выписали друг другу доверенность у командира полка и стали ездить за деньгами по очереди.

В конце 1962 года сократили соседний танковый полк. В нем остался только один полный батальон. Все устаревшие танки отправили в Союз и там утилизировали, сохранив только танки Т-55. Вся технику и оставшихся людей передали Николаю Кирилловичу. Никита Сергеевич Хрущёв считал, что мотострелковые полки в Германии не нужны, он вообще предпочтение отдавал артиллерии и танкам.

Через несколько недель полк Николая получил первые новейшие гладкоствольные танки Т-62 с ночными приборами видения, уже с автоматикой, и с более усиленной бронёй. Правда сначала они получили всего двенадцать танков, но, если считать, что их только начали выпускать этого, было вполне достаточно.

Теперь полк Сергеева вместо мотострелкового стал танковым. Устаревшую технику у него также утилизировали. Но зато Николаю удалось сохранить всех офицеров, а главное, старшин. Он очень дорожил ими. Командира взвода пришлют из военного училища, а старшего офицера из академии, а вот хорошего старшину надо растить самому. Кто ближе всех к солдату конечно старшина, кто занимается бытом солдата, конечно старшина. Поэтому было очень важно иметь хорошего старшину, полковник ещё с войны проникся к ним глубоким уважением.

Наконец-то закончилось хрущёвское сокращение армии. А в 1964 году был отправлен в отставку и сам Хрущёв Никита Сергеевич. Николай продолжал служить в Германии, в полку его очень уважали и как командира, и как фронтовика. Для офицеров и солдат он был «Батей» став во всём им достойным примером для подражания. Ему много раз предлагали стать командиром дивизии, даже выдвигали на должность заместителя командующего армии, но Николай Кириллович в свойственной ему манере всегда отказывался. А лет через пять ему перестали предлагать повышение заранее зная его ответ. Полк Николая Кирилловича легко перешёл на танки, личному составу особенно и переучиваться не пришлось.

Жена родила ему ещё двоих детей - девочку и мальчика. Остальных ребят Николая Надежда усыновила. Таким образом супруга Сергеева стала матерью- героиней. Старшие мальчики пошли учиться в военные училища и через несколько лет с отличием их окончили. Старшая девочка стала, как её родная мать, врачом, а другая, по примеру приемной матери, выучилась на учителя. Младшие дочь тоже хотела стать врачом, а сын мечтал о Суворовском училище.

В августе 1981 года Николаю Кирилловичу исполнилось шестьдесят лет, и он засобирался на пенсию. Дети выросли и разъехались, надо ехать на Родину и строить себе дом на старость. Его родители умерли, оставив квартиру в Моршанске внукам, а квартира в Москве была оформлена на Надежду.

Сергеев написал рапорт об уходе в отставку. Но его вызвал командующий Советской группой войск в ГДР и попросил послужить хотя бы до 1985 года. Почему он не объяснил. Николай подумал, что четыре года ничего не решают, к тому же и командующему отказать было довольно сложно. Поэтому они с женой решили остаться в Германии ещё на четыре года.

Поехав в очередной отпуск, Николай выхлопотал для своей семьи земельный участок в посёлке Красково Люберецкого района Московской области. Как участнику войны и Герою Советского Союза, ему выделили пятьдесят соток земли, для строительства жилого дома и даже обещали помочь со стройматериалами. А его жена была матерью-героиней и ей тоже полагались какие-то льготы. Весь отпуск ушёл на оформление документов, строить фундамент решили начать в следующем году.

Через год, начав в мае, за два месяца они построили фундамент и подвальный этаж высотой два с половиной метра. Грунтовые воды были очень глубоко. Перекрыв подвал бетонными плитами, Николай Кириллович с женой уехали в Германию. За их домом приглядывали дети, живущие и работающие в СССР. На следующий год двухэтажный кирпичный дом был достроен.

Правда, Николаю пришлось разбить отпуск на две части. Сначала он на неделю прилетел вместе с женой. Оставив её контролировать строительство, Николай вернулся к месту службы. Когда отпуск у Надежды заканчивался, он вернулся чтобы сменить её. За два месяца до его отъезда строители успели закончить дом полностью. За домом снова взялись приглядывать дети.

Когда служба Николая подошла к концу, они собрали своё имущество в старые списанные контейнеры. Всё уместилось в шесть штук. Там была и мебель, и пианино, и ковры, и всякая другая утварь. Николай Кириллович упаковал туда даже подаренный начальником вооружения, списанный боевой карабин СКС и старинное немецкое охотничье ружьё. Благодаря помощи командира авиаполка контейнеры отправили самолётом на военный аэродром в Раменское.

Генерал, как и обещал, отпустил его в отставку в июне 1985 году, а следом за ним ушёл и сам. Сергеевы в Советский Союз поехали поездом. Ещё в Германии генерал узнал, что Николаю Кирилловичу дали только пятьдесят соток земли. Он привлёк все свои связи, хотел пробить ещё пятьдесят соток. Но было всё бесполезно, чудом он пробил своему командиру полка ещё двадцать соток. Больше земли просто не дали, сославшись на то, что взять её больше негде, хотя рядом был огромный пустырь, который со временем застроили.

Встретив груз, Сергеев с помощью контейнеровозов доставил их в новый дом. Ничего покупать не пришлось, да и сами контейнеры в домашнем хозяйстве пригодятся.

Мой отец, Анатолий Алексеевич Кутырёв, пять лет служил в Германии под командованием полковника Сергеева. Они и потом не раз встречались. Мы жили в Раменском, а они в Красково - всего двадцать минут на электричке. После того, как я купил автомашину, эти встречи стали чаще. А потом как-то пути-дорожки разошлись. Мы ещё приезжали к ним с отцом раза два, но не застали полковника дома. Мы к тому времени переехали жить в деревню, и телефона у нас не было. А у меня скоро заболел брат, умерла бабушка. Брата вылечили, а я женился во второй раз, постоянная суета.

Через пять лет брат разбился на автомашине, после аварии он болел несколько месяцев и двадцать шестого декабря 1996 года его не стало. Когда Вадим умер, серьезно заболел отец, сразу получив вторую группу инвалидности, а на следующий год и первую. Мы виделись с семьёй полковника последний раз в июне 1995 года. Так что с Сергеевыми мы больше не встречались.

Чтобы не было обид и претензий со стороны их родственников, в этом рассказе я изменил имена и фамилии главных героев своей повести.

Любовь и войны.

Родители Алексея жили в Санкт-Петербурге и работали на автозаводе «Руссо-Балт». Никифор трудился инженером-конструктором, а его жена Мария - чертёжницей.

В 1914 году, когда Алексею исполнилось восемнадцать лет, его родители неожиданно погибли.

Полиция сказала, что их застрелили грабители. Однако друзья семьи поговаривали, что родителям Алексея удалось разработать новый автомобильный мощный двигатель, аналогов которому пока нет ни в России, ни за рубежом. Якобы это и стало причиной их гибели. Вроде бы даже какая-то страна охотилась за созданными ими чертежами, но пока без результата. Самому же Алексею стало казаться, что после смерти родителей за ним тоже стали следить.

Поэтому, когда 28 июля 1914 года началась война с Германией Алексей отучился на краткосрочных офицерских курсах, сдал экзамены на прапорщика (младший лейтенант) и пошёл добровольцем на фронт. Младших офицеров не хватало, поэтому в Санкт Петербурге создали такие курсы при кадетском училище. Воевал он довольно неплохо. Его взвод, со временем, стал одним из лучших в полку. Правда, его три раза ранило, но зато он быстро продвигался по службе, и к февралю 1917 года дослужился до звания капитана, став командиром стрелкового батальона.

В царской армии кровь, пролитую за царя и Отечество, было принято высоко оценивать, не только денежными вознаграждениями. А также награждали и за храбрость. К концу войны на груди командира батальона красовались пять офицерских орденов.

Так получалось, что его командиры погибали или с тяжелыми ранениями попадали надолго в госпиталь, а он оказывался единственной подходящей кандидатурой на вакантные должности. Вот так Алексей и продвигался по службе, можно сказать, на чужих костях. При этом он зла никому не желал и никого не подсиживал. Что сделаешь: война есть война.

Обязанности свои он выполнял хорошо, за чужие спины не прятался, каждой пуле не кланялся. Три тяжелых ранения - это тоже показатель его храбрости, ведь все они были совсем не в спину.

Первый орден он получил в начале своей военной карьеры, надо было добыть языка. Прапорщик выбрал в своём взводе пять добровольцев и с ними пошёл в тыл к германцам. Перерезав специальными ножницами два проволочных ограждения, они проползли метров двести и оказались в окопах у немцев. Им повезло, они бесшумно сняли часового и тихо взяли в плен немецкого фельдфебеля, который вышел до ветру. Алексею, взятый в плен фельдфебель, показался недостаточным языком, и он, отправив пленного с двумя солдатами в свой тыл, с тремя другими солдатами решил попытать удачу и проникнуть поглубже во вражеские позиции и попробовать пленить вражеского офицера.

Им удалось зайти километров на пять в глубину немецкой обороны и без особого труда взять в плен австрийского капитана. Но правда пришлось тащить его на себе, сменяясь по очереди. Офицер оказался борзый и не хотел идти сам, пришлось засунуть ему кляп в рот и спеленать верёвками. Без приключений дошли до немецкого переднего края, начало светать.

У немцев в окопах поднялась тревога, видимо нашли мёртвого часового. Пришлось штыками прокладывать себе путь, бегом добежали до своих окопов перед самым носом у немцев. Правда были ранены два бойца, один не очень тяжело, а у второго была повреждена артерия, чуть не потеряли солдата, еле успели зажать ему рану, а затем перетянуть брючным ремнём ему ногу. Еле-еле успели донести до полкового лекаря, после проведённой операции солдат быстро пошёл на поправку.

Второй раз прапорщик опять пошёл в тыл к противнику, на этот раз взяв с собой трёх добровольцев, чтобы не шуметь. Им опять повезло, они захватили в плен немецкого лейте-

нанта, но на обратном пути их накрыла вражеская артиллерия Алексея и ещё одного солдата ранило, а двух других убило. Но они смогли привезти пленного без единой царапины.

После первого ранения в грудь прапорщик попал в госпиталь, где познакомился с очаровательной молодой и очень красивой вдовой штабс-капитана, погибшего в первые дни войны. Ей было двадцать пять лет, а Алексею почти девятнадцать. Как многие дворянки, она работала в госпитале сестрой милосердия и стала ему одновременно матерью, сестрой, любовницей и женой. Её звали Ксения, она была из не очень богатой, но все же довольно обеспеченной дворянской семьи.

Все началось с того, что однажды Ксения, перевязывая Алексея, оказала ему недвусмысленное внимание, прижавшись к нему всем телом. Прапорщик был совсем не искушён в любовных вопросах. До этого он общался лишь со сверстницами, которых с друзьями они просто обнимали и целовали на молодёжных посиделках. Поэтому вполне естественно, что в тот момент от близости женского тела у него закружилась голова в сладкой истоме.

Он неожиданно для себя сильно обнял Ксению. Она даже вздрогнула от крепких и одновременно нежных его объятий. Алексей же на этом не остановился и поцеловал её в губы. Женщина не стала сопротивляться, а наоборот с радостью ответила на его поцелуй, затем задрала юбки и прижалась к нему всем обнажённым телом, что есть силы.

Молодой прапорщик и сам не заметил, как вошёл в неё. Несмотря на то, что в перевязочную в любой момент могли войти, Ксения не останавливалась, пока не насытилась и не откинулась назад. А потом в течение дня она ещё несколько раз заманивала Алексея в тёмные безлюдные места, где ласкала и любила его.

Так завязались отношения неискушённого мальчика и соскучившейся по ласкам молодой красивой вдовы, которая замужем-то была всего один год и ещё даже не успела получить от своего мужа настоящих ласк, поскольку он постоянно был занят на службе.

Ксения готова была целый день любить Алексея, что и старалась делать. Как у него только швы не разошлись.

Прапорщик пробыл на излечении в госпитале почти три месяца. После выписки из госпиталя Алексею дали месячный отпуск для полного восстановления здоровья. Он снял небольшую квартирку, где и поселился вместе с Ксенией. Работая в госпитале добровольно и бесплатно, она могла позволить себе передышку. Ксения воспользовалась этим, поставив в известность главного врача.

По утрам она ходила на рынок, и пока Алексей спал, быстро готовила какую-то еду. А потом целые сутки они занимались любовью, время от времени отвлекаясь на приём пищи. Питаться после ранения Алексею следовало хорошо.

Молодой человек даже предположить не мог, что существует столько способов любить. Раньше он думал: сверху он, потом сверху она и сзади - вот и вся любовь. Но не тут-то было. Ксения знала столько способов для проявления своих нерастраченных чувств, что Алексей обалдел от неожиданности.

За этот месяц Ксения реализовала все свои скрытые желания, реагируя на каждое движение Алексея и сходя с ума от многочисленных оргазмов. Алексей осуществил с ней все её даже самые тайные и сокровенные любовные фантазии.

Когда отпуск закончился, Алексей уехал на фронт, получив в награду Георгиевский офицерский крест. А вскоре ему присвоили звание подпоручик (лейтенант).

Воевал подпоручик неплохо, солдаты его уважали и шли за ним и верили ему безоговорочно. В феврале 1915 года осколками шрапнели ему посекло ноги. Возникла даже угроза ампутации. Слава Богу, всё обошлось. Его вовремя доставили в тот же самый госпиталь, где его уже ждала Ксения. Именно она упростила доктора не ампутировать ему левую ногу она была больше всего повреждена, а попробовать вылечить. Врач поддался на уговоры и решил рискнуть. Слава Богу у него всё получилось.

Почти четыре месяца Алексей провел в госпитале, и все эти месяцы они с Ксенией любили друг друга. Она добилась, чтобы подпоручика поместили в отдельную палату, и теперь молодая женщина оставалась у него ночевать.

Алексей был влюблён в Ксению и даже решил сделать ей предложение руки и сердца. Однако молодая женщина сказала, что если она выйдет снова замуж, то останется без средств к существованию. Таким, по завещанию, было условие её погибшего мужа. Алексей не мог, конечно, предложить ей ничего, кроме небольшого офицерского жалования, которого ему одному хватало еле-еле. Поэтому молодые люди до конца войны решили оставить всё как есть.

Как все юные любовники, Алексей очень ревновал Ксению, но она поклялась ему в верности и любви, обещая не предавать их светлых чувств. Конечно, может случиться так, что чувства к другому человеку нахлынут внезапно, но в этом случае, она клятвенно пообещала, что Алексей узнает об этом первый.

После этого заявления молодой офицер почти успокоился и с новой силой продолжил любить Ксению. Но ревность не проходила, Ксения была очень хороша, и молодой офицер видел, как на неё смотрят мужчины.

Всё шло по прошлогоднему сценарию, каждую свободную минуту Ксения и Алексей любили друг друга, а месяц полученный после выписки из госпиталя они снова провели вместе, с большой пользой для своей любви. Только на этот раз они наняли кухарку, чтобы не тратить драгоценное время для походов на рынок и приготовление разных блюд.

Следствием этого стало то, что Ксения забеременела. Ей удалось скрыть свою беременность от знакомых. А ближе к родам она сказала больно и уехала в имение мужа, которое располагалось недалеко от города Бронницы Московской губернии. Там она нашла крестьянку с таким же сроком беременности. Их дети появились на свет вместе с разницей в один день. Крестьянка, которую звали Марфа, родила девочку, а Ксения мальчика, Марфа и выкормила обоих детей.

В сентябре 1916 года Алексей, уже поручик (лейтенант) и командир роты, был ранен в грудь, также пострадали ключица и плечо. Учитывая тяжесть ранения, его хотели отправить в Санкт-Петербург или в Москву, но Алексей настоял на том же госпитале, где лечился ранее. Он отправил вперёд ординарца, чтобы тот разыскал Ксению и сообщил ей о скором приезде поручика. Ординарец сообщил ей эту новость за полтора часа до прибытия раненого. Ксения не знала, что ей делать - радоваться или огорчаться. Радоваться тому, что любимый опять будет с ней, а огорчаться - серьезности его ранения. Но всё обошлось, лёгкое оказалось не задетым. Они опять провели всё время вместе, и снова Ксения забеременела и через девять месяцев родила девочку. Алексей ещё раз предложил ей выйти за него замуж, но она опять категорически отказалась.

В декабре 1916 года он вновь был на фронте уже в должности командира батальона. Ему было присвоено звание штабс-капитана. Февраль 1917 года Алексей встретил уже в звании капитана (майор), и был награждён ещё одним орденом. Ему удалось силами своего батальона заставить германцев отступить, отбросив их на тридцать километров. Но его удачное наступление не поддержали, сославшись на приказ сверху, но зато сразу наградили досрочным званием капитана и орденом Святого Александра Невского.

В этом же месяце жизнь в России перевернулась с ног на голову. Произошла революция, свергнут царь, а вместо него назначено Временное Правительство.

На фронте солдаты только и делали, что митинговали. Никто больше не хотел умирать за Отечество. А после следующей уже Октябрьской революции и вовсе поменялись все представления о мире, о войне, о жизни, о добре и зле.

Ксения написала, что поместье их сожгли крестьяне, хотя они ничего плохого им не делали. Она же с детьми едва успела уехать в Рязань к своей малознакомой тётке. Больше он никогда не слышал о Ксении и их общих детях. Она не написала больше ему ни разу. А может

письма просто не дошли, ведь после последней революции почта стала работать с большими перебоями, а то и вовсе не работала.

После Гражданской войны Алексей пытался искать Ксению, но тщетно. Никто не вёл никакого учёта. Он даже съездил в Рязань, пробыл там три дня, но никого не нашёл. У него была фотография Ксении, он показывал её прохожим, но это ему ничем не помогло. Рязань - очень красивый старинный город, но Алексей не обратил на его красоту никакого внимания.

После Октябрьской революции Отечество точно стало никому не нужно, и у Алексея началась новая жизнь. С фронта бежали целыми полками и эшелонами, иногда даже дивизиями. Солдаты выбрали Алексея в солдатский комитет, а потом и командиром своего полка.

Но командовать этими людьми было невозможно. Они уже никому не подчинялись и не признавали единоначалие и командиров. Алексея даже два раза чуть не шлёпнули его же подчиненные. Хорошо, что солдатский комитет вовремя успел встать на его защиту.

В конце концов, Алексей принял решение сняться с фронта всем полком, получив поддержку солдатского комитета. Но не бежать, а организовано отступить. Он распорядился взять с собой всё полковое имущество: полевые кухни с пекарнями, артиллерию, пулемёты, ну и, конечно, всех лошадей полка.

Полк потихоньку организованно отступал, арьергард постоянно связывал германцев небольшими боями, не давая им беспрепятственно продвигаться вперёд. У Алексея в полку осталось по три-пять снарядов на орудие, по одной-две пулемётные ленты на один пулемёт, да и у солдат по пять-десять патронов на винтовку. Жалование его солдаты, да и он сам не получали с октября 1917 года. Обувь и верхняя одежда личного состава истрепались, а у некоторых солдат и вовсе пришла в негодность, если шинели ещё так смяты, то обувь не выдерживала. У каждого пятого солдата ботинки были перевязаны бечёвками, чтобы подошва не хлопала.

Алексей с трудом удерживал солдат от мародёрства и грабежей мирного населения. Кое-как нашли провиант. На станции Озерки в декабре 1917 года набрали на армейский пакгауз. Капитан принял решение сбить замки и завладеть этим имуществом, иначе оно могло попасть в руки врага, который тоже не очень жировал. Удалось раздобыть шестьсот пар обуви и столько же комплектов полного солдатского обмундирования, включая шинели и папахи. В пакгаузе нашли немного снарядов к его трёхдюймовым орудиям по двадцать пять штук на пушку, а также очень приличное количество патронов к пулемётам и винтовкам.

Полк опять превратился в боевую единицу. Патроны раздали личному составу, снаряды артиллеристам. У тех солдат у которых развалилась обувь и сгнила форма забрали обноски и выдали новую. Старую одежду сожгли, а обувь отдали сапожнику для ремонта. Дальше решили двигаться по железной дороге. Вагоны нашли, осталось найти два паровоза для эшелонов. Паровозы прождали на станции до 15 января 1918 года. Раздобытый на пакгаузе провиант почти весь закончился, осталось недели на две.

Вечером того же дня на станцию приехал представитель большевиков и привёз приказ от Реввоенсовета за подписью Ленина о принятии их полка в Красную гвардию. Им было предписано отразить нападение приближающихся к станции германских войск.

Вместе с представителем партии большевиков приехали сто пятьдесят рабочих, вооружённых винтовками. Они привезли немного продовольствия, которого могло хватить солдатам полка всего на четверо-пятеро суток.

Однако солдаты полка, уставшие почти за четыре года воевать, не горели желанием идти в Красную гвардию. Солдатскому комитету пришлось сильно поработать, прежде, чем бойцы решили взяться за оружие и выступить на стороне большевиков.

Немецкий передовой отряд был уже совсем рядом. Командир полка послал арьергард для обхода вражеских войск и удара германцам в тыл. Это помогло отбить обоз с провиантом и оружием, а также посеять у немцев панику. Главные силы полка ударили в лоб растянувшейся

по дороге немецкой колонне, а затем напали на врага с двух сторон, разбив его передовой отряд, а потом атаковали и на две другие колонны.

Первая операция стрелкового полка в составе Красной Гвардии завершилась полным успехом. Немцы были отброшены от железнодорожной станции и полностью разбиты. Пока полк ждал паровозы, Алексей познакомился с очень милой, скромной и красивой девушкой Натальей, дочерью местного начальника станции. Они с ней подружились, молодой офицер стал бывать у них каждый вечер.

Алексей все чаще стал задумываться о том, что надо жениться. Ему пятого февраля исполнится двадцать два года, а Наталье скоро восемнадцать лет, лучшего варианта, как ему казалось, не найти. Шла война, и когда она закончится неизвестно, а семья нужна. Поразмыслив, он пошёл к родителям Натальи просить её руки. Сначала они были против, ведь девушка была ещё очень молода. Но война была очень близко, вот-вот немцы придут. А тут командир полка, бывший офицер, надёжный спутник жизни. И они всё-таки согласились, дав наконец-то своё благословение. Буквально через день молодые обвенчались в ближайшей к станции церкви. Пока на фронте стояло затишье, тянуть со свадьбой не стоило, застолье собирать не стали, враг стоял совсем рядом.

Командирами батальонов Алексей назначил представителей солдатского комитета. Роты в батальонах укрепил рабочими-большевиками, прибывшими с представителем Реввоенсовета, сам он стал комиссаром полка. И теперь все приказы выходили за двумя подписями: командира и комиссара.

После удачного боя солдаты получили новое обмундирование, а, главное, обувь. В полковых котлах булькал горячий кулеш, настроение у солдат улучшилось. К тому же перед сменимой обмундирования удалось сводить личный состав в баню, приспособив для неё помещение пакгауза. Сытым и хорошо экипированным войском и командовать стало легче.

Наладили связь с соседями слева и справа, воевали неплохо. Однако немцы давили сильно и настырно. Силы были не равны, пришлось отступать, время от времени огрызаясь и ожидая приказа к наступлению.

Вскоре после венчания Наташа забеременела, и Алексей стал уже подумывать о том, чтобы отправить её в более безопасное место. Девушка помогала доктору и фельдшеру ухаживать за ранеными. Услышав о его решении, она взмолилась и попросила мужа оставить её при деле и при себе. Он с трудом, но согласился. Времена тяжёлые, поезда не ходят, еда не всегда есть, деньги не в ходу. Если будет суждено хлебнуть лиха, так уж всем вместе. Муж хотя бы кашей накормит из общего котла и опять же доктор рядом.

21 октября 1918 года Наташа родила мальчика Семёна. В полку Алексея теперь стали называть «Батей». Вообще он никогда не лебезил перед солдатами, был справедливым и требовательным прежде всего к себе и к другим, не прощал трусов и предателей. У него было особое отношение к пьяницам и мародёрам. С ними он не церемонился, иногда дело доходило до расстрела.

Полк сначала воевал с немцами, потом под Питером с Юденичем. С мая по ноябрь 1919 года их полк защищал Петроград, особенно им досталось в октябре при защите Пулковских высот. На одном из совещаний в Петрограде Алексей Никифорович увидел Владимира Ильича Ленина, а после совещания тот пригласил командиров к себе и минут по десять побеседовал с каждым.

Удостоился аудиенции и Алексей, руководитель страны оказался простым человеком среднего возраста, небольшого роста, лысый с бородкой, немного картавый, говорил напористо быстро, но понятно, слушал внимательно. Он расспросил о службе в армии, о войне с немцами, о наградах, о службе в Красной Армии, о семье. Алексей всё подробно рассказал о себе, Владимир Ильич не разу не перебил. Алексей Никифорович рассказал Ленину о трудностях,

которые они преодолели, о боевых действиях при защите Пулковских высот. Ленин был бодр и в хорошем настроении, но глаза его были уставшими, а взгляд встревоженным.

Потом в 1920 году он ещё раз встречался с вождем, но уже не говорили, а просто поздоровались, пожав друг другу руки, зато он долго беседовал с Бонч-Бруевичем и Феликсом Дзержинским. Но разговаривать с Дзержинским ему не понравилось, тот всё время перебивал, заводил споры на ровном месте и казалось не слушал собеседника. Разговоры с Феликсом Эдмундовичем оставили после себя горький и неприятный осадок. Злопыхатели передали Алексею, что и Дзержинскому он тоже не понравился, странно, что его тогда не арестовали, видимо тогда было некогда.

Но в октябре 1919 года, когда его полк развернулся для обороны Пулковских высот, его неожиданно вызвали в ВЧК. Там его допрашивал следователь лет тридцати, наглый и очень в плохом настроении, он тонко намекнул на его последний разговор с Феликсом Эдмундовичем. Алексея Никифоровича хотели заставить подписать какие-то бумаги, он даже читать их не стал, со слов следователя он понял, что это его смертный приговор. Следователь позвал двух надзирателей, двухметровых богатырей и предложил им размять косточки командира полка, для того чтобы, как он выразился, Алексей стал помягче. И эти ребята не заставили себя долго ждать, но размяться они не успели, раздался телефонный звонок. Позвонили с высокого кабинета, возможно сам Дзержинский, следователь и его шестёрки вытянулись по швам. После звонка, следователь стал мягким и добрым, как валенок. Прямо в кабинет следователя принесли его оружие и сапоги, когда Алексей обулся, его проводили на выход. Он хотел вернуться в полк, но у входа его ждал автомобиль, покатав его по городу около часа, отвезли в полк.

Правительство тогда уже было в Москве, а ему никто ничего не объяснил. Вернувшись к месту дислокации полка, он продолжил воевать. Лишь после его следующей встречи с Лениным, Бонч-Бруевич рассказал ему как всё было. Сергей Миронович Киров случайно узнал об аресте Алексея и во время телефонного разговора с Владимиром Дмитриевичем проболтался ему совершенно неожиданно. А Бонч-Бруевич сразу сообщил Ленину о случившемся, Владимир Ильич тогда болел, но нашёл время и позвонил лично Дзержинскому.

Тот долго упирался, ссылаясь на какой-то заговор, но вождь был не приклонен. Он даже предложил Феликсу лично идти защищать Питер вместо Алексея. После такого довода он согласился отпустить комполка без всяких условий. А его не отвезли сразу в полк катаясь по Питеру, видимо чекисты ждали отмены приказа.

Вот почему при рукопожатии в 1920 году они с Лениным смотрели друг на друга и ничего не говорили. Алексей не находил слов, только взглядом показывая вождю свою искреннюю благодарность и признательность. Владимир Ильич всё понял и только горячо с уважением потряс ему руку. Больше они не встречались, но этот взгляд и рукопожатие Алексей запомнил на всю жизнь.

Затем воевали на Юге страны с Деникиным, затем с Врангелем. Много пришлось пережить, нехватка продовольствия, порой не было боеприпасов. Военные спецы в штабах путали калибры пушек, видимо специально присылая не те снаряды. Отдавались порой нелепые приказы, а потом пытались расстрелять командиров за невыполнение этих приказов. Командир полка был всегда на высоте, воевал храбро, грамотно и вёл себя всегда с достоинством.

Однажды он со своим штабом прибыл на рекогносцировку одной местности. Во время рекогносцировки на них напал казачий разъезд, поджидающий их в засаде у берёзовой рощи. Произошло два чуда, ему чуть не отрубили голову, а второе чудо, что они отбились в шестером от полтора десятка казаков.

Алексей был ранен, чудом казачья шашка скользнула по его сабле, которую он успел подставить, отрезала ему половину щеки и врезалась в плечо разрубив ему португепю и врезалась в кость пробив мякоть на плече. Алексей в ответ вытянул вперёд руку с саблей и резанул, кончиком сабли вспорол казачью шею, а потом двумя выстрелами из нагана убил ещё двоих

наседавших на него казаков. Очень повезло, что у Алексея были с собой пара гранат, он кинул их под ноги казачьих лошадей. Гранаты разорвались, несколько лошадей упали, при взрывах было убито четыре казака и троих серьёзно ранило.

Командирам удалось уйти, правда они тоже потеряли двоих убитыми и двоих ранеными. А казаки потеряли убитыми семерых, и почти все оставшиеся в живых были ранены. Казаки ретировались. Можно было догнать и добить их, но надо было оказать помощь раненым, да и сам командир истекал кровью. После этого случая Алексей брал с собой всегда тачанку с пулемётом.

Комполка и двоих его товарищей отправили в местный госпиталь. У него рана долго гноилась и не заживала, его отправили в Москву и там ему почистили рану и пересадили кожу с ягодицы.

Жена с детьми приехала в Москву, остановилась у тётки и всё время проводила с мужем. Очень вовремя, а то некоторые девушки в госпитале стали посматривать на боевого командира. Справедливости ради надо сказать что Алексей Никифорович не реагировал на их приставания, а тут и жена приехала.

После операции проведённой столичными хирургами Алексей быстро пошёл на поправку и уже через месяц командира выписали из госпиталя. А потом его с полком направили на Западную Украину бороться с поляками. Он хотел оставить семью в Москве, но Наталья воспротивилась и поехала с мужем.

Потом принимал участие в боях с поляками на территории Украины, Прибалтики и Польши. Юзеф Пилсудский, пользуясь тем, что в России шла Гражданская война напал на Прибалтику. Хотел расширить свои границы, но получил жёсткий отпор. Но поляков было сто тысяч, а русских тридцать тысяч.

Местные жители как могли сопротивлялись полякам, но они вошли в Украину и даже заняли Киев, пока Красная Армия не разбила Деникина и не взялась за Пилсудского. В мае 1920 года Красная Армия под руководством Тухачевского перешла в наступление и дошла до Варшавы. Но война закончилась в марте 1921 года победой Польши. Был подписан рижский мирный договор. Как всегда, против России воевали все, и, как всегда, политики у наших полководцев украли победу.

В общем, хлебнули лиха. К окончанию Гражданской войны от первого состава полка в живых остались лишь несколько сотен бойцов - чуть меньше батальона. А Алексей Никифорович, по личной просьбе Тухачевского, несколько недель командовал дивизией и довольно успешно, несколько раз были отражены превосходящие силы противника и дивизия даже смогла перейти в наступление. Он вообще мог командовать даже армией, но не захотел. И настоятельно попросил командующего разрешить ему опять вернуться к командованию своим полком. Михаил Николаевич несколько дней подумал и согласился с доводами своего полка.

Новое пополнение поступало из крестьян и рабочих, которые даже оружия в руках не держали. Алексею приходилось заниматься обучением прибывшего личного состава во время проведения боёв. Поэтому потери были большие, необстрелянных бойцов кидали сразу в бой. Тогда командир полка создал учебный батальон, назначив в него инструкторами самых опытных солдат.

Вновь прибывшие красноармейцы постепенно привыкали к службе и оружию. Пока они учились, их занимали комендантской и охранной деятельностью. А обучением занимались восемнадцать часов в сутки, оставляя пять часов на сон и час на приём пищи. Было нелегко, зато многие жизни молодых красноармейцев удалось сохранить. Потерь личного состава стало намного меньше.

Алексей так и служил командиром полка. За взятие Перекопа и за Польскую компанию его наградили двумя орденами Красного Знамени. А за защиту Пулковских высот он получил

памятное именное оружие: казачью саблю в серебре и самозарядный револьвер «Наган». Его опять пытались перевести повыше хотели назначить командиром дивизии, а однажды даже начальником штаба армии, но Алексей всячески отказывался от повышения, он привык к своему полку, провоевав с многими бойцами около пяти лет.

В августе 1919 года молодая жена Наташа подарила Алексею второго ребёнка прекрасную здоровую девочку Надежду. Правда Алексей её не сразу увидел, они жили в Москве, а он воевал за Петроград.

После окончания Гражданской войны полк остался на Польской границе, для оказания помощи по охране государственных рубежей Родины. Когда погранслужба была реорганизована, Алексея назначили начальником пограничного отряда.

Наташа с детьми так и ездила с мужем, она работала в медсанчасти, сначала сиделкой, ухаживала за тяжело ранеными красноармейцами, а потом сестрой милосердия. А ещё она пела, читала стихи Александра Пушкина, Михаила Лермонтова, Дениса Давыдова, Максима Горького сначала перед ранеными, а потом перед красноармейцами. её даже наградили серебряными часами за участие в агитационной работе, за подписью Михаила Фрунзе. А в Польше, Тухачевский наградил её именованным браунингом, он был маленький, очень красивый, хромированный, на рукоятке была прикреплена наградная табличка «За личную храбрость».

Однажды, поляки прорвали фронт, и одна рота, прорвав оборону их полка вышла к медсанчасти, Наталья как все побежала, но споткнулась о ящик, поняв, что в ящике гранаты, она остановилась схватила гранату, лихорадочно перевела её в боевое положение и швырнула в пехоту противника, до них было не больше двадцати метров, поляки залегли, а девушка продолжала бросать гранаты перекидав штук тридцать, в ящике их было пятьдесят штук. Взгляд Натальи упал на погибшего красноармейца, который лежал почти у её ног рядом с ним был ручной пулемёт «Льюис» и пара дисков. Она схватила пулемёт легла, спрятавшись за телом убитого как за бруствером окопа, и открыла огонь по вражеской пехоте. Красноармейцы услышали, что кто-то ведёт бой и вернулись на свои позиции, а девушка, быстро поменяв диск пулемёта продолжала вести огонь. Таким образом Наталья спасла полк от поражения и паники.

Как только молодые поженились, ещё в феврале 1918 года Алексей научил молодую жену пользоваться оружием, стрелять из револьвера, винтовки, пулемёта, а также пользоваться гранатами их тогда в армии было всего две системы.

После реорганизации Красной Армии Алексея Никифоровича отправили учиться в академию имени Фрунзе, которую он с успехом закончил. Вернувшись обратно он снова занял должность начальника пограничного отряда, только уже на Финской границе. Финляндия была в составе России, но в декабре 1917 года она отделилась. Сталин, Петровский и Троцкий содействовали отделению её от России, хотя жители были против, но их никто не спросил. Вот Алексея и направили служить на Финскую границу.

Когда отменили звания комбат, комполка и так далее ему было присвоено звание полковника. На этой должности и в этом звании он прослужил до сентября 1939 года, до самого начала Финской кампании.

Во время Финской войны его опять назначили командиром стрелкового полка. Усилил его полк тремя артиллерийскими батареями и добавили две миномётные батареи. Полк воевал довольно хорошо, командир постоянно, как и в Гражданской войне, лез вперёд, показывая красноармейцам чудеса храбрости и поддерживая их моральный дух своим личным примером. Его участие в этой войне было отмечено орденом Красной Звезды и медалью За Отвагу.

Как Алексея Никифоровича не арестовали в 1937 году, остаётся загадкой. Видимо не нашлось в пограничном отряде завистников, которые написали бы на него донос. Наверно ещё потому, что он не рвался в командующие, вот его и не тронули, но несколько раз намекали, что он был при царе старшим офицером.

Но Алексей приводил всегда в пример Бонч-Бруевича, который был генералом, но преданно служил Советской Власти. Он даже немного сдружился с командиром полка. Бывший генерал присылал ему свои книги. После того как их познакомил В.И. Ленин, они ещё несколько раз встречались, подолгу разговаривали, особенно когда Алексей жил и учился в Москве в академии. Владимир Дмитриевич даже несколько раз бывал у него дома в гостях.

Многих товарищей Алексея арестовали и даже расстреляли, он конечно не верил, что они «враги народа», даже пытался заступиться за некоторых своих друзей, но ему говорили, не лезь, а то и тебя..., после чего делали многозначительную паузу. А потом власти были так убедительны, что волей-неволей поверишь, что они враги.

В марте 1940 года закончилась война с финнами. Чуть ранее был подписан Пакт о ненападении с Германией. Наступил долгожданный мир, казалось бы, живи и радуйся. Но в воздухе, по-прежнему, чувствовалась напряжённость.

За эти годы семья Алексея разрослась, Наталья родила ему пятерых детей - трёх мальчиков: Семёна, Григория, Прохора и двух девочек: Надежду и Любовь. Старший сын Семён уже окончил артиллерийскую военную командную школу, получил звание лейтенанта и был направлен на реку Халкин Гол. Почти год, до сентября 1939 года, он провоевал там. За участие в боевых действиях он был награждён орденом Красной Звезды и именован оружием - пистолетом «ТТ». Также Семёну досрочно было присвоено звание старшего лейтенанта. Его оставили служить на Маньчжурской-Китайской границе.

Надежда училась на последнем курсе мединститута в Ленинграде. Григорий второй год учился в Качинской лётной военной школе. Прохор заканчивал девятый класс, и в июне 1941 года должен был закончить десятилетку. Любовь закончила седьмой класс и готовилась поступать в педагогический техникум.

Несмотря на заявление Правительства о стабильной обстановке в мире, в воздухе всё-таки пахло войной. Особенно это чувствовалось на финской границе. В сентябре 1939 года немцы напали на Польшу, тогда еще никто не знал, что это началась Вторая Мировая война.

Видя такое дело, Алексей перед началом войны с финнами отправил жену и младших детей в Москву к её старой тётке. Она жила в трёхкомнатной квартире на Малой Каланчёвке в бывшем купеческом двухэтажном доме. Тётка давно звала Наталью к себе, в тем более они жили у неё, пока Алексей учился в академии. На семейном совете было решено, что Прохор и Любовь будут учиться и жить с матерью в Москве.

После отъезда Натальи с женщинами полка что-то случилось. Они словно взбесились. Их в полку всего-то насчитывалось три молодых незамужних богини. И вот теперь каждая из них почему-то считала своим долгом прижать Алексея в тёмном месте, даже несмотря на идущие боевые действия. Он всячески избегал таких встреч и, как мог, уклонялся от них. Но тут в начале декабря 1939 года командир полка получил легкое ранение в плечо осколком от снаряда.

В начале января, когда рана почти затянулась, Алексей решил пойти в баню. Он был большим любителем попариться, и знал практически все способы парилки и правила запарки веника, что очень важно в банном искусстве. Например, дубовый веник надо замачивать холодной водой не менее чем за четыре часа до его прямого использования. Потом сменив воду на горячую занести в баню поставив на не жаркую полку. А берёзовый веник можно заваривать сразу кипятком, хотя и здесь есть много разных способов. Есть веники с чабрецом, с мятой, с липой, с чистотелом, Иван-чаем и другими травами. Некоторые парильщики любят свежие можжевеловые веники. Алексей любил все виды парения и все виды веников. Он также любил японские, турецкие, русские и конечно финские бани. Но предпочтение отдавая традиционной русской парилке.

Обычно в баню Алексей ходил с начальником штаба полка, тоже большим специалистом в банном деле. Но этой зимой тот схватил воспаление лёгких, и по понятным причинам не

смог составить ему компанию. Алексей хорошо поддал парку и залез на полку. Вдруг, через несколько минут, дверь скрипнула, и в баню проскользнула тонкая женская фигура.

- Или убьют, или изнасилуют, - подумал полковник. Сквозь пар Алексей разглядел фельдшера, лейтенанта медицинской службы, Татьяну из полкового медсанбата. На ней была только одна тонкая женская сорочка, которая плотно облегла её молодое красивое тело. Если быть честным, она была очень хороша собой - стройные точёные ножки, красивая небольшая слегка оттопыренная попа, узкая талия, плоский живот, крепкая грудь первого размера с упругими маленькими сосками, тонкая точёная шея, красивая головка, небольшие слегка припухлые, почти детские губы, прямой ровный носик, зелёные глаза. Открытый лоб, пожалуй, был немного большеват для неё, но он её совсем не портил, скорее наоборот. Всё это завершала огромная копна густых тёмно-русых волос, которые заканчивались где-то ниже пояса. Чудо как хороша!

Она ни слова не говоря, взяла дубовый веник и стала обхаживать Алексея по спине, аккуратно обходя раненую руку. Тот расслабился от веника и просто получал удовольствие. Поддав парку Татьяна скомандовала ему перевернуться. Алексей беспрекословно подчинился. Уж очень умелым парильщиком оказалась Татьяна. Девушка, не останавливаясь, прошла веником все части его тела, потом попросила спустится на нижнюю полку и повернуться на живот, что он с удовольствием и сделал.

Татьяна намылила ему спину, руки и ноги, затем смыла мыло и опять попросила перевернуться. Алексей снова машинально выполнил просьбу. Девушка начала тереть мыльной мочалкой грудь, руки и ноги. Наконец, она добралась до того места, которое бережно обходила веником, взяла его руками и намылила, потом смыла пену, но одной рукой продолжала держать этот его предмет.

Алексей напрягся, и «он» тоже. Татьяна, не обращая внимания на его протест, скинула сорочку и взгромоздилась на Алексея, да так ловко, что он даже сам не заметил, как вошёл в неё. Уж баня почти остыла, а Татьяна всё не отпускала его. Такие ласки он не испытывал никогда, а настолько мощных оргазмов у него не было даже с Ксенией, хотя она то была мастерица до любовных утех. Алексей подумал, - Вот и изнасиловали. С другой стороны, всё в жизни надо попробовать. Наконец, Татьяна его отпустила, и он вышел в предбанник, а девушка положила дров в печку, чтобы стало теплее. Алексей хотел было одеться, но Татьяна, как пантера, опять набросилась на него. Одни искушения. Через некоторое время она наконец отпустила полковника.

Алексей оделся и вышел из почти уже остывшей бани. Он сразу пошёл в свою командирскую землянку и быстро лёг спать, опасаясь, что Татьяна вновь придет к нему. Засыпая он подумал, что хорошо ещё хоть у его землянки стоит часовой.

Прошло три дня, командира полка никто из девушек больше не беспокоил. Алексей был очень рад, что от него, наконец, отстали.

К тому же все эти дни были хлопотными. Командир полка спал одетым по три-четыре часа в сутки. На четвёртый день дел немного поубавилось, после ужина он пришел в землянку, снял сапоги и разделся, в надежде нормально выспаться.

Но стоило Алексею уснуть, как его разбудили настойчивые женские ласки. Кто-то ласкал «его». Полковник чуть «не приплыл» во сне, но вовремя проснулся. Открыв глаза, он увидел, что на нём сидит его радистка - очаровательная Зоя и вводит в себя его хозяйство. Не успел он что-то сообразить, как она всё сделала и, изгибаясь всем телом, стала качаться и подпрыгивать на нём. Надо сказать, что Зоя была по-своему прекрасна. У неё была слегка полноватая, но очень красивая фигура с четвёртым номером бюста, очень симпатичное лицо с короткой стрижкой соломенных волос. А главное она была по уши влюблена в полковника и очень долго пыталась добиться от него взаимности. Наконец-то её мечта сбылась. Наигравшись и накричавшись, Зоя принялась ласкать «его» губами и языком. Потом всё продолжилось с начала и

очень долго. Она не ушла, как ожидал Алексей, а осталась ночевать у полковника, пристав к нему ещё и утром. Выспаться ему опять не удалось.

После ухода девушки полковник оделся и вышел на улицу, Алексей Никифорович спросил у часового, почему он пропустил Зою. Тот ответил, что у неё была срочная радиограмма, она ему даже её показала. Полковник приказал больше ни её, ни других девушек к нему не пускать. С этого же дня он стал выставлять пост охраны и у бани, когда шёл париться. Ему конечно льстило любовь и внимание к своей особе девушек, но он всё-таки очень любил свою жену. Он чувствовал себя виноватым перед ней и детьми.

После окончания боевых действий Алексей почти сразу получил отпуск и поехал к семье в Москву. Там он встретился с сыном, который тоже находился в отпуске. Алексей предложил ему перевестись к нему в полк или в любой другой, главное служить рядом, но Семён воспринял это в штыки, будто отец звал его на загородную прогулку по Подмоскovie, и категорически отказался.

Ранним утром в воскресенье, 22 июня 1941 года, фашистская Германия напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. Почти все боевые действия полка, которым командовал Алексей, прошли на Карельском перешейке. Его полк стойко и героически защищал Ленинград. Пополнения практически не было, питание тоже было ограниченным, но гораздо лучше, чем у тех, кто находился в окружённом городе. Патронов и снарядов тоже было в обрез.

Чтобы как-то улучшить своё положение и ослабить врага полковник с разрешения начальства несколько раз проводил глубокие рейды в тыл к финнам и немцам силами сводной роты, созданной из добровольцев. Убивали сразу несколько зайцев, и разведку проводили, и противника прощупывали, и продовольствие с боеприпасами добывали. Разведку полковник возглавлял лично, несмотря на запреты начальства, но зато они обеспечивали боеприпасами не только свой полк, но и соседние, и продовольствием делились.

За несколько удачных вылазок полковника наградили орденом Ленина, а за другие бои орденом Боевого Красного Знамени. Разведку боем рота из полка Алексея Никифоровича проводила до тех пор, пока 20 июня 1944 года советские войска не перешли в наступление, прорвав немецкую оборону на Карельском перешейке и освободив город Выборг.

В начале 1943 года Алексею Никифоровичу поручили командовать дивизией, в которую входил его полк, бойцы и командиры полка были очень рады за полковника, ведь некоторые из них воевали с ним ещё в Германскую, а потом в Гражданскую и с финнами. После взятия Выборга, командиру дивизии присвоили звание генерал-майора. Когда он стал командиром дивизии, к нему прикрепили личного фельдшера, якобы для того, чтобы следила за его здоровьем, ведь он был неоднократно ранен. Но она следила не только за этим, но и за его настроением и разговорами, докладывая о них, куда надо. Одной из её обязанностей была спать с командиром дивизии. Алексей знал, на кого работает Кира, так звали девушку-фельдшера. Да она и сама ему во всём призналась.

Кира влюбилась в него, как кошка. Они не расставались до июня 1946 года, пока в дивизию Алексея не приехала его жена. Кира была очень красивой девушкой - высокой, стройной, со вторым номером бюста. Она была слегка склонной к полноте, хотя на её фигуре это несколько не отражалось. Питалась Кира очень скромно, в основном ела овощи и фрукты, ограничивая себя в сладком, мучном и жирном, очень следила за своей шикарной фигурой, боясь расплыться.

Когда приехала жена, Алексей Никифорович предложил Кире замужество с приличным офицером, девушка не сразу, но со временем согласилась. Тогда генерал выдал Киру замуж за капитана из своей дивизии. Девушка была ещё та штучка, и заткнула бы за пояс всех его женщин своей сексуальностью и смелостью в любовных отношениях. Это очень ему нравилось,

но иногда и пугало, ведь в 1945 году ему было уже сорок девять лет. Но благодаря Кире он забывал о своём возрасте и ранениях, так она была хороша и очень умела.

Генерал очень любил свою жену, он понимал, что изменяет ей с Кирой, но девушка была очень соблазнительно хороша, а война была так рядом. Человеческая жизнь на войне не стоило ничего, если не убьют, то могут арестовать. Поэтому он решил не отталкивать Киру, а совмещать ласки девушки и любовь к жене.

До 9 августа 1944 года Советские войска прорвали оборону немцев и финнов на Онежско-Ладожском перешейке освободили Петрозаводск. За освобождение Выборга и Петрозаводска Алексея наградили высшей наградой Родины: медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина. Войска Ленинградского фронта очистили от противника острова в Выборгском заливе и уже вели наступательные действия северо-западнее Выборга.

В составе 3-го Белорусского фронта под руководством маршала Александра Михайловича Василевского дивизия Алексея Никифоровича участвовала во взятии Кёнигсберга девятого апреля 1945 года и освободила его вместе с другими частями Красной Армии за четыре дня.

Генерал, как всегда, был в первых рядах наступающих войск. Он находился на НП (наблюдательный пункт) своего бывшего полка. На наших солдат обрушилась сплошная стена пулемётного огня. Генерал приказал вывести танки на прямую наводку и огнём из их пушек подавить пулемётные гнёзда.

При огневой танковой поддержке пехота начала движение вперёд, но опять залегла, не все вражеские пулемёты были подавлены. Тогда комдив приказал наступать пехоте вместе с танками прикрываясь их бронёй и сам пошёл вместе с солдатами первой линии наступления, ординарец едва успел поменять ему генеральскую фуражку на солдатскую каску. С автоматом наперевес генерал вбежал на улицы города, его солдаты, прячась за бронёй уверенно продвигались вперёд, по пути выковыривая фаустников и выбивая немецкую пехоту из щелей, а танкисты меткими выстрелами уничтожали пулемётные гнёзда.

Алексей Никифорович очень хотел дойти до Берлина и особенно хотел увидеть разваленный рейхстаг, но не случилось. Под Кёнигсбергом он был ранен и вместе с солдатами в первых рядах, но он не уходил с поля боя, пока не взяли город. Впрочем, не приняла участие в Берлинской операции и его дивизия, армия и фронт. Его брали другие части Советской армии.

Генерала наградили орденом генералиссимуса Суворова первой степени за взятие города. Это был второй его орден великого Русского полководца. Первый орден во время войны с германцами, вручал, тогда еще поручику, император Николай второй вместе ещё с одной звёздочкой (штабс-капитан). Алексей Никифорович, после того как был убит командир батальона, взял командование на себя, удачно отразил атаку немцев и увлекая за собой весь полк перешёл в контрнаступление продвинувшись по всему фронту на сто двадцать километров в глубь обороны противника. А второй орден уже вручал Михаил Иванович Калинин за то, что его дивизия не только сдержала контрнаступление врага, но и обратив противника в бегство на его плечах продвинулись через глубоко эшелонированную оборону на семьдесят километров вперёд.

Кстати Иосиф Виссарионович Сталин в 1943 году разрешил ношение царских наград, полученных во время Японской и Германской войн. Но Алексей Никифорович не стал их носить среди советских наград, чтобы не давать повода злопыхателям, а просто открыто повесил свои пять царских орденов на стенку землянки. Когда перешли в наступление он отправил награды с оказией своей жене.

Боевые столкновения продолжались и после подписания Германией акта о капитуляции. «Гуляли» по тылам недобитые окружённые немецкие войска, в основном части «СС» и гитлерюгенд. Они пробивались к нашим союзникам, не желая сдаваться Советским войскам. В плен

они не сдавались, их приходилось только уничтожать. Хуже всего дело обстояло с гитлерюгенд, они днём были нормальные граждане дети и старики, а в удобное время, когда их не ждали стреляли из пулемётов и фаустпатронов прячась в развалинах и подворотнях.

Дивизия Алексея осталась в Германии. Он присоединился к ней в начале августа 1945 года после выписки из госпиталя. Они ещё долго вылавливали немецкие «котлы» и одиночных фанатиков.

Части дивизии приняли участие в параде Союзных войск в Берлине, который состоялся 7 сентября 1945 года. Сначала из неё выбрали два полка, а потом на их основе собрали один сводный полк в составе двух тысяч человек, которые под руководством Алексея Никифоровича и участвовали в совместном параде Союзных сил. Сводным полком командовал Герой Советского Союза подполковник Г.М. Ленев. Парад принимал маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

По Берлину в парадном марше прошли колонны войск и бронетехники берлинских гарнизонов СССР, Франции, Великобритании и США.

После парада Победы, состоявшемся в Москве 24 июня 1945 года, советское руководство предложило союзникам по антигитлеровской коалиции провести похожее мероприятие в самом Берлине.

Союзники дали своё согласие, но проведение парада в честь Победы отложили до завершения разгрома Японии и полного окончания Второй мировой войны. Они надеялись, что Советские войска завязнут в борьбе с японскими милитаристами на несколько лет. Но, к счастью всего Советского народа, этого не случилось.

В итоге парад союзных войск решили провести в сентябре 1945 года в районе Рейхстага и Бранденбургских ворот, где проходили завершающие бои во время штурма Берлина. Глава Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин поручил принимать парад Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову, как наиболее достойному.

После войны Алексей снова принялся искать своих детей, родившихся от Ксении. Делать это приходилось очень осторожно. Боевые действия закончились, военные стали не нужны, многие из них находились под подозрением, и их сажали пачками за малейшее нарушение, ни в чём не разбираясь, по любому навету. Стоило какому-нибудь майору или полковнику сказать, что немецкие дороги лучше наших, или сказать, что немецкие аэродромы имели бетонное покрытие, а наши взлетали с полей. Этого офицера хватали и, не смотря на награды, фабриковали дело. Более-менее не трогали Героев Советского Союза, но длинные языки не прощали и им. Особенно, если кто-то вспоминал первые дни боёв и поражение наших войск в первый год войны.

Алексей связался со своим бывшим сослуживцем, живущем в Рязани, с просьбой поискать следы Ксении. Однако найти её так и не удалось. Зато удалось установить, что первый сын Алексея был командиром Красной Армии и погиб под Сталинградом в январе 1943 года.

А дочь его и Ксении, как и мать в своё время, работала в госпитале сестрой милосердия. Осенью 1942 года немецкая танковая колонна прорвала фронт, и эти звери в упор из пушек расстреляли госпиталь, а медицинский персонал и раненых добились из пулемётов. В этот же день контратаковавшие Советские войска уничтожили всех тех фашистов. Уйти не удалось почти никому. В плен этих животных не брали. Кого не добились «Катюши», сожгли из огнёмётов. Но, к сожалению, расстрелянных раненых и медицинских работников, уже было не вернуть.

Говорят, что эта история фашистского зверства дошла до Иосифа Виссарионовича Сталина, и он приказал солдат и офицеров из этой фашисткой дивизии в плен не брать. Ведь из всего госпиталя осталось в живых только трое младших медицинских работников и двенадцать полуживых раненых.

Когда появилась первая возможность в 1953 году Алексей Никифорович завалил всех запросами и всё-таки нашёл следы Ксении. Оказалось, что она умерла в 1951 году от остановки сердца. Ей было всего 58 лет.

Все дети Алексея Никифоровича и Натальи пережили войну. Семён дослужился до полковника, ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Всю войну он командовал батальоном, дивизионом и артиллерийским полком, а незадолго до Победы стал начальником артиллерии Гвардейской армии.

Семён Алексеевич всю свою жизнь прослужил в артиллерии дослужился до звания генерал-полковника. Умер, находясь на посту в 1991 году, в возрасте 73 лет. Видимо, его сердце не выдержало развала СССР. У него было трое детей, два мальчика и младшая девочка. Дочь стала врачом, а мальчики тоже офицерами, один как отец артиллеристом, а затем ракетчиком, другой пограничником.

Григорий закончил войну в апреле 1945 года командиром истребительного полка в звании подполковника. Ему тоже было присвоено звание Героя Советского Союза. Выполняя боевой вылет, Григорий всегда подкладывал под сиденье большую чугунную сковороду, поэтому, когда в его самолет попал зенитный снаряд, задело только ноги. Сковородка спасла ему жизнь. Левую ногу удалось сохранить, а правую пришлось ампутировать по колено. Она была раздроблена осколками на мелкие части, и спасти её, даже несмотря на приказ Сталина, было невозможно.

После выздоровления Семён Алексеевич пошёл на работу в Осоавиахим, который в 1948 году был переименован в ДОСААФ. Там он и работал до 1959 года, пока у него не шевельнулся осколок между сердцем и лёгким, оставшийся там от первого ранения полученного ещё в боях под Сталинградом. В результате сложной операции ему удалили осколочек и одно лёгкое, но несмотря на прекрасно проведённую операцию через два года он всё-таки умер от внезапной остановки сердца.

Алексей Никифорович после смерти среднего сына пригласил его жену с детьми жить к себе. Он к тому времени получил шикарную четырёхкомнатную квартиру на Чистых прудах, в Казарменном переулке города Москвы. Также, в его распоряжении имелась отличная двухэтажная дача с огромным участком в посёлке Кратово Раменского района Московской области. На целом гектаре росли вековые сосны, а сразу за участком находилось небольшое, но очень красивое и довольно глубокое озеро.

Правда, дача была государственная, но в конце шестидесятых годах уже при Леониде Ильиче Брежневем она полностью отошла в собственность Алексея Никифоровича и его близких. Шутка сказать, семь участников войны, три Героя Советского Союза, да еще три заслуженных боевых генерала в одной семье.

Проход тоже воевал почти всю войну. За три месяца он окончил танковое училище и, став младшим лейтенантом, принял под свою команду взвод танков. Войну Проход закончил уже в звании полковника и в должности командира танковой бригады.

Он тоже был дважды ранен и даже один раз горел в танке. Проход прошёл непростой путь офицера. После войны, в 1948 году, его даже пытались арестовать. Но каким-то образом Бог миловал, по счастливому стечению обстоятельств под следствие попал тот, кто написал на него донос.

Проход дослужился до звания генерал-лейтенанта танковых войск и в 1990 году с почётом ушёл на пенсию в возрасте 70 лет.

У Прохода, как у его отца, было пятеро детей и все мальчики. Когда ребята выросли они, не сговариваясь, пошли учиться в Суворовское училище, став впоследствии офицерами. Ребята служили своей Родине, как дед и их отец.

Надежда всю войну прослужила военным врачом в медсанбате. Она встретила Победу в Берлине начальником медсанбата в звании подполковника медицинской службы. Надежда

вышла замуж за коллегу-военврача, а сразу после войны родила двоих детей: мальчика и девочку. Она с мужем так и осталась после войны жить и работать в Ленинграде. В дальнейшем она работала в городе врачом, а потом в шестидесятые годы её перевели главным врачом в один из санаториев Ленинграда.

Любовь после школы окончила курсы радистов и в 1943 году тоже ушла на фронт. Закончила войну сержантом в Праге кавалером двух орденов Славы. Затем была на партийной работе в Москве, вышла замуж и родила троих детей, двух девочек и последнего мальчика.

Наталья в июне 1941 года пошла в военкомат вместе с Прохором и тоже стала проситься на фронт. Как я уже рассказывал, Прохора определили в танковое училище, а Наталье предложили на выбор: или идти на завод «Красный Пролетарий» учиться профессии, или работать санитаркой в военном госпитале.

В станках она не разбиралась, а для ухода за ранеными, опыта ей вполне хватало, ведь Наталья вырастила пятерых детей в нелёгкое для молодой страны время. А потом она вспомнила о своей работе в медсанчасти полка и рассказала об этом в военкомате. Узнав, что она воевала в Гражданскую, её сразу же направили в ближайший госпиталь медсестрой.

В госпитале она работала до сентября 1946 года дослужилась от медсестры до должности главной сестры госпиталя и звания капитана медицинской службы, а также заслужила три медали: «За оборону Москвы», «За Доблестный Труд вовремя ВОВ», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Сам Алексей Никифорович, служил в Германии и в Польше дослужившись до звания генерал-лейтенанта ушёл на пенсию в 1961 году, он не попал под хрущёвское сокращение Советской Армии. Но видя, что творит Никита Сергеевич, генерал счёл своим долгом уволиться из армии, освободив место молодому полковнику. Которого тоже собирались уволить по сокращению, но благодаря благородству генерала вынуждены были оставить его в армии, так как не кому было занять его должность кроме этого полковника.

Генерал-лейтенанту тогда уже исполнилось 65 лет. стали болеть старые раны, нашлись какие-то болезни, да и пенсию ему назначили очень хорошую, поэтому работать он никуда не пошёл, стал заниматься внуками, а также небольшим садом на даче, ходил на рыбалку, собирал грибы.

Огорода у них на даче не было, впереди был фруктовый сад, а вокруг дома, где и жили они с женой до самой своей смерти, росли многовековые сосны и одна голубая елочка перед крыльцом, Алексей Никифорович посадил её для детей и внуков, чтобы не рубить каждый Новый Год новую. Умер он счастливым отцом и дедом в 1983 году в возрасте 87 лет.

Наталья всю свою жизнь была хранительницей домашнего очага, очень любившей своего мужа, после войны она в 1946 году поехала к мужу и до конца службы прослужила вместе с ним, обеспечивая его быт. Алексей был для неё идеалом мужчины, отца, мужа и офицера. Наталья родила и воспитала в сложное, даже можно сказать, очень тяжёлое послереволюционное время, пятерых детей.

Ведь не было ничего. Порой даже еда была на столе не каждый день. А потом пришла война, а за ней были не менее сложные годы восстановления народного хозяйства. Но Наталья всё преодолела и перенесла.

Особенно тяжело Наталье было потерять сына уже после войны, в мирное время. И хотя его смерть стала последствием войны, но хоронить своих детей всегда страшно.

Хотя Наташа была моложе мужа на пять лет, пережить его надолго не смогла. Как она сама говорила, когда он умер, для неё словно свет выключили. Жизни без мужа она себе не представляла. Наталья, похоронив мужа, прожила без него только один год. Её похоронили рядом с ним на Ваганьковском кладбище в Москве.

Это правдивая история произошла с моим родственником, двоюродным братом моего деда Григория Васильевича Воронцова. Я изменил в ней совсем немного, только лишь для художественного фона, ну и конечно поменял некоторые фамилии и имена.

Комсомольцы

В марте 1925 года в семьях рабочего посёлка под Луцком, с разницей в несколько дней, родились два мальчика, Михась и Василь. Они вместе росли и вместе пошли в школу. Один из них, Василь, был отъявленным хулиганом. Он издевался над кошками, привязывая к их хвостам пустые консервные банки, кидал палки в собак, стараясь попасть по лапам, чтобы их перебить. В школе он нередко разбивал стёкла, лампочки, подкладывал кнопки на кресла учителям. При этом, свою вину он всегда отказывался признавать, сваливая её на других. Он очень любил оговаривать одноклассников, ябедничал и грубил учителям.

Однажды он принёс в школу мышь и подложил её в стол учительнице, а коробку, в которой он принес мышь, подбросил своему однокласснику Михасю. Когда она нашлась, никому из учителей и в голову не могло прийти, что Михась способен на хулиганство. Парень сказал, что он не приносил мышь и ему поверили. Василя это очень разозлило.

Но однажды в один прекрасный день всё вскрылось, и проделки Василя стали достоянием гласности. Разъяренные одноклассники сразу устроили ему «тёмную». Теперь, если случалась в школе какая-то гадость, то все думали на Василя. Даже если он пытался оправдаться, ему уже никто не верил.

Второй мальчик, Михась, был полной противоположностью Василя. Он был одним из первых пионеров в посёлке. На него все равнялись, как на честного, добросовестного, спортивного, умного и прилежного парня. Во всех хороших делах в школе Михась был первым заводилой. Когда пришла пора стать комсомольцем, в школе его первым приняли в Коммунистический Интернационал Молодёжи (КИМ). Как тогда говорили: пионер всем ребятам пример. Вот таким и был наш герой.

Они с Василем были как две противоборствующие силы. Один хулиган, другой комсомолец. Василь ушёл из седьмого класса работать на завод токарем, где через год его тоже приняли в комсомол. После пары лет работы на производстве парня как подменили, он вступил в комсомол, получил разряд, пошёл учиться в школу рабочей молодежи. Учился в школе на «хорошо» и «отлично», хотя очень нелегко было работать и учиться.

Ребята соревновались друг с другом во всём: в метании ножей, в поднятии гири, в подтягивании, в прыжках с трамплина на реке или на озере. Оба записались в ОСОАВИАХИМ, где учились кидать гранату, стрелять из винтовки и пулемёта, водить мотоцикл и автомашину. Во всём они обгоняли своих товарищей, но выбрать из них лучшего было очень сложно. Оба высокие, под метр девяносто ростом, оба – спортивные и накаченные. Им было трудно дать меньше двадцати лет хотя, когда 22 июня 1941 года началась война, ребятам было всего по семнадцать.

Михась перед войной окончил девятый класс и перешёл в десятый. Почти сразу после начала войны в посёлке началась эвакуация. С завода вывезли всё оборудование, а затем взорвали и его бывшее здание. Началась эвакуация.

Люди уходили от войны пешком. Шли по степи два дня. На третий день утром колонну беженцев атаковала фашистская авиация. Самолёты кидали бомбы и стреляли из пушек по гражданскому населению. Особенно, фашистским лётчикам нравилось стрелять по гужевым повозкам и автомашинам с красным крестом.

После налёта вражеской авиации на поле остались мечущиеся кони и люди, разбитые повозки и горящие автомашины. Вместе с гражданскими шли человек пять красноармейцев разных родов войск. Двое из них были вооружены винтовками, а у одного сержанта на поясе имелась кобура с наганом. У остальных кроме сапёрных лопаток никакого оружия не было. Правда, на поясе у них висели подсумки для патронов.

Где-то через час, уцелевшие после налёта люди снова двинулись вперёд. Лишь родственники погибших остались хоронить своих близких. Наконец, показался мост через реку. До переправы оставалось метров шестьсот. За мостом уже должны быть войска Красной Армии.

Но тут послышался треск мотоциклов. К колонне людей приближались немцы на мотоциклах с колясками, на которых были установлены пулемёты. Увидев немцев, толпа людей бросилась вперёд, сбивая с ног и давя друг друга. Красноармейцы остались на месте и быстро окапывались, сделав себе маленькие окопчики для стрельбы лежа. Ребята, Михась и Василь, тоже залегли спрятавшись в придорожной канаве.

Когда немцы приблизились, один из красноармейцев удачно бросил гранату, убив сразу двух солдат на мотоцикле. Трое одновременно выстрелили из винтовок и нагана, и ещё три мотоциклиста остались лежать без движения. Мотоциклы остановились, прозвучали ещё три выстрела, прервавшие жизнь ещё трёх фашистов.

Уцелевшие мотоциклисты оправились от неожиданного нападения и открыли ответный огонь. Красноармейцы залпом выстрелили ещё раз, и ещё три немца погибли. В живых остался лишь один, но он стрелял из пулемёта, не останавливаясь, не давая поднять головы нашим бойцам. Наконец, в пулемёте закончилась лента. Немец рванул с груди автомат, и тут же был сражён тремя меткими выстрелами советских бойцов.

Красноармейцы подошли к фашистам, собрали трофейное оружие: десять автоматов и штук десять гранат. Затем они побежали по полю догонять остальных. Срезая путь, бойцы приняли правее, поэтому ребят, лежащих за обочиной в кювете, они не заметили.

Василь предложил забрать немецкие мотоциклы и поехать к нашим, забрав остальное оружие, Михась согласился. Каждый взял себе по мотоциклу, погрузив в них четыре пулемёта, два автомата, пистолеты, кинжалы, оставшиеся гранаты, запасные обоймы и пулемётные ленты.

Сначала ребята робели. Всё-таки приходилось иметь дело с мертвецами, но показать друг другу свой страх для каждого из них было равносильно смерти. Михась предложил снять с убитых сапоги, сами-то они шли босиком. Ботинки у них развалились ещё вчера. Василь побледнел, но виду не показал, а Михась уже не мог отказаться, так как сам это и предложил. Ребята закинули в коляски мотоциклов двенадцать солдатских ранцев. Слив бензин с других мотоциклов в свои и заполнив все запасные канистры, оставшиеся машины они подожгли. После чего двинулись на переправу к своим.

Неожиданно раздался сильный взрыв, и мост взлетел на воздух. Ребята увидели позади себя облако пыли. Скорее всего к реке приближалась колонна танков. Смельчаки рванули мимо взорванной переправы в сторону небольшого леска, который находился примерно в двух километрах. Укрывшись за деревьями, ребята осмотрелись. Заодно разобрались, как заряжаются немецкие пулемёты и автоматы. С советским оружием они были знакомы, благодаря занятиям в ОСОВИАХИМЕ. Со стрелковым оружием потихоньку разобрались. Остались гранаты. Василь повертел одну из них в руках, нашёл крышку на ручке, открутив которую увидел небольшой шнур. Ребята поняли, что именно он и детонирует гранату.

Теперь перед ними встал извечный вопрос: что делать? Искать брод и пробиваться к нашим, или идти в партизаны. Посовещавшись, ребята решили всё-таки остаться в тылу врага и партизанить, чтобы вредить врагу по мере возможности. Если они перейдут реку, и окажутся в Красной Армии, воевать их никто не возьмёт, потому что им было только семнадцать лет.

От дома они ушли довольно далеко, до наших войск тоже теперь стало не близко. Лесов тут очень мало, немецкая авиация летает весь световой день и, конечно, разбомбит или расстреляет их из пулемётов, если ехать по дороге или по степи.

Размышления ребят о будущем прервали немецкие танки, их было шесть штук. Они подъехали к берегу реки и стали молотить по нашим позициям. Артиллерия Красной Армии отвечала неплохо: два танка запылали сразу, третий загорелся через минуту. Уцелевшие немецкие боевые машины сразу же отъехали подальше от наших позиций, на безопасное расстояние.

Через некоторое время прилетели немецкие самолёты. наших соколов совсем не было видно. Фашисты отбомбились и улетели, танки же опять подъехали поближе. Но Советская артиллерия не спала и сожгла их сразу, как только они выехали на пристрелянные позиции нашей армии.

Но тут снова прилетели немецкие самолёты. Это случилось так быстро, как будто ждали за углом. Они отбомбились и улетели, а к реке подошли ещё шесть немецких танков и грузовые автомашины, которые подвезли к реке шесть артиллерийских орудий. Они открыли огонь по позициям Красной Армии. Нашим бойцам досталось крепко, но и немцам тоже. Три немецких танка были сожжены. Но очень скоро выстрелы нашей артиллерии прекратились. Немецкая батарея время зря не теряла, и, видимо, уничтожили все наши орудия.

Наконец, стемнело. Отъехав от берега, немцы остановились на ночёвку и развели костры. Они чувствовали и вели себя, как хозяева, как будто им никто не противостоит. Ребята решили наказать фашистов, используя трофейные гранаты.

В темноте они подобрались ближе к врагу, взяв с собой по шесть гранат. Стояла жара, и люки танков были открыты даже ночью. В них то ребята и швырнули по две гранаты. Прозвучали три взрыва, а за ними начали рваться снаряды в танках. Боевые машины загорелись. Получился хороший бум.

Немцы проснулись и стали таращиться на небо, думая, что это авианалёт. Между тем ребята подбежали к машинам с прицепленным к ним орудиями и кинули гранаты в кузова шести автомашин. В них находились снаряды, которые почти сразу начали взрываться. От автомашин загорелись пушки, горели колёса и краска орудий, а заодно и оптика. Наверное, пушки стали совсем непригодными к бою. Однако, на всякий случай, ребята бросили в стволы по гранате, и их разорвало.

Наведя у немцев шухер, ребята остались лежать в тени подальше от пламени. Когда немцы успокоились, ребята потихоньку пробрались в лесочек, сели на мотоциклы и не включая света поехали по степи к ближайшему лесному массиву. Ехать пришлось всю ночь на предельной скорости. Рассвет наступил в три часа тридцать минут, а до леса оставалось ещё километров пятьдесят. Василь сказал, что немцы до шести не проснутся, и потому есть шанс успеть добраться до спасительных деревьев.

В пять часов утра 27 июля 1941 года ребята въехали в лес, там они остановились у ручья. И тут они вспомнили, что еды то у них нет. Свой мешок, где было немного сухарей, они забыли в лесочке. Решили посмотреть еду в немецких ранцах и не прогадали. У фашистов нашёлся шпик, галеты, консервированные колбаски ну и, конечно, шоколад. Имелся даже шнапс. Но ребятам он был пока не нужен, но выбрасывать его не стали, вдруг пригодится на что-нибудь поменять.

Молодые люди плотно перекусили и решили остаться на днёвку в этом лесу, дежуря по очереди. Они, конечно, понимали, что вдвоём очень трудно бить врага, но если они примкнут к какой-нибудь группе красноармейцев, то им придется быть на вторых ролях. Подай, принеси, в лучшем случае их возьмут в хозяйственный взвод, а уж оружие точно заберут. Мало того, что они гражданские, так еще и несовершеннолетние. По их мнению, им надо или оставаться вдвоём, или создать группу из таких-же пацанов, как и они. Решили пока воевать вдвоём, а там будет видно.

Часов в восемь вечера ребята начали движение вперёд. Им надо было изучить новое место, чтобы потом уметь ориентироваться в незнакомом лесу. Вскоре они натолкнулись на группу красноармейцев в количестве двенадцати человек. Они были плохо вооружены и, судя по всему, голодные. Двое из них выскочили на дорогу перед мотоциклами с винтовками на перевес, ребятам пришлось остановиться. К ним подошёл старший в форме старшины и очень грубо спросил, кто они и откуда. Михась сказал, что они местные партизаны и двигаются в своё расположение.

Тогда старший сказал, что он реквизирует у ребят оружие и мотоциклы. Михась и Василь вынули по последней гранате и отвернули колпачки. Михась поправив автомат на груди сказал, чтобы бойцы отошли от мотоциклов, иначе они закидают их гранатами. И добавил:

- Надо воевать с фашистами, а не грабить своих, отнимая у них добытое в честном бою оружие.

Василь предложил им отдать пулемёт, но Михась сказал, что раз они такие самоуверенные и наглые, то пусть сами попробуют отбить оружие у врага.

Мотоциклы они не глушили, поэтому сразу рванули вперёд. Старшине осталось только стоять и смотреть вслед удаляющимся ребятам.

Михась подъехал к Василию и спросил: «Ты понял?». Тот кивнул.

«Нам нужно держаться только своей компанией» - продолжил Михась. Василь опять кивнул.

Проехав километров двадцать пять, ребята упёрлись в большой хутор. В нём было домов триста и даже небольшая церковь. Пока они стояли около хутора и думали, стоит заезжать в него или нет, со стороны леса вышли три девушки. В руках у них были небольшие узелки. Ребята окликнули их и познакомились. Девушек звали Оксана, Наталка и Олеся. Они пришли в гости к родственникам из соседнего большого села. Олеся уже окончила школу, а Оксана и Наталка перешли в десятый класс.

Василь не стал темнить и спросил, есть ли на хуторе молодёжь, способная сражаться с врагом. Девушки сказали, что на хуторе их ровесников нет. Они все эвакуировались. Остался лишь один молодой помощник кузнеца Микола, одноклассник Олеси. Ребята предложили девушкам сходить в гости, чтобы не привлекать внимания, а потом привести к ним Миколу.

Микола оказался парнем среднего роста со здоровенными плечами и сильными руками. Он работал помощником кузнеца с двенадцати лет, а полгода назад старый кузнец заболел, и Микола стал работать один. Ребятам понравился кузнец, и они сразу предложили ему вступить к ним в отряд. Микола с радостью согласился. Девчонки, когда услышали, что Миколу берут в отряд, тоже захотели в партизаны. Михась и Василь согласились. Даже для караульной службы им необходимо было не меньше пяти человек, а шестеро ещё лучше. Всё равно надо было учить Миколу боевым навыкам, вот и будут учиться вчетвером.

Учились в овраге, который обнаружился километрах в четырёх от хутора. Ночевали там же, сделав два шалаша - один для мальчиков, один для девочек. Однажды, когда ребята сидели вокруг костра, Василь предложил разбиться на три пары - три девочки и три мальчика, предложив выбрать, кто с кем хочет воевать. Ребята написали имя своей желаемой напарницы на листочке, а девушки своего напарника. Все пары полностью совпали. Осталось раздобыть третий мотоцикл, и можно действовать по парам.

Сначала стали учиться обращаться с трофейным оружием: разбирать и собирать пистолеты, автоматы, пулемёты. Потом тренировались в стрельбе и метании гранат. Патронов было не очень много поэтому ребята решили научить новичков стрелять без патронов. Лишь в конце им дали по пять патронов для стрельбы из автомата. У них отлично всё получилось.

Больше решили боеприпасы не трогать. Поучились кидать ножи, у Миколы и Олеси это очень хорошо получалось. А вот Оксанка и Наталка никак не могли научиться. У них вообще ничего не получалось. Василь нашёл в мотоциклах немецкие сапёрные лопатки. Заточил их со всех сторон и предложил девушкам попробовать метать их. У девушек дело сразу пошло лучше. Также новобранцев обучили управлению мотоциклом. У ребят было два автомата и два пистолета. Всё это оружие отдали девочкам, а сами ребята взяли себе три пулемёта. Остальные оставили в резерве.

Михась спросил у Миколы, может, он знает какое-нибудь укромное место, где можно оборудовать базу для их отряда. Ведь в колясках мотоциклов они возят целый оружейный и продуктовый склады. Микола предложил охотничью сторожку своего деда, о которой почти

никто не знал. Сам дед умер перед самой войной, когда ему было сто четыре года, поэтому сторожка теперь стоит пустая. Микола знал к ней секретную гать через болота. Её сделал местный помещик для охоты почти сто лет назад, и о ней никто кроме его деда не ведал.

В сторожку решили ехать немедленно. При въезде в лес дорогу им перегородила полуторка. Её поперёк прошла очередь из авиационного пулемёта. Внутри кабины ребята нашли тела убитых водителя и сопровождающего груз старшины. Кроме разбитых стёкол других повреждений автомашина не имела.

В ящиках, стоявших в кузове, оказались гранаты. В десяти из них были гранаты РГД (наступательные), еще в десяти Ф-1 (оборонительные). Еще десяток ящиков были с противотанковыми гранатами. Больше в автомашине, кроме инструмента и запасной канистры бензина, ничего не было. Убитый старшина был вооружён наганом. У шофёра остался карабин калибром 7,62 мм и тридцать патронов в подсумке на ремне.

Ребята вынули погибших из кабины. Они пролежали там почти двое суток, и от них уже пошёл трупный запах. Похоронив убитых бойцов Красной Армии, они забрали уцелевшее оружие и патроны. Василь спросил Миколу, проедут ли они на автомашине по тропе на болоте, тот ответил, что едва-ли. Тогда они просто взяли с собой по ящику гранат каждой системы.

Машину отогнали в лес и замаскировали ветками, сами же двинулись по секретной тропе. В колясках места не было, поэтому двое сели сзади за мотоциклистами, а двое время от времени присаживались на груз оружия и боеприпасов, уложенный в колясках. Впрочем, дорога была плохая и сильно заросшая кустарником и молодыми деревьями, поэтому ехали долго, а километров пять толкали мотоциклы руками. Потом дорога стала по лучше и мотоциклы пошли своим ходом. Еще через пять километров оказались на месте. Избушка стояла в глухом лесу на сухом месте. Она была довольно в хорошем состоянии, а рядом с ней бил из земли родник. Разгрузили мотоциклы, приготовили спальные места, потом поели. Василь взял себе револьвер убитого в машине старшины, а Михась карабин водителя.

В шестнадцать часов Василь поднял уснувших ребят. В отряде все имели равные права, но лидером как-то стал Василь.

На первое задание решили пойти 4 августа 1941 года. Проезжая мимо грузовика с гранатами, ребята взяли себе по пять гранат каждого вида. Они знали, что в селе, которое находится примерно в пятидесяти километрах от хутора Миколы, расположен немецкий гарнизон. Он был небольшим - всего двенадцать фашистов и два полицая. Немцы жили в сельсовете, лейтенант – в соседнем в доме, а полицай – в своих хатах. Кто и где живёт, им рассказали местные ребята.

Мотоциклы оставили на краю села, разбились на три группы по два человека. Михась и Наталка пошли в дом к лейтенанту. Его они нашли без труда. У калитки стоял мотоцикл, а на крыльце полужив или полусидя нёс службу часовой. Нападения он явно не ожидал, но подойти к нему близко было трудновато. Он лежал спиной к двери, а с двух других сторон его прикрывали перегородки на крыльце от ветра.

Чтобы с ним справиться надо было только стрелять или кидать нож. Но ножом, наверняка, сразу не убьёшь, потому, что часовой находился в полулежачем положении. Наталка подала Михасю камень, он кинул его в голову часового. Тот остался лежать уже мертвым, даже ойкнуть не успел. Отодвинув ногами тело часового, ребята прошли в дом. Лейтенант спал, как говорят, без задних ног. Он пришёл в себя только, когда ему связали руки за спиной. Михась и Наталка прихватили его форму, а также оружие обоих немцев. Они заставили лейтенанта погрузить своего солдата в коляску мотоцикла, после этого ему опять завязали руки сзади и посадили рядом с трупом, а из пулемёта, на всякий случай, вынули ленту.

Микола с Олесей отправились к полицаям. Те жили в одном доме. Там проблем не возникло. Они оба мирно спали в доме на хозяйских кроватях, выгнав последних жить в сарай. Ребята связали полицаям руки и привели их к зданию сельсовета.

Василь с Оксаной двинулись к сельскому совету заранее. У него стояли два немецких мотоцикла с колясками, в которых имелись пулемёты, их даже не сняли с турели. У входа в здание стоял часовой. Василь метнул ему в грудь нож, а затем в назначенное время ребята просто закидали сельсовет гранатами. Выпрыгивающих из окон немцев добивали из пулемёта. Очень скоро к ним присоединились и другие группы. Лейтенанта и полицаев Василь расстрелял одной очередью. Их тела забросили в здание сельсовета.

Василь, Михась и Микола зашли в здание и собрали всё трофейное оружие. Теперь у них было десять автоматов с запасными обоймами, полсотни гранат, десять кинжалов. К этому добавилось оружие часового. Они также забрали форму убитых солдат и их ранцы. Сельский совет освещали три керосиновые лампы. Ребята сбросили их на пол, деревянное и сухое здание быстро загорелось.

Партизаны не стали ждать, пока соберётся народ, а быстро погрузили все трофеи в коляски и на пяти мотоциклах свалили из села. Когда выехали за околицу, дорога пошла по кругу, огибая пахотные поля. Михась заметил, что какие-то тени бегут им наперерез. Ребята сбавили скорость, приготовив пулемёт к бою. Однако он не понадобился. К ним, размахивая руками, бежали двое: парень и девушка. Ехавший первым Михась остановился. Бежавшие к ним ребята, запыхавшись в один голос прокричали:

- Возьмите нас с собой.

Василь показал парню, чтобы тот сел позади него назад, а девушку усадил в коляску. Сразу поехали дальше, время приближалось к двенадцати часам ночи. Партизаны решили заехать ещё в одно село, где жили четыре полицаи и староста. На околице их должен был ждать знакомый Миколы. Не доезжая до места, остановились и спешили. Новеньких оставили приглядывать за мотоциклами. Для контроля недалеко от них осталась и Наталка.

Живший на краю села знакомый Миколы, Глеб уже ждал ребят. Он показал, где живут полицаи и староста. Ребятам повезло - у одного из полицаев был день рождения, и вся компания собралась в одном доме.

Часовых у хаты не было. Двоих оставили на улице вместе с Глебом, а сами втроём прошли в дом. Там стоял дым коромыслом. За столом сидели пятеро мужиков и три женщины. Все были пьяными. Двое из мужчин выхватили из-за пояса пистолеты, пытаясь оказать сопротивление. Но было уже поздно. Все пятеро были убиты на месте. Женщин ребята трогать не стали, хотя их тоже надо было убить, раз они связались с полицаями. Партизаны уже собирались уходить, как одна из женщин достала из-под кровати немецкий автомат и выстрелила по нашим ребятам. Ответным огнем все женщины были убиты.

В числе трофеев оказалось пять немецких автоматов, пять пистолетов ТТ, два револьвера системы «Наган», три автоматических винтовки ТОЗ-38, одна винтовка Мосина, пять цинковых патронов калибра 7.62 по 1200 патронов в каждом, штук двести патронов к пистолету ТТ россыпью, штук сто к револьверам и по пять запасных полных магазинов к каждому автомату МП-40. Откуда у них такой арсенал? Наверное, собрали на полях, где проходили бои.

Обыскав дом, ребята нашли на чердаке ручной пулемёт Дегтярёва. В сарае стояла полная двухсотлитровая бочка бензина и три полных бензином запасных канистр. Перелив бензин в баки мотоциклов и в запасные канистры, пустую бочку бросили у сарая. Во дворе у полицаев нашлись ещё три немецких велосипеда.

Ребята подъехали к дому на мотоциклах, погрузили в них трофеи и продукты, нашедшиеся в погребе. Сам дом подожгли. Он стоял на юру, так что соседей пламя не заденет.

После этого было решено навестить еще одно село, время приближалось лишь к двум часам ночи. Глеб попросил принять его и его девушку Аню в отряд. Ребята были не против. Аню и двух других ребят Свету и Степу на велосипедах отправили к замаскированной у болота автомашине с гранатами и приказали их там подождать.

Глеб сказал, что в очередном селе их должен ждать его друг Павел. До него добрались к четырём часам утра. Павла встретили у околицы на краю села. Здесь было шесть немецких солдат с одной грузовой автомашиной. Старшим у них был фельдфебель. Кроме немцев, в селе были два полицейских - отец и сын. Ребята разбились на две группы трое, Микола и две девушки, двинулись к полицаям, остальные к солдатам, которые расположились в сельсовете.

Василь приказал Глебу и Олеся ждать на улице, а сам с Михасём зашёл в здание. Часовой спал, сидя на стуле внутри сельсовета. Михась зарезал его сразу. Потом ребята зашли в комнату и по очереди убили ножами оставшихся пятерых фашистов.

Микола с девушками привели взятых в плен полицейских. Михась приказал им вынести погибших солдат и погрузить тела в грузовик. После этого они с Василем подошли к полицаям и перерезали им горло. В живых оставлять их было нельзя, пострадают мирные граждане, а так, может, и обойдётся.

Павел попросился к ним в отряд, но Василь не знал, что делать. И так уже взяли четырёх новичков. Глеб тоже поручился за него, и Василь согласился. Пока грузили оружие и форму фашистов, Павел привёл девушку Лизу. Василь махнул рукой и даже спрашивать ничего не стал.

У полицейских забрали оружие и два немецких велосипеда. На них Михась отправил Глеба и Павла вместе с его девушкой напрямки к месту встречи у болота. А сами ребята поехали петлять, чтобы запутать следы. Грузовик отогнали подальше от села километров на сорок и поставили на деревянный мост через реку. Из автомашины забрали инструмент, сняли брезент, слили бензин и взяли две запасных канистры с бензином, а мост подожгли.

Пошёл сильный дождь, и мост не хотел гореть. Василь сказал, что если мост загорится, а машина упадёт в реку и сразу потухнет, то людям сразу из нескольких хуторов и деревень придётся пить грязную воду. Поэтому было решено инсценировать несчастный случай. Впереди был довольно глубокий овраг. Решили, что грузовик свалится туда. В баке автомашины оставался бензин (грамм двести) и в карбюраторе тоже остался. На этом и доехали оставшиеся два километра.

Всё должно было выглядеть так, будто пьяный водитель не справился с управлением и улетел с обрыва, где автомашина загорелась. Перетащили за руль единственного в форме солдата, а рядом с ним усадили полицейских, после чего сбросили машину в овраг. Ребята отбрали у полицейских четверть с самогоном. Спустившись вниз, они вылили самогон на автомашину и подожгли. Грузовик быстро загорелся, пламя загудело и искры полетели во все стороны.

Уничтожив машину с убитыми фашистами, ребята поехали в лагерь. В ходе рейда они забрали у полицая еду: сало, крупы, картошку, копчёности, колбасы, квашенную капусту, огурцы, помидоры. Вытащили всё, что было в погребе. Забрали также и кастрюли, горшки, чугуны, ухват, даже кочергу, вёдра, котелки, три самовара. Два из них были по десять литров, а один артельный - на двадцать.

Партизаны прихватили также швейную машинку, топоры, пилы, лопаты. Всё, что может пригодиться для жизни в лесу. Мотоциклы стали похожи на колхозные тачки. Но, что делать, всё это было нужно, ведь у них не было даже ножниц.

Во дворе Микола заметил у старосты двух баранов и овцу. Он связал им ноги и бросил себе в люльку мотоцикла.

Наконец, приехали к полуторке. До поры ребята не захотели показывать свою базу новеньким. Мотоциклы спрятали в лесу, замаскировав их ветками. Василь пристроил новых членов отряда заниматься обедом и строить шалаши, а шестерых обученных поставил попарно охранять временный лагерь. Каждой паре досталось по четыре часа. Место было неплохое - в стороне от дорог, глубоко в лесу, на них можно было наткнуться только случайно.

Шалаши сделали быстро. Крыша и пол в них соорудили из лапника, затем поели и завалились спать. Михась и Наталка дежурили первыми. Пока не легли спать, Михась показал новень-

ким, как нужно заряжать и пользоваться немецким оружием. Чтобы они немного привыкли к оружию и научились им пользоваться, он раздал им автоматы с запасными магазинами и кинжалы.

Михась попросил Василя с Оксаной и Миколу с Олесей отвезти излишки еды и вооружения, а также овцу и баранов к сторожке. Там же оставили велосипеды и два лишних мотоцикла, накрыв их брезентом и еловым лапником. Дорогу к избушке сразу было не найти. Вначале гать уходила под воду где-то на полметра, поэтому обнаружить её незнающему человеку было практически невозможно.

Ребята выполнили задание и, вернувшись обратно, легли отдыхать. Молодые тем временем построили два шалаша - один для мальчиков, один для девочек. Затем новички немного позанимались изучением оружия, а потом утомнились и они.

Михась подумал, что у них не отряд, а какое-то семейное общество - одни влюблённые пары, как-бы это не повредило общему делу. Но тут Наталка поцеловала его в щёку, и грустные мысли покинули его. Теперь он стал думать как-бы быстрее обучить личный состав и выехать в новый рейд.

Михась с Василем решили обучать девушек владению только лёгким стрелковым оружием: пистолетами и автоматами. С пулемётами их познакомили лишь поверхностно. Метание ножей заменили на метание гранат. Управлению мотоциклом обучали всех в обязательном порядке. При этом практиковались и в вождении автомашины. Особый упор делали на занятия по физической подготовке.

Каждый из первых бойцов отряда взял на себя обучение одного новенького, а за общим ходом занятий наблюдали Василь и Михась.

Василь оставил Михася и Наталку с молодыми, а сам, с Оксаной, Миколой и Олесей, отправился на разведку. Проехав километров тридцать, ребята слышали звуки работающих двигателей мотоциклов. Они уже выехали на полевую дорогу, поэтому скрыться было негде. Тогда Михась развернул свою группу на 180 градусов, и они помчались к лесу, и, прежде чем показались вражеские мотоциклисты, они успела заехать под спасительную тень деревьев.

Разведчики залегли в кустах на опушке леса. К ним приближались три мотоцикла с колясками, оборудованными пулемётами. На всех мотоциклах сидело по три немца. Михась показал каждому его цель. В тот момент, когда мотоциклы вышли из-за поворота и поравнялись с ними, ребята открыли огонь. До немцев было меньше пяти метров. Гранаты применять не стали, боясь повредить вражескую технику.

Расстреляв фашистов в упор, молодые люди собрали оружие, боеприпасы, сапоги, неповреждённую пулями одежду и погрузили добычу в коляски своих мотоциклов. На поле было много воронок от немецких бомб, фашистов закопали в двух из них. После этого разведчики отправились на базу, петляя, как зайцы, запутывая свои следы.

По приезду Василь заподозрил что-то неладное - слишком много птиц кружило над лесом. Мотоциклы оставили в стороне и дальше пошли пешком. Подойдя ближе, разведчики увидели, что ребята стоят, подняв руки в верх, а под прицелом их держат какие-то вооружённые люди, одетые в полувоенную одежду. Нападавших было человек десять. Судя по всему, намерения у них были серьёзные. Они сильно избили Михася. Он, согнувшись, сидел, на траве. Два здоровенных мужика прижали к сосне Наталку и лапали её, срывая одежду.

Василь незамеченным подошёл к незванным гостям почти вплотную, и выйдя на поляну открыл огонь с двух рук из пистолетов. Пока он не хотел их убивать, поэтому стрелял по конечностям. За несколько секунд он отстрелил четыре руки и четыре ноги. Остальные бросили оружие, подняли руки и взмолились о пощаде. Эти люди оказались дезертирами, покинувшими свои части. Почти все они были бывшими уголовники.

Михась приказал уцелевшим дезертирам связать руки и ноги раненым бандитам. Ребята подогнали мотоциклы, погрузили туда раненых и здоровых и поехали всей группой искать подходящее место.

Наконец, нашли несколько больших воронок от авиабомб. На их край Василь поставил раненых бандитов и приказал молодым расстрелять их. Ему надо было проверить их. Конечно, дезертиров было немного жаль, но они были такие-же враги, как и фашисты. Ребята расстреляли всех бандитов без сожаления, даже несмотря на их мольбы о пощаде. К изменникам и предателям у них не было ни прощения, ни доверия. Воронки, ставшие могилами, засыпали. Вне всякого сомнения, дезертиры бы убили их всех, предварительно изнасиловав девушек. Собственно, это они и пытались сразу сделать, пока Василь не помешал им, они даже не скрывали своих намерений.

Молодые особенно девушки после расстрела почувствовали себя плохо. Их несколько раз стошнило. Михась, стараясь их успокоить, сказал:

- Если бы мы оставили бандитов в живых, они обязательно нашли бы себе другие жертвы. Откуда у них гражданская одежда наших граждан? Откуда оружие? Точно кого-то убили и ограбили.

У дезертиров имелись четыре обреза винтовки Мосина, четыре кавалерийских карабина, которые до революции назывались Драгункой, два пистолета ТТ и десяток советских гранат. Судя по отсутствию трофейного оружия, с немцами бандиты дело ещё не разу не имели.

Михась и Василь научились хорошо стрелять с двух рук. Из имеющегося у них в наличии оружия ребята выбрали пистолеты ТТ. На свои гражданские рубашки они надели командирские ремни с двойной португеей, как носили в гражданскую войну. На ремнях они расположили по два пистолета в кобурах. В карманах брюк они носили по гранате Ф-1 и револьверу «Наган», так, на всякий случай. Чуть позже, они забрали у фашистов небольшие пистолеты »Браунинг«. Они были маленькими и плоскими. Ребята стали прятать их в сапоги. В одном сапоге финский нож, в другом пистолет. Сапоги ребята носили сначала короткие немецкие, а потом у полицаяев нашли хромовые и яловые. В отряде стали звать Василя командиром, а Михася комиссаром.

После случая с дезертирами, командир с комиссаром решили уйти за болота, но лагерь оставили в том состоянии, как будто его только что покинули. Вот только грузовик взять с собой не представлялось возможным. Его решили пока не трогать, а спрятать поглубже в лес и еще более тщательно замаскировать. Каждый раз, уходя на задание, ребята брали гранаты прямо из кузова машины. А со временем потихоньку ящики с гранатами перевезли на базу, оставив в грузовике по два ящика каждого вида боеприпасов.

Охотничий домик в лесу был полностью окружён болотами, но твёрдая почва была вокруг в радиусе трёх километров. Здесь и стали тренироваться. Подходы и подъезды к базе заминировали, поэтому днём караульную службу не несли.

Тренировались все и командир, и комиссар. Они личным примером показывали, как надо работать, а заодно и оттачивали свои навыки в стрельбе, рукопашном бое и метании ножей. Михась и Василь сами учились и других учили стрелять с двух рук и метать ножи. Девушки тоже старались научиться хорошо метать ножи, но не у всех получалось, Василь не требовал этого от девчонок, но они и сами старались, не принимая поблажек.

Света, Лиза и Аня были крупными крепкими девушками. Им доверили автоматические десятизарядные винтовки, правда, без оптического прицела. Но они так здорово наловчились стрелять из них, что попадали в любую цель с одного выстрела. Василь так и учил их всех: один патрон - одна смерть. Врага следовало уничтожить, а самому остаться целым и желательно невредимым.

11 августа 1941 года все вместе выехали на разведку на шести мотоциклах. Командир разбил свой отряд на три группы, по два мотоцикла в каждой. На одном мотоцикле в каждой

группе была установлена рация. Переключили каналы и стали работать по голосовому каналу, придумали шифры и кодовые слова. Вот, допустим, нужна помощь. Тогда все по рации слышат: «Ромашка», я »Колокольчик», три девятки около п. 1». Это означало - общий сбор в пункте 1. К примеру, слова: «Три, пять, ноль п.5», означали, что срочно нужна помощь в пункте 5 и так далее.

Для разведки выбрали два крупных хутора и небольшое село. Группы разъехались по назначенным объектам. На хуторах было по два полицая и староста, а в селе квартировали шестеро солдат, четыре полицая и староста. Туда Михась поехал сам вместе с Наталкой, Глебом и Аней. Они связались с местными пацанами, и те показали дорогу к домам полицаяев и старосты. Солдаты же остановились в бывшем правлении колхоза.

Ребята разделились на пары и отправились по адресам полицаяев и старосты. Договорились всё сделать тихо, а в случае стрельбы уходить из села за околицу к мотоциклам. В доме первого полицая все спали, что немудрено в час ночи. В горнице собрали всё оружие. Еще один пистолет нашли у полицая под подушкой.

Михась убил его ножом. На кровати он спал один. На соседней кровати завозилась женщина. Её связали и засунули в рот кляп, предупредив, что, если она будет орать, они вернутся и убьют её. В следующей хате повторилось примерно тоже самое. На улице их уже ждали Глеб с Аней. Михась послал их к старосте, а сам пошёл к солдатам.

На крыльце правления колхоза сидел часовой. Комиссар зашёл сзади, и ударил его ножом. Тот даже не дёрнулся. Наталка приготовила гранаты и взяла на прицел окна, а Михась сняв сапоги, чтобы не топтать зашёл в контору. В каждой руке у него было по ножу. Ими он стал убивать немецких солдат.

Когда Михась убивал фашистов, у него перед глазами стояли женщины и дети, убитые на том самом поле в первые дни войны. Подошли Глеб с Аней, комиссар послал их за мотоциклами, а сам собрал оружие и немецкую форму. У немцев было два мотоцикла с колясками, в них и сложили трупы солдат, а затем вывезли подальше от села и похоронили в воронках.

Обыскав дома полицаяев, у одного нашли патроны к винтовке, а у другого станковой пулемёт Максима и запасные коробки с лентами. У старосты нашлась винтовка СВТ-38 с оптическим прицелом. Кроме этого партизаны прихватили с собой продукты: мясо, крупы, копчёности, консервы, хлеб и муку. Связанных женщин развязали, посоветовав им держать язык за зубами, а полицаяев похоронить. Лишние мотоциклы оставили в лесу неподалёку, замаскировав ветками.

Комиссар связался по рации с остальными и спросил, как обстоят дела у них. Ему ответили, что всё в порядке. Другие группы тоже взяли в качестве трофеев продукты и оружие полицаяев. Тогда он, связавшись с командиром, сообщил, что полицаи что-то говорили о железнодорожной узловой станции. Он принял решение направиться к ней и просит всех подъехать туда же.

На станции стояли два эшелона, по всей видимости, оба с боеприпасами. Ребята стали обсуждать, как их уничтожить. Мин у них не было. Если бы эшелон был с горючим, его можно было бы просто поджечь. Но на этот раз задача была сложнее. Можно было бы взорвать гранатой один вагон и рассчитывать, что от него с детонируют остальные. Но гарантии в этом не было никакой. Можно было зайти с четырёх сторон и подложить в первые и последние вагоны противотанковые гранаты. Время от активации до взрыва у них составляет восемь секунд. Четыре вагона взорвутся точно, а остальные можно попробовать закидать гранатами. Надо только успеть убежать до взрыва, чтобы охрана не заметила. Значит, надо сначала убрать охрану. Часовых было шестеро, по два с каждой стороны.

Всё это следовало сделать одновременно: снять часовых и подложить гранаты. Иначе прибежит поднятый по тревоге комендантский взвод. Пока четверо девушек закладывали под вагоны противотанковые гранаты, четверо ребят снимали часовых. Ещё одна четверка устано-

вили два пулемёта, чтобы встретить комендантский взвод перекрёстным пулемётным огнём и закидать его гранатами.

Сработали по плану, без сучка и задоринки. Взорвались четыре вагона с боеприпасами, комендантский взвод был встречен огнём пулемётов, а также гранатами. Он был полностью уничтожен. Тем временем бойцы отряда стали закидывать противотанковыми гранатами уцелевшие вагоны. Взрывы продолжались. Уже было уничтожено больше десятка вагонов, а они всё продолжали рваться. Когда кончились все противотанковые гранаты, ребята уехали, пока на звуки канонады к фашистам не приехала помощь, а снаряды продолжали рваться.

Слив бензин с двух грузовиков, стоящих рядом с железнодорожной станцией, партизаны поехали к себе домой, не забыв направить немецкие автомашины к горящим вагонам.

Отряд покинул станцию, заметая следы. А в округе ещё долго была слышна канонада рвущихся на станции снарядов. Взрывы раздавались до самого утра. На обратном пути из лесного массива отряд кто-то обстрелял. Василь развернул своих бойцов веером и вывел его из-под огня. Легко была ранена в руку Олеся. Проехав пару километров, Василь решил развернуться и узнать, кто все-таки их обстрелял. Олеся и Миколу оставили охранять не принимавшие участие в разведке мотоциклы.

Едва ли на них напали фашисты, в пять часов утра они обычно спят и не воют. Василь на своём мотоцикле поехал первым, выполняя роль живца, а остальные обогнув лесок по полю, зашли, с другой стороны. Однако на месте обстрела ребята не обнаружили ничего кроме стрелянных гильз. Они были от оружия калибром 7,62 мм. Скорее всего, стреляли из ручного пулемёта. Судя по следам, стрелявших было двое.

Михась предложил изловить стрелков. С этим согласились все. Ребята считали, что это или полицаи, или дезертиры. Парни стали прочёсывать местность на мотоциклах, а девушки пошли пешком, осматривая следы на дороге. Через два километра партизаны заметили двух пацанов, которым по виду едва исполнилось четырнадцать лет. Когда они поняли, что их ловят, пулемёт пацаны сразу бросили.

Оказалось, что это подростки из Ворошиловграда. Как и Василь с Михасём, они попали под авианалёт. Их колонну накрыла вражеская авиация, родители погибли, а выжившие люди разбежались по степи. Пацаны пошли вперёд к нашим войскам, но упёрлись в сгоревший мост. Затем наткнулись на окопы, где лежали убитые красноармейцы. Там они и нашли ручной пулемёт Дегтярёва.

Этой ночью, услышав треск мотоциклов, они решили дать бой врагам, но после первой же очереди пулемёт замолчал, у него кончились патроны.

Командир решил взять ребят в отряд, поскольку одни они пропадут. Но тут встал вопрос: вести их на базу или нет? Посоветовавшись с комиссаром, командир решил взять на базу всех.

Василь с Михасём приняли решение позаниматься с личным составом дня три, а потом опять проехать на станцию и, если повезёт, снова навести там порядок. Молодые ребята, Олеся и Игорь, были довольно хорошо физически развиты, им было легко заниматься рукопашным боем и выносить непростые физические нагрузки.

Прошло два дня интенсивных занятий. На третий день после утренних упражнений Василь приказал всем отдыхать и готовиться для выезда на разведку. Научив Олеся и Игоря обращаться с оружием, и, рассказав им как пользоваться гранатами в случае нападения на базу, отряд в 16 часов 15 августа выехал в новый рейд

К узловой железнодорожной станции подъехали, сделав большой крюк. На этот раз на станции не было ни одного состава. Остатки разбитых эшелонов растащили, сожжённые вагоны загнали в тупик.

Василь предложил ребятам взорвать ближайший после станции мост, ведущий к фронту. Пока мост будут восстанавливать, на станции соберётся несколько поездов. Правда, в этом случае, на ней, скорее всего, их будет ждать засада.

Однколейный железнодорожный мост обнаружился километрах в двадцати от станции. Ребята понаблюдали за ним и поняли, что он никем не охраняется. Проблема заключалась в том, что взорвать его было нечем. У них не был ни мин, ни тротила, ни динамита.

Посоветовавшись, решили привязать к одной из опор моста десять противотанковых гранат и взорвать их, дёрнув за шнур. Но где взять шнур такой длины?

Можно было взять немецкую гранату «колотушку», у которой задержка до взрыва больше восьми секунд, выдернуть запал, а самому прыгнуть в воду. Это, конечно, рискованно, но другого пути пока нет.

Василь решил сам взорвать мост, но Стёпа попросил доверить это дело ему. Во-первых, он лучше всех плавал, а во-вторых, ему, наконец-то, надо проявить себя. Все согласились. Взрыв получился такой силы, что надводная часть опоры полностью разрушилась и мост сразу рухнул. Наверное, можно было обойтись и пятью гранатами, но у ребят опыта во взрывном деле не было. Поэтому они подумали, что лучше заряд сделать с запасом, чем его не хватит в нужный момент.

Вражеские эшелоны шли один-два раза в день. У ребят были сутки, чтобы найти специалиста-подрывника. Раньше почти на каждой шахте был такой специалист. Василь разбил отряд на три части, по два мотоцикла в каждой и послал их по сёлам и хуторам в разведку. Сам он тоже поехал во главе одной из групп.

По плану две девушки из каждой группы идут на разведку в населённый пункт. Они вызывают меньше подозрения. Ребята остались на окраинах сел, в лесу, страховать девушек. Если кому-то из них будет нужна помощь, они вызовут её по рации.

По ходу дела в двух хуторах обезоружили по два полицейя. Вывезли их за околицу и расстреляли. Василь попросил своих бойцов добыть в населенных пунктах хотя бы две двери вместе с коробками и пару окон в сборе. Нужны были еще и печки-буржуйки. На базе надо было делать землянки, а без этого их не соорудишь.

Несмотря на то, что базу окружали болота, вода была не очень близко. До неё было метра полтора. Землянки надо было делать высотой над поверхностью хотя-бы сантиметров на пятьдесят-восемьдесят, а лучше всего, конечно, на метр, чтобы окно суметь установить. Ребята добыли все необходимые детали, нашли одну печку и даже умыкнули несколько деревянных скамеек. Того, что не хватало в быту, забрали из домов полицейских. А что делать, купить то было негде, да и денег у них не было, Советские червонцы были на территории, занятой противником, не входу, а немцы свои пока не напечатали.

Подрывника так и не нашли. Но поиски не бросили и ночью опять разъехались. Утром снова пошли по посёлкам и сёлам, до вечера искали нужного специалиста, но так и не нашли. Отвезли барахло, оружие, продукты на базу, заодно там и пообедали. На дело взяли с собой ещё больше противотанковых гранат.

Часов в восемь вечера поехали к железнодорожной станции. К полуночи были на месте. Мотоциклы оставили метрах в трёхстах от станции, где кончался лесок. Василь послал в разведку Павла и Лизу. Они вернулись часа через два, сообщив о том, что на станции стоят два эшелона - один с горючим, второй, по всей видимости, со снарядами. На перроне стоят два мотоцикла и грузовая автомашинa-фургон «Опель». Количество часовых увеличили в два раза. Впереди стояли четверо автоматчиков и сзади ещё четверо. Только что произошла смена часовых, следующая будет или через час, или через два.

Решили действовать, не дожидаясь смены караула, через полтора часа, если смены не будет раньше. Часовые устанут, к тому же под утро спать всегда хочется сильнее, а бдительность ослабляется.

Ребята решили часовых не снимать, а попробовать опять кинуть шесть противотанковых гранат с одной стороны и шесть с другой. С собой взяли четыре пулемёта, и расположили их по два с каждой стороны.

Через полтора часа после смены часовых партизаны разбились на два отряда и забросали эшелоны гранатами с каждой стороны. От взрывов в вагонах стали рваться снаряды, загорелся бензин. Девушки прицельными выстрелами из винтовок сняли часовых. Потом одна из них отогнала от горящих эшелонов грузовик, а две других отогнали мотоциклы.

В это время на перрон выбежали фашисты из комендантской роты. Они сразу попали под огонь четырёх пулемётов и залегли. Вернувшиеся девушки закидали их гранатами, а ребята добились из пулемётов и другого стрелкового оружия. Особенно отличились девушки-стрелки. Правда, два партизана из их отряда получили ранения средней тяжести.

Мотоциклы и грузовик отогнали подальше от станции. Бензин с машины слили, а мотоциклы взяли с собой. В лагере сделали для них сначала навес, а потом построили сарай. В грузовике нашлись двадцать немецких шинелей и двадцать плащей, их взяли с собой, ведь зима то не за горами. Хотя в отряде Василя надеялись, что Красная Армия со дня на день вернётся и погонит врага назад.

Раненых, Степана и Лизу, Михась и Василь повезли к знакомому фельдшеру в село Заречье. Он осмотрел ребят, извлёк пули, назначил лечение и объяснил, как надо делать перевязки. В заключение он сказал, чтобы раненых привели к нему дней через пять, а если будет воспаление или другие осложнения, то немедленно. Фельдшер дал им с собой лекарств и бинтов. Раненых отвезли на базу, Василь побоялся оставить их в селе.

Игорь и Олесь на базе не сидели без дела. Они выкопали две землянки, перекрыв их двумя накатами брёвен. Метрах в пятидесяти от избушки ребята нашли три растущих вместе сосны. Они были корабельными, высоченными, метров по двадцать высотой. Пацаны набили на них ступеньки, а на самом верш оборудовали площадку для наблюдения. Они дежурили на ней по очереди и сразу заметили зарево, когда полыхнула железнодорожная станция, хотя до неё было не меньше семидесяти вёрст.

После того как они увидели работу отряда, ребятам захотелось сделать своим товарищам что-то приятное, и они приготовили им праздничный обед. Из двух пойманных в силки куропаток сварили в котле супчик, запекли картошку в костре, нарезали овощей, намыли зелёного лука и чеснока. Получился знатный обед.

Около полуторки, стоявшей рядом с болотом, партизаны осмотрелись нет ли за ними хвоста, а затем направились на базу, предварительно заминировав за собой дорогу на гать. Так как у них не было мин, они ставили растяжки, используя одну противотанковую гранату и оборонительную гранату Ф-1. На базе их уже с нетерпением ждали два повара Игорь и Олесь.

После уничтожения узловой железнодорожной станции Василь решил дать своему молодому отряду четыре дня отдыха, а заодно закрепить навыки в занятиях по боевой и физической подготовке. Занимались по двенадцать часов в сутки. В программу занятий включили изучение немецкого языка. Им все занимались по два часа в день. Особенно преуспел в этом Михась. Хорошо успевал и Игорь. Среди девушек неплохо получалось у Наталки и Лизы. Остальные тоже старались, проявляя усердие и терпение. Даже Василь, которому всегда тяжело давалась учёба, и тот занимался с большим желанием.

21 августа на семи мотоциклах выехали на разведку. За руль дополнительной машины села Лиза. Игорь и Олесь поехали пулемётчиками. До ночи пронеслись по двум хуторам и двум сёлам, уничтожая гарнизоны и расстреливая полицаев. В селе Красный партизан от них убежал староста. Догнать его удалось только через семь километров, такой прыткий оказался. Он почти добежал до соседнего хутора, когда Василь ранил его в ногу. Но даже при этом он продолжал идти и упал лишь тогда, когда ему прострелили вторую ногу.

Застрелив старосту, ребята хотели повесить его или бросить в пыли, оставив лежать на дороге, чтобы другим было неповадно прислуживать фашистам. Но потом решили закопать в ближайшей воронке, потому что фашисты очень любили за свои неудачи наказывать мирное население.

На этот раз поехали в другом направлении, очищая села и хутора от немецких команд и полицейских со старостами. Заодно немного разжились, забирая нужные в хозяйстве вещи.

К восьми часам вечера ребята подъехали к одному еврейскому местечку. Городок был небольшим. Его жители, привыкшие к погромам, с приходом немцев попрятались в подвалах, или ушли скрываться у знакомых крестьян в ближайших сёлах.

В местечке находились около тридцати вражеских солдат и шесть полицейских. Всех наших ребят одели в немецкую форму, поэтому решили действовать без разведки, по наглomu, уничтожая немцев и полицейских, попавшихся на пути.

Отряд разделился на две группы. Три мотоцикла во главе с Василём заехали за город и въехали в него по другой дороге. Она тоже охранялась, но чуть хуже. Там было всего два солдата с автоматами и два полицейских. Ребята подъехали к посту и сняли всю его охрану ножами. Открыв шлагбаум, они двинулись дальше.

Тем временем Михась со своей группой заехал по основной дороге. Её охраняли четыре солдата с пулемётом МГ-34 и два полицейских с карабинами. Михась в форме офицера Вермахта слез с мотоцикла и подошёл к будке охраны. К нему тут-же подскочили ещё два его бойца. Ребята взмахнули приготовленными заранее ножами и три фашиста упали замертво. Ещё один взмах каждого из бойцов, и на землю упали два полицейских и немец. У фельдфебеля вопрос, который он собирался задать лейтенанту Вермахта, так и застрял в горле.

Ребятам повезло. Когда все семь мотоциклов встретились на центральной площади, партизаны увидели, что около двадцати фашистов грузились в машину. Рядом с её кабиной стоял обер-лейтенант. Ребята сходу открыли огонь из семи пулемётов. Стреляли так, чтобы не попасть в друг друга. Михась оставил два экипажа на площади, а остальных направил отыскать двух оставшихся полицейских и нескольких солдат. С помощью местных комсомольцев всех удалось поймать.

Ребята взяли у немцев три мотоцикла и оружие. В кузов грузовика сложили убитых немецких солдат и полицейских и вывезли его за город. Партизаны предложили местным жителям покинуть местечко, но те не захотели. В отряд напросились шесть ребят из городка - четыре хохла и два еврея. Все комсомольцы, и снова парами: мальчик – девочка. Но оно и лучше, не будут по сторонам смотреть.

Грузовик с немцами решили бросить на железнодорожном переезде. Василь, сбив шлагбаум перед самым поездом, оставил грузовик на рельсах, а сам бросился бежать, едва успев выпрыгнуть из автомашины. Поезд сошёл с рельс, вагоны слетали с железнодорожной насыпи, а в них стали рваться снаряды. Так к грузовику ребята приплюсовали ещё и эшелон со снарядами.

Один из вновь прибывших, Яков, оказался заядлым фотографом. Василь поручил ему фотографировать такие акции. У него были с собой фотоплёнки, фотобумага, реактивы и даже фотоувеличитель, запасов реактивов и плёнки было года на два, правда бумаги было мало. Но для Михася главным была проявленная плёнка, а напечатать фотографии можно и после войны.

После зачистки от фашистов местечко, поехали на базу, как всегда, делая петлю, проезжая через села и хутора, по пути уничтожали немцев и полицейских. Яков, знавший все окрестные населённые пункты, посоветовал заглянуть в один посёлок около узловой железнодорожной станции. С его слов на старом пакгаузе был склад с советским обмундированием, которое завезли ещё в июне 1940 года.

Его сведения решили проверить. Оставили мотоциклы за километр от места назначения, а сами пошли к станции. Не доходя до неё метров двести, спрятались за кустами и деревьями. На разведку послали двух девушек - Аню и Олесю. Они вернулись через два часа, рассказав, что эшелон на станции нет, в комендантском взводе больше двадцати немцев. На станции установлены два пулемётных гнезда, выложенных из мешков с песком. Кроме этого имеются

две зенитные пушки, около которых стоит часовой. Ещё один часовой охраняет вход в здание вокзала.

Ребята снова решили действовать по наглomu. Семь слаженных экипажей на семи мотоциклах в немецкой форме въехали на станцию. Сняли часовых, а после этого, вновь поступившие в отряд, Тарас и Богдан привязали к кольцу противотанковых гранат провод, закрепили их в районе оружейного замка, и отойдя метров на двадцать дёрнули за провод. Услышав взрывы, немецкие солдаты выскочили из здания. Отряд открыл огонь по фашистам из пулемётов.

После этого ребята собрали оружие и боеприпасы. Вскрыв все немецкие склады, они забрали всё, что нужно для жизни в лесу: инструменты, продукты, а также машинное масло и бензин. В комнате, где жили немецкие солдаты, стояли две буржуйки. Их забрали вместе с трубами, кочергами и совками для золы. А Паша даже ведро для золы прихватил. Как и говорил Яков, в заброшенном складе находилось красноармейское обмундирование - сто пятьдесят комплектов полной красноармейской формы железнодорожных войск - от сапог до пилотки. Там же находилось тридцать комплектов командирских комплектов. Шинели, плащ-накидки и даже ватники и ватные штаны, фуражки – всё это стало добычей партизан, как ни странно, но склады правда никем не охранялись.

После возвращения на базу, позанимались с новым личным составом два дня. Потом решили в полном составе отправиться в рейд на десяти мотоциклах. Целью снова стала узловая железнодорожная станция «Ключи». До неё добрались в двадцать часов 27 августа 1941 года. Технику оставили в лесочке, а двух пацанов, Игоря и Олесья, отправили на разведку. Василь попросил их не высовываться, а тихонько понаблюдать за немцами. Ребята пришли через час, и как только они вошли в лес, отряд подвергся жесточайшему миномётному удару.

Партизаны вскочили на мотоциклы и попытались выскочить из-под огня. Судя по всему, это была засада. Первые мины разорвались рядом, а следующие жалили наповал. Разлетелись в щепки три мотоцикла вместе с экипажами. Затем ещё двое бойцов отряда погибли от прямого попадания. Мины рвались слева, справа, спереди, сзади.

Лишь пять экипажей сумели выскочить из-под обстрела. Сначала рванули в сторону станции, потому, что дорога была под огнем немецких миномётов. Видимо, их ждали. Однако немцы не предполагали, что партизаны двинуться к станции. Ребята на мотоциклах влетели на перрон и, обнаружив там позицию миномётной батареи, в упор расстреляли миномётчиков. Те даже не успели оказать сопротивления. Нападение партизан стало для них полной неожиданностью. Миномёты закидали гранатами, от детонации стал рваться боезапас. На самой станции было пусто, вагонов не наблюдалось, значит, это точно была засада. Расстреляв дюжину фашистов, ребята съехали с перрона.

Отомстив за смерть своих друзей, и расстреляв бежавших из здания вокзала десяток фашистов, партизаны развернулись и выскочили со станции. В лесочке догорали мотоциклы и начал рваться боезапас. Ребята попытались забрать тела друзей. Но подъехать близко не было никакой возможности. Тогда Василь с остатками отряда опять вернулся на станцию. Проехались по перрону, уничтожая всех фашистов, оставшихся в живых. И лишь потом вернулись обратно в лесок, взрывы к тому времени стихли, и они смогли забрать останки своих друзей. Их сложили в плащ палатки и погрузили в коляски мотоциклов. После этого отряд уехал подальше от станции. Их никто не преследовал, уже стемнело, немецкие самолёты уже не летали.

Из этого случая Василь извлёк урок на всю жизнь. Он понял, что без тщательной разведки ничего не получится. Более того, это может привести к гибели друзей. Он понял, что воевать - это не просто летать на мотоциклах сломя голову. За одного битого двух небитых дают. Но кого винить за погибших товарищей, кроме себя?

Погибли Яков, Белла, Тарас, Капитолина, Богдан, Ганна, Михась, Наталка, Олесья и Лиза. Ребят похоронили рядом с полуторкой, каждого в отдельной могиле. На табличках, установленных на холмиках, написали фамилии и инициалы, чтобы после войны самим не перепутать.

Отряд понёс огромные потери. За один бой он лишился 50% личного состава. Кроме того, были легко ранены сам Василь и Оксана, а ранения средней тяжести получили Глеб и Игорь, была ранена в ногу и Лиза.

Василь запомнил, как лекарь лечил раненых, и сделал всё так же: обработал раны, извлёк осколки, зашил и опять обработал раны. После этого четыре дня усиленно лечили раненых, каждый день меняя повязки. Василь накладывал лекарственные травы (подорожник, тысячелистник), поил раненых отваром трав, оставленным лекарем. Ребят ему удалось вылечить, и через две недели они пошли на поправку. Глебу и Игорю для полного восстановления понадобился месяц. Самого Василя лечила Оксана, а он её.

Потихоньку снова стали оттачивать боевое мастерство и опять собрались выехать в рейд. 29 сентября 1941 года решили попробовать проехать километров двести в сторону, где еще не были, так сказать, сменить обстановку. На этот раз поехали в командирской форме Красной Армии без знаков отличия. При этом немецкую форму все-же прихватили с собой.

Теперь Василь разбивал отряд на две группы, одна заезжала с тыла, другая в лоб, а сам он, по возможности, выезжал на самое высокое место и сначала изучал в бинокль подъезды к населённому пункту. Мотоциклы, как правило, оставляли далеко от села, посылали разведчиков с двух сторон, которые страховали друг друга.

У одного из незнакомых сел разведка доложила, что там находятся тридцать немецких солдат и шесть полицаяв. Старосту ещё не назначили. Пока его обязанности выполняет старший полицейский. Местные пацаны сказали, что он порядочная сволочь. Солдаты жили в бывшем большом доме священника. Его перед войной выслали в Сибирь, а в клубе, расположенном в бывшей церкви, у них был склад. Там хранилось всё, что немцы отняли у крестьян.

Полицаи жили в небольшом доме, где до войны располагался сельсовет. При въезде в село постов не было. Наряд немецких солдат стоял у церкви рядом с домом батюшки. Второй пост располагался у сельсовета, а третий - на сельской площади. Там стояли торговые ряды и небольшая трибуна.

В открытом бою с немцами было не справиться. Их слишком много. Партизаны решили закидать оба здания гранатами Ф-1, а тех, кто будет выскакивать в окна добить из пулемёта. Так и сделали. Сначала сняли часовых, а потом забросали гранатами помещения с врагами. В окна никто не выскочил, все погибли на месте.

Ребята собрали оружие и гранаты, осмотрели церковь, где оказались продукты питания. Партизаны взяли себе, сколько нужно, остальное раздали жителям села, оставив открытыми двери склада. На конюшне у полицейских было четыре лошади, там же имелись сёдла и телеги. У немцев забрали три мотоцикла, и грузовую автомашину с тентом, к которой была прицеплена кухня. Кто-то из ребят заглянул в кузов грузовика, он наполовину был забит картошкой и другими овощами. Ребята решили взять с собой всё, в том числе, и лошадей под седлом.

Партизаны поехали дальше. По пути им встретились трое молодых ребят лет восемнадцати и две девушки такого же возраста. Они попросились в отряд. Василь немного поколебался, а потом согласился и взял их.

Отъехав километров пятьдесят от села, ребята спрятали грузовик и два мотоцикла в непроходимом лесу. Неподалеку была маленькая речушка. На её пологом берегу оставили пастись лошадей, стреножив их.

Далее отряд продолжил путь на шести мотоциклах, прихватив с собой новую молодёжь, в дороге обучая их владению немецким оружием. Ребята оказались из этих мест и очень хорошо знали местность, а также легко ориентировались по карте.

Василь решил до утра навестить два хутора и одно село. Местную молодёжь послали в разведку. Они быстро вернулись, блестяще справившись с заданием. На хуторе было четыре полицая и староста. Полицаями были отец и три его сына, они вернулись из ссылки и заняли

дом председателя, перед этим расстреляв его и его сына перед хуторянами, жену председателя оставили у себя в качестве прислуги.

Василь с Оксаной пошли к полицаям, к старосте отправил четверых, чтобы не успел убежать. Василь оставил Оксану для страховки во дворе, а сам зашёл в дом. Полицаи сидели за столом, то ли ужинали, то ли просто бухали. Навстречу ему сразу шагнули два брата. Василь взмахнул ножом полоснув каждого из братьев по горлу одним ударом. Тут вскочил третий брат, но тоже упал, как подкошенный с перерезанным горлом. Их отец полицай словно онемел, но через несколько секунд схватился за пистолетную кобуру и выхватил из неё парабеллум. Выстрелить он не успел, командир метнул нож ему в сердце. На этом существование бандитского гнезда окончилось.

В дом зашла Оксана и собрала оружие. Во дворе нашлись три немецких велосипеда, а в стойле три коня. Сёдла лежали рядом. Лошадей и велосипеды забрали с собой. Одну из них запрягли в телегу, погрузив в неё весь овёс. Естественно, все это с разрешения хозяйки, вдовы председателя сельсовета, ведь у неё оставалась корова. Хозяйка сказала, что жить ей теперь не для кого, всех её родных убили эти упыри. Тётка Одарка, так её звали, стала проситься к ним в отряд. Она готова готовить и ухаживать за коровой.

Ребята пригнали от старосты лошадь с телегой, нашли ещё три телеги загрузили сеном и овсом, взяли все продукты и сразу поехали на базу. Корову пришлось привязать к одной из телег, а потом нашли удобный бугорок и запихнули корову в припрятанный грузовик, сразу скорость движения увеличилась.

Василь отправил всех с тёткой Одаркой, а сам с Миколой на двух мотоциклах остался прикрывать растянувшуюся колонну. Пока грузили сено к ним прибилося несколько молодых людей, двое юношей и четыре девушки. После рекомендаций тётки Одарки их тоже взяли в отряд.

За ночь прошли двести километров. Когда рассвело, еще полдня двигались вперед, прячась под деревьями, пока не оказались на базе.

Василь решил дней десять провести с ребятами на базе, чтобы заняться обучением молодёжи и хозяйственными работами. Попробовали накопить немного травы и заготовить веток на зиму скотине. Корова уже шесть недель была покрыта, и через тридцать недель должна была родить теленка. Теперь в хозяйстве у партизан имелось семь лошадей и корова.

Ребята построили для скотины сараи, а для зерна и сена навесы. Василь объяснил своим ребятам, что если Красная Армия не вернётся до холодов, то зимой придётся ездить на лошадаках и, скорее всего, верхом или на санях.

Привезли ещё одну печку «буржуйку», дверные проёмы и окна, построили ещё две землянки. В одной разместили штаб, а другая пока осталась пустой. В ней жила лишь тётка Одарка. Там же хранились продукты и многочисленными кухонные принадлежности. Также ребята вырыли глубокий погреб для продуктов, который в случае бомбёжки можно было использовать и как бомбоубежище. Времени не хватало, решили заготовить побольше сухих дров.

В целом, на хозяйственных работах провозились две недели, занимаясь подготовкой к зиме. Потом неделю пришлось отдельно заниматься боевой подготовкой.

Наконец, решили выехать в очередной рейд. В дорогу отправились 20 октября на девяти мотоциклах в количестве девятнадцати человек. Рассыпались веером разделившись на три группы по три мотоцикла в каждой. Одна группа передала по рации, что встретили несколько молодых людей, которые искали партизан. Решили встретиться все вместе и поговорить с молодёжью.

Ребята оказались из тех хуторов, где они уже побывали раньше и убили полицаяев. Новобранцев было двенадцать человек - семь девушек и пять парней. Все комсомольцы от семнадцати до девятнадцати лет. Одна девушка оказалась фельдшером. Она окончила медицинский техникум, но успела проработать всего неполных два месяца до войны. Ещё две были радист-

ками, занимавшиеся на курсах при ОСАВИАХИМЕ. А ребята, в основном, работали в колхозах механизаторами.

Но один из них оказался просто кладом для отряда. До войны он работал подрывником на шахте недалеко от Ворошиловграда. А сюда приехал в гости к своей двоюродной сестре жениться на её подруге, но началась война, и Максим, так звали парня, так и застрял здесь. Две девушки и два парня хорошо стреляли - у них в колхозе работали стрелковые курсы. Ребята в своё время сдали нормативы на значок «Ворошиловский стрелок».

Посоветовавшись со своими боевыми друзьями, Василь решил взять молодёжь в отряд и вернуться на базу. С новичками надо было позаниматься хотя бы несколько дней. К тому же он решил сделать экипажи мотоциклов по три человека. Нужно было, чтобы Максим научил ребят взрывному делу, и организовать группу снайперов. Между делом, построили две землянки, осталось поставить окна, двери и буржуйку.

Мотоциклов хватало, Василь сформировал двенадцать экипажей. Перед рейдом ребята проверили техническое состояние мотоциклов, выставили зажигание, проверили и зарядили пулемёты, залили бензин, заменили и проверили масло, положили запасные канистры, запаслись гранатами и увеличили боезапас. Семь экипажей состояли из трёх человек, а пять - из двух.

Партизаны заранее отработывали правила действия при возникновении разных экстренных и внештатных ситуаций. Изучали немецкий язык, занимались радиоделом, подрывным делом, рукопашным боем, учились водить мотоцикл и автомашину и, конечно, тренировались в стрельбе из всех видов стрелкового оружия.

Две недели ездили по сёлам и хуторам, появляясь то в Белоруссии, то на Украине, уничтожая немецкие и полицейские гарнизоны. Отряд вырос до пятидесяти трёх молодых бойцов. Красноармейцев и взрослых мужчин не принимали. Снабжали их оружием и просили организовывать свои партизанские отряды. Связь с ними держали по рации и через связных.

У полицейских забирали имущество: продукты, оружие, фураж, а также велосипеды и лошадей. У немцев добывали оружие, боеприпасы, мотоциклы, грузовики, продукты и фураж. Складировали всё в трофейных автомобилях. Их укрыли в трех надёжных местах. Охрану выставлять не стали, просто хорошо замаскировали. Лошадей и фураж также пока спрятали в укромном месте. Животных стреножили и оставили пастись. Уже наступили холода, и выпал снег, поэтому у полицейских отобрали несколько саней.

После этого рейда Василь решил спрятаться недели на две на базе, так сказать, отсидеться. Но перед тем как уйти в «отпуск», ребятам хотелось погромче пошуметь. Они взорвали два железнодорожных моста и уничтожили три эшелона с боеприпасами и вооружением на узловую железнодорожную станцию «Клёпики».

На базу отправились, делая немалый крюк. Василь отправил шесть мотоциклов с экипажами по три человека подальше в сторону, чтобы те шумнули посильнее, запутав немцам следы. Во главе отряда он поставил Миколу, его заместителем назначил Олесю, а объекты для нападения предложил выбрать им самим.

Остальная часть партизан забрала припрятанные в тайниках оружие, боеприпасы, бензин, продукты, фураж и лошадей. Теперь в отряде их насчитывалось двадцать восемь штук. После этого двинулись в сторону базы. Путь занял почти трое суток. Первый отряд вернулся на базу 14 ноября, а отряд Миколы на пару дней позже. Он привёл с собой семь лошадей и двое саней, а, самое главное, семнадцать молодых людей до двадцати лет: пять девушек и двенадцать парней. Все они были комсомольцами.

После прибытия на базу двое суток занимались хозяйственными вопросами, в том числе, сооружали жильё для новоприбывших. В землянку тётки Одарки поселили фельдшера и её помощницу. Там же разместили трех раненых. В этой же землянке оборудовали операционный стол, над которым установили пять керосиновых ламп. Отапливали помещение две буржуйки.

Топить печи во всех землянках днём было запрещено, лишь в сильные морозы для медицинского помещения делали исключение, и то, только в том случае, если там находились раненые. Печи топили аккуратно и только очень сухими, бездымными дровами ольхи. Немецкие самолёты очень часто летали над базой. Рассекречивать её было опасно.

Начались сильные снегопады и метели. По лесу ещё можно было проехать кое-как, но за ним замело все дороги. Из леса можно было выехать только на лошади или выйти пешком. Но следы на снегу сохранялись долго, поэтому рисковать пока не стали.

Отряд нёс караульную службу. Его бойцы постоянно занимались боевой и физической подготовкой. Вокруг базы Василь организовал четыре небольших партизанских отряда. Они постоянно обменивались по радиации разведывательными данными, а если не получалось по радиации, то посылали связных.

Мороз не отступал, и снег периодически продолжал сыпать. До 10 декабря базу решили не покидать. 11 декабря Василь отправил в рейд две разведывательные группы. Сам он с ними не поехал внезапно открылась рана на ноге, поэтому руководил их действиями по радиации, параллельно занимаясь обучением молодёжи. В каждой группе было десять всадников, четверо саней, запряжённых одной лошадью каждая, с ездовым и пулемётчиком.

Все разведчики были одеты в красноармейскую форму, командиры - в командирскую, при этом все были в ватниках и в ватных штанах. А вот сверху единообразия не было: тулуп, овчинная шуба или полушубок. Лишь бы было тепло.

Кони и сани шли след в след. Последними ехали сани с привязанными к задку еловыми ветками, чтобы хоть как-то скрыть следы. Главное, чтобы их не было видно сверху. Все вместе дошли до наезженной дороге, где и разделились.

Разведчики собирали разведанные, но не забывали и диверсионную работу. Взорвали пять эшелонов, два железнодорожных моста, проехали по сёлам и хуторам, уничтожая старост и полицаев.

Дни стали намного короче, а ночи соответственно длиннее. Вернулись разведчики на тринадцатый день, в девять часов утра. Только-только начало светать. С собой они привели девятнадцать лошадей, пять саней, фураж, оружие и патроны. Также с ними пришли восемь молодых людей: три девушки и пять парней. Теперь в отряде насчитывалось семьдесят восемь бойцов.

Василь разбил отряд на четыре группы: первые две оставил без изменения, а две другие получились по десять всадников и по трое саней с ездовым и пулемётчиком.

25 декабря Василь отправил на задания шестьдесят восемь бойцов. У немцев начиналось Рождество. Еще десять человек, включая Василя, остались на базе. С ними командир продолжил заниматься боевой подготовкой и основам караульной службы.

Василь руководил боевыми группами по радиации. Ему докладывали разведанные и обстановку, а командир решал, как действовать в той или иной ситуации. Ребята хорошо пошумели: взорвали шесть эшелонов, четыре из них точно были с боеприпасами. Они стали рваться после того, как вагоны сошли с рельс и упали в кювет.

Партизаны взорвали четыре моста, три из них вместе с составами, при чём два состава с боеприпасами, а один с горючим. Ребята проехали по малым гарнизонам и поздравили немцев с Рождеством, уничтожив их и полицаев на хуторах, селах. Погуляли до 10 января 1942 года. А в этот день всеми силами всех четырёх групп ударили по железнодорожной узловой станции, уничтожив гарнизон в составе шестидесяти фашистов и миномётную батарею. При этом отбили хорошие трофеи.

Ребята также обнаружили четыре эшелона с горючим, боеприпасами, продуктами и с зимним обмундированием. Прежде чем их уничтожить, бойцы Василя немного пограбили их. Взяли самые тёплые вещи в расчёте на двести человек и консервы, которых хватило бы отряду

года на два. Всё это погрузили в подогнанные грузовики. Остальное взорвали и сожгли вместе с эшелонами горючего.

Сразу после этого Василь опять разделил отряд на четыре части. Трём из них он поручил ударить по дальним сёлам и хуторам, а одному приказал ударить по ближайшему селу. Потом собрать трофеи, отогнать грузовики поближе к базе и, потихоньку разгружая их, перевозить всё на базу. После этого грузовики следовало заминировать и отогнать на железнодорожные переезды, чтобы они взорвались вместе с ближайшим составом. Так отряд приплюсовал на свой счёт ещё три эшелона.

11 декабря, когда основной отряд уехал на задание, на базе произошло небольшое чрезвычайное происшествие. Тётка Одарка, а ей было всего тридцать шесть лет, и она была очень красивой и стройной женщиной. При немцах она специально старилась, нося рваную старушечью одежду, кутаясь в шали, для того, чтобы к ней не приставали немцы и полицаи.

Ещё в ноябре, когда Василь жил в своей землянке один, он раскопал буржуйку и спал раздетым. Одарка подошла к спящему парню и нежно взяла его за это самое место. После её ласк он сразу встал, тогда она села на него. Василь открыл глаза и онемел: на нём прыгала молодая красивая женщина. Поначалу он не понял, кто это, но потом узнал тётку Одарку и целиком отдался ей. До этого у него не было женщин, и он с радостью продолжил заниматься с ней любовными утехами.

Когда оба устали и легли рядом друг с другом, Одарка пояснила, что ей это очень нужно, поэтому она и не сдержалась. А Василь признался, что для него это вообще первый раз, и он сразу влюбился в неё. Услышав его слова о любви, Одарка лишь улыбнулась и нежно обняла юношу, прижав его к своей обнажённой груди.

Ночные встречи с Одаркой продолжались до самого приезда первой группы. Но этим дело не закончилось. Василь встречался с ней до 20 января, когда отряд собрался целиком. Лишь тогда любовники немного остыли, укrotив свой пыл. Василь решил подождать до другого более удобного случая.

Иногда он вызывал Одарку к себе в землянку якобы для разговора по поводу питания и страстно ласкал её, не отпуская от себя по меньшей мере час или полтора. Одарка вскорости узнала, что она беременна. Когда же это стало заметно, она заявила, что у неё была любовь с раненым командиром Красной Армии в селе, где она его прятала от фашистов. Вот она от него и забеременела.

Все поверили, а любовники продолжали любить друг друга до самых родов. Кстати, благодаря этому, роды наступили на три недели раньше положенного времени, и все сроки, о которых говорила Одарка подтвердились.

Но несмотря на свои любовные переживания, Василь хорошо командовал отрядом. Разведка привела двадцать лошадей и ещё тридцать пять новых бойцов. Кроме этого удалось раздобыть пять саней. В числе вновь прибывших оказались пятеро раненых молодых красноармейцев.

Командир быстро обучил новобранцев первичным навыкам партизанской войны, после чего он отобрал лучших и сформировал ещё один отряд. Перетасовав личный состав, он сделал так, чтобы в каждом отряде было одинаковое количество опытных и новых бойцов. Сформированная последней, пятая группа состояла из десяти всадников и пяти саней с ездовым и пулемётчиком.

Когда группы вновь отправились в боевые рейды, на базе в резерве остались пять лошадей и двадцать молодых людей. Василь стал заниматься с ними боевой подготовкой. Была мысль построить ещё несколько землянок, но земля в этот год слишком глубоко промёрзла.

В охране базы были постоянно задействованы четыре бойца. Два - на вышке, два - перед гатью. Каждое дежурство длилось два часа. Всего же в карауле было восемь человек: четверо отдыхают, четверо несут службу. В очень сильные морозы менялись через час, а в караул добав-

ляли два дополнительных человека. В этом случае, сначала один пост отдыхал два часа, затем другой.

Оставшийся в лагере Василь попросил командиров групп не брать на дело новеньких, разве только в крайних случаях. В отряде и так было уже сто тринадцать человек. Перед отправкой в рейд все командиры решили, что в отряде не должно быть больше двухсот бойцов.

Одарку тем временем, как прорвало. Каждую ночь она проводила у Василя и даже днём иногда прибегала на часик, а то и на два. Но днём ему часто было некогда, он постоянно «гонял» молодёжь. Но зато ночью они отрывались на полную катушку в любовных утехах и не могли насытиться друг другом.

В перерывах между любовью они разговаривали. Василь читал ей стихи, а она рассказывала ему о своей жизни. Как до революции в конце января 1917 года вышла замуж. Тогда ей только исполнилось шестнадцать лет, как муж бил её, когда напивался, как через два месяца после свадьбы его забрали в армию воевать с германцем, как он пришёл в отпуск в 1922 году. После этого в мае 1923 года она родила мальчика. К началу новой войны с немцами ему исполнилось восемнадцать лет, и он добровольцем ушёл на фронт. Муж прослужил в Красной Армии до 1932 года. После его очередного отпуска в 1927 году Одарка родила ему ещё одного мальчика. Когда, то ли по ранению, то ли по сокращению муж покинул военную службу, его поставили руководить сельсоветом, а чуть позже он стал председателем вновь созданного колхоза. В 1941 году пришли немцы с полициями и расстреляли его вместе с сыном. Теперь вся надежда у неё на то, что, жив её старший сын. Вот такая нелёгкая жизнь была у неё.

Когда Одарка поняла, что беременна, она сказала Василю, что это для него ничего не значит, и он может считать себя свободным во всех отношениях. Но Василь хотел иметь свою семью и настаивал на этом. Но Одарка стояла на своём: разница в возрасте почти в двадцать лет - это очень много. Ему исполнилось восемнадцать, а ей уже тридцать шесть, разница ровно в два раза.

Закончилась первая военная зима, но диверсионно-разведывательные рейды продолжались. К концу марта отряд увеличился до ста пятидесяти пяти бойцов, лошадей стало восемьдесят шесть штук. Кроме того, к отряду прибились три женщины с тремя коровами и полуторогодовалым бычком. Немцы сожгли хутор, а его жители, кто успел, разбежались. Остальные сгорели или задохнулись в дыму.

Ко дню рождения Ленина комсомольцы отряда решили сделать немцам «подарок». Пришла весна, и бойцы пересели на мотоциклы. За зиму подготовили двадцать четыре машины. Василь сформировал экипажи, в каждом из которых было три бойца: водитель, пулемётчик и снайпер. Винтовок с оптическим прицелом на всех снайперов не хватало, но они и без него стреляли отлично. После весеннего переформирования в отряде получилось два взвода по двенадцать мотоциклов и тридцать шесть бойцов и два взвода кавалерии по тридцать всадников в каждом. Имелся ещё и резервный кавалерийский взвод из двадцати трёх бойцов. Этот взвод Василь пока оставил для караульной службы. После возвращения из рейдов основных сил, он планировал отправить его для разведки и поиска запасной базы.

Три кобылки весной принесли жеребят, молодых мамок вместе с потомством оставили пока в глубоком резерве.

За зиму к отряду прибились около тридцати красноармейцев и три молодых лейтенанта. Командир предложил лейтенанту-пограничнику стать начальником особого отдела, лейтенанту-артиллеристу - должность начальника штаба, а лейтенанта, бывшего командира стрелкового взвода, назначил своим заместителем и поручил ему подготовить взвод снайперов. Комиссаром стал комсомольский вожак колхоза имени товарища Сталина.

Василь посоветовался с командирами и предложил придумать отряду название. Ребята предлагали очень много вариантов, но остановились на «Комсомольской роте». Это название

понравилось всем. Василь поручил женщинам сшить знамя, а затем вышить на нём название их роты: всего три буквы КИМ - Коммунистический Интернационал молодёжи.

21 апреля 1942 года в 16.00 все четыре группы отправились в рейд. Василь поехал вместе с ними. Четыре группы в одно время взорвали четыре моста, вместе с эшелонами. Все эшелоны оказались с боеприпасами.

Взрывы произошли почти одновременно рано утром 22 апреля. Так славно партизаны отметили день рождения вождя мирового пролетариата.

После того, как были взорваны мосты, Василь соединил взводы в роту и ударил по городу Климовску. Гарнизон города насчитывал около ста пятидесяти фашистов. Никто не мог подумать, что нападение произойдёт днём. После уничтожения гарнизона на узловой железнодорожной станции города партизаны сожгли два эшелона с танками. В городе к ним примкнули тридцать семь молодых людей, человек пятнадцать из них были бывшими красноармейцами.

Затем Василь опять разделил отряд, только теперь на пять частей. В городе забрали пять лошадей и двенадцать мотоциклов. Василь сам сел за руль одного из мотоциклов, взял из каждого взвода по два мотоциклиста, ещё трёх нашёл среди нового пополнения. Восемь бывших красноармейцев, имеющих боевой опыт, заменили тех ребят, которых командир взял в свою группу из взводов. В результате, четыре группы отправились на новые задания. А он сам поехал на базу, прихватив с собой и лошадей и отобранные у врага трофеи. При этом Василь продолжал руководить ротой по рации.

Через два дня после приезда на базу, как было запланировано, он отправил в разведку резервный взвод, а сам стал заниматься с молодёжью. Заодно построили ещё пять землянок.

После того как база была обустроена, а молодое пополнение немного обучено, он увёл всех на новое место дислокации. По его плану остальные группы, пока находящиеся в рейде, тоже должны были переехать на новую базу.

Старую покинули по новому секретному маршруту, его как-то на всякий случай показал Микола. О нём вообще никто не знал. Дорогой служила такая же гать, сделанная тем же помещиком, также покрытая болотной жижей, среди непроходимой топи. Василь заминировал оба хода, установив мины у входа в каждую землянку.

Новое место дислокации отряда находилось в ста десяти километрах от старой базы. Это если считать напрямки, через топь. А по дороге выходило около двухсот километров.

Боевые группы вернулись уже на новую базу, потеряв убитыми двоих, ранены были одиннадцать бойцов. За зиму в отряде погибли одиннадцать человек. Их похоронили вместе с ребятами, убитыми в ходе страшного миномётного обстрела. Что делать, война - есть война, на ней гибнут люди. Успокаивало только одно, отряд Василя уничтожил фашистов и их приспешников во много раз больше.

Во время рейда, а он продолжался почти месяц, к отряду присоединились ещё тридцать девять человек, почти все комсомольцы. Пригнали шесть мотоциклов, захватили шесть миномётов, а также двенадцать коней.

Как командир и предвидел, отряд разросся. Теперь в нем насчитывалось более двухсот пятидесяти бойцов. Борьба с этим было не просто - молодые люди хотели воевать в молодёжном подразделении, среди своих сверстников. В отряде интенсивно занимались с личным составом.

Теперь у них было двенадцать миномётов, и надо было научить расчёты стрелять из них. Василь поручил начальнику штаба возглавить артиллерию отряда, пока тот не найдёт себе замену. Среди красноармейцев оказалось несколько артиллеристов, но не было ни одного миномётчика.

Правда, в библиотеке города Климовска нашлось несколько книг по артиллерии и миномётам. Разведка сообщила, что на каком-то хуторе скрывается сержант-миномётчик. За ним

послали кавалерийскую разведку. Они уничтожили на хуторе полицаев и доставили сержанта в отряд.

На этом фоне Василь и Одарка продолжали встречаться, тщательно скрывая свои чувства от посторонних глаз. Хотя Василь и был готов объявить всем об их отношениях. Но Одарка была категорически против этого. Она как-то открылась ему, что очень хочет родить от Василя мальчика и девочку. Ведь её семья погибла, и даже если старший сын не пропадёт в этой мясорубке, он, всё равно, уже взрослый и, скорее всего, будет жить своей семьёй. А ей, чтобы не сдохнуть от тоски, нужна новая семья, а именно дети от любимого человека. Тем более, ей ничего от него не надо, кроме детей, ну и конечно любви и ласки, пока он с ней. Она считала, что Василю надо заводить свою семью и искать девушку намного моложе его самого. Одарка была очень умной и мудрой женщиной, со временем Василь решил послушаться её советов.

Война продолжалась. Отряд Василя вырос до четырёхсот пятидесяти бойцов. В нём постоянно шло обучение личного состава. Красноармейцы сначала были против обучения, ссылаясь на то, что их уже всему научили в Красной Армии. Но Василь личным примером показал им преодоление полосы препятствия, стрельбу из двух рук, метание ножей, приемы рукопашного боя, вождение мотоцикла, знание немецкого языка, управление конём и, наконец, меткую стрельбу из винтовки, автомата и пулемёта. Красноармейцы были поражены его умениями и продолжили обучение уже без ропота.

Лейтенанты Василя предложили ему переименовать роту в батальон. Василь выделил конницу в отдельную разведывательную роту. В ней насчитывалось сто кавалеристов. В отдельную роту он собрал мотоциклистов, на 60 машинах. Еще 7 остались в резерве. Также он сформировал веловзвод, в составе тридцати бойцов. Еще в отряде имелись два взвода снайперов, в количестве пятидесяти человек, и две миномётные батареи, которые также обслуживали пятьдесят бойцов. Кроме того, сто пятьдесят новобранцев проходили обучение под руководством командира батальона.

Ещё в Климовске один из бойцов отряда сорвал огромный немецкий шёлковый штандарт. Василь сначала хотел выкинуть его, а потом оставил. Ведь он был из красного шелка, а фашистский крест был только посередине. Из него женщины сшили для батальона новый флаг, а старый отдали первой роте мотоциклистов. В резерве у Василя имелись ещё двенадцать лошадей и семь мотоциклов. Кроме того, он мог разместить молодёжь на автомашинах, пять тентованных грузовиков у него были припрятаны в лесу. Но пока ребята ещё были не готовы полноценно воевать.

Командир снова отправил шесть групп в разведывательно-диверсионные рейды. Теперь в них принимало участие не меньше взвода в каждой. Ребята три недели бороздили по тылам врага и вернулись с большими трофеями и новым пополнением. Кроме того, с ними в отряд прибыл связной из штаба партизанского движения, который располагался в Москве. Он привёз с собой радиста-шифровальщика и мощную рацию с запасным комплектом батарей. Теперь отряд стал работать по указаниям из Москвы.

Списки личного состава тоже передали в Штаб партизанского движения. Там всех одобрили и теперь отряду Василя разрешили официально воевать за Родину. После выполнения заданий раздавали награды и звания. Кстати, самому Василю присвоили звание капитана, а всем его заместителям - звания старших лейтенантов, а комиссару батальона - звание младшего политрука (лейтенант).

Штаб партизанского движения для того, чтобы повысить статус партизанской войны щедро раздавал воинские звания командирам отрядов. Так и нашему Василю присвоили звание капитана. Но мне кажется, если бы он был немного старше, ему бы присвоили сразу майора.

На обоих базах запасались ветками, сушили сено. Немецкие самолёты совсем озверели и стали бомбить и расстреливать из пушек любые подозрительные места леса, дорог и просек. Надо было чаще менять место дислокации и лучше маскироваться.

Василь решил подобрать ещё одну базу, и в конце июля послал своего интенданта с комендантским взводом на поиски подходящего места. Оно нашлось километрах в ста пятидесяти от старой базы. С одной стороны, здесь было озеро, с двух – река. К новой базе возможно было подойти единственной дорогой, и то через болото, которое надо было обойти по узкой песчаной косе. Если не знаешь дороги, ни за что не найдёшь.

Эту информацию по радиации предали командиру. Василь дал команду об обустройстве новой базы. Из-за частых полётов немецких самолётов, работы шли в основном ночью. Тем не менее, за месяц база была построена, и сено запасено.

В конце августа пришли две радостные вести: во-первых, Одарка родила девочку весом три килограмма двести грамм и ростом пятьдесят два сантиметра. Новорожденную взвешивали безменом, а рост измеряли сантиметровой лентой.

Во-вторых, пришло известие о награждении бойцов отряда за отлично выполненное задание партизанского штаба. Все, на кого Василь направил представления, были отмечены орденами и медалями. Орден Ленина получил и сам Василь. Командование не забыло про него, хотя в списке награждаемых его не было. Не мог же он включить в него сам себя. Все его заместители, начальники служб и командиры рот получили ордена Красного Знамени. Остальных отличившихся командиров наградили орденами Красной Звезды, а рядовых бойцов медалями «За Отвагу».

Более трёхсот бойцов получили ордена и медали. Тридцать человек получили новые воинские звания.

Василь участвовал почти в каждом рейде по вражьи тылам. Немцы просто так теперь их не отпускали. В лесу постоянно дежурили немецкие патрули, которых время от времени уничтожали наши разведчики, сам лес постоянно бомбили, а на выходе из него партизан частенько ждали батальоны СС.

Одарку с девочкой, она назвала её Василисой (отгадайте в честь кого), Василь решил отправить на первую базу. Там поспокойнее, да и сам отряд планировал с первыми морозами вернуться туда за санями и зимней одеждой.

Командир хотел отправить Одарку с моторазведкой, но она поехала на мотоцикле с водителем. Когда выехали, она спросила работает ли пулемёт. Устроив ребёнка на коленях, она проверила его, зарядила новой лентой, а рядом с собой положила гранаты Ф-1. Поехали по самой пустынной и заброшенной дороге. Выехали рано утром, когда немцы ещё спят. Василь, как только вернулась разведка, направил три мотоцикла вслед за Одаркой. Разница составила всего десять минут.

До базы оставалось километров пятьдесят, когда Одарка увидела впереди два только что остановившихся немецких мотоцикла. Она не раздумывая открыла огонь по врагу и короткой очередью расстреляла в упор два экипажа. Но тут позади она услышала треск ещё одного мотоцикла и боковым зрением увидела врага. Выдернув чеку, она кинула в немцев гранату. Та удачно попала между мотоциклом и люлькой, однако фашистский пулемётчик перед смертью успел нажать на пулемётную гашетку. Очередь наповал сразила нашего мотоциклиста и Одарку. Взрыв гранаты разнес мотоцикл и фашистов в труху. Женщина и после смерти достала врага.

Разведчики подскочили к месту боя через минуту, но всё уже было кончено. Удалось спасти только малышку, она лежала в люльке мотоцикла в самом низу, и вражеские пули её не достали. Бойцы привезли Василису к командиру, тот отдал её женщинам для вскармливания ребёнка коровьим или кобыльим молоком.

Василь долго горевал по погибшей Одарке., хотел попробовать напиться, но так как, он ещё ни разу не пробовал алкоголь и табак, то решил и не начинать. Горе вином не зальёшь, а себя перед личным составом можно уронить.

Василь решил, что, если останется жив, то их с Одаркой девочку оставит себе и удочерит её.

Пока же шла война, немцы всё больше и больше уделяли внимание партизанам. Особенно донимала отряд Василя вражеская авиация. А вскоре появилось и новое для партизан зло, фашисты организовали отряды ОУН (Организация украинских националистов). Это были жестокие, беспощадные, наглые, знающие местные ходы и тропы враги. Отряд Василя уничтожал их без пощады, в плен никого из них не брали, потому, что эти палачи и убийцы маскировались под красных партизан, зачастую надевая их форму и чисто говоря по-русски.

После смерти нового разведчика Якова и Одарки Василь увеличил количество патрулей и секретов в районе основных дорог ведущих к их базам, с целью уничтожения немецких патрулей, отрядов полиции и ОУН. В этом деле партизаны неплохо преуспели, за короткое время отучив немцев и их приспешников появляться около леса.

Потеряв Одарку Василь, как с цепи сорвался, постоянно искал смерти и бездумно лез под пули. Однажды разведка донесла о скоплении неизвестных вооружённых людей на опушке леса. Командир подъехал к разведчикам, оставив мотоцикл далеко от засады.

Партизаны окружили место стоянки националистов, поскольку уже ни у кого не вызывало сомнения, что это именно они. Незваные гости говорили по-украински, вели себя нагло, одеты были в форму с трезубцами. Они были столь беспечны, что даже караул не выставили. Их было тридцать уродов (называть этих ублюдков людьми язык не поворачивается), и все они сидели вокруг большого костра.

Василь приказал разведке не вмешиваться и вступить в бой, если только его ранят или убьют. У него было четыре пистолета ТТ два в кобурах, два за поясом. Кроме штатных восьми патронов в обойме Василь всегда держал девятый патрон в стволе.

Он вышел на середину поляны, держа в руках два пистолета и открыл огонь из обоих стволов. Когда кончились патроны, Василь бросил их на землю, достал из-за пояса ещё два пистолета и продолжил стрелять по националистам. Те схватились за оружие и открыли беспорядочный огонь. Но Василь, разворачиваясь по кругу, продолжил стрелять. За несколько секунд всё было кончено. Правда, сам он был дважды легко ранен - в левую руку и правую ногу, но пули прошли мякоть насквозь, не задев кости. И вот так всегда было горячо там, где в боях участвовал Василь.

Вместо старшего лейтенанта-артиллериста он подобрал себе начальником штаба не менее толкового капитана, а бывший начштаба возглавил всю артиллерию отряда. К тому времени у них имелось три миномётных и одна противотанковая батареи. Шесть орудий калибром 45 мм они случайно обнаружили на старом поле боя. Вероятно, их оставили наши отступающие войска в 1941 году.

Новый начальник штаба рассчитывал операции с математической точностью, не забывая про резервы и фланги. Он учитывал все нюансы боя. Конечно всё предусмотреть невозможно, но у него все получалось. Потери личного состава были сведены до минимума.

Партизаны рвали мосты и эшелоны, уничтожали личный состав врага, наводили ужас на старост и полицаяев, заставляли бояться украинских националистов. Личный состав был мобилен и умел быстро передвигаться на мотоциклах, машинах, лошадях, велосипедах, а зимой на лыжах. Держали связь с соседними партизанскими отрядами, приходя друг другу на помощь, в случае осложнения оперативной обстановки. Всё было хорошо, но командир продолжал лезть на рожон, постоянно испытывая свою судьбу.

В общем воевали неплохо, поэтому были и награды. Василь был отмечен орденом Красного Знамени. Ещё четыреста бойцов батальона были награждены орденами и медалями. К зиме в отряде стало около шестисот человек. Наступил 1943 год. Он выдался непростым, мирные люди голодали. По причине войны поля не засеивались. Редкие сельские жители сажали

огороды и выращивали картофель и зерновые. А уж поросят и коров держали единицы, в основном, семьи полицаев и старост.

Все приходили к крестьянам требовать еды: фашистам продукты дай, националистам дай, полицаям дай, и партизаны тоже просят, если есть, дай. А в городе вообще дела обстояли очень плохо, за деньги купить было ничего нельзя. В ходу был лишь обмен. За золотые серёжки с камешком можно было приобрести одну буханку чёрного хлеба, за золотое колечко десяток яиц.

Отряд Василя продукты отбирал у фашистов, громя продуктовые склады в городах и посёлках, а также эшелоны с продовольствием на узловых станциях. Значительную часть реквизируемых у фашистов продуктов по возможности раздавали мирным гражданам.

За Василисой приглядывали три женщины, на них держалось всё хозяйство. Они стирали бельё, бинты, ухаживали за ранеными, готовили пищу, содержали скотину. К тому времени в отряде стало пятнадцать коров, бык, тёлки, маленькие жеребята, овцы и несколько десятков кур. Через год к отряду прибилося ещё две женщины и с ними старичок мужичок-белорус. Он помогал по хозяйству, таскал воду, колол дрова, убирал навоз, он был хоть в возрасте, но очень шустрый и очень хорошо знал все местные тропы, как в Белоруссии, также на Украине, да и в России тоже.

Дед два раза ходил в разведку, когда немцы крепко прижали отряд и тщательно проверяли всех проходящих к населённым пунктам. Никто не мог пройти, хотя посылали многих. Деду же очень везло. Он оба раза удачно проходил немецкие посты и приносил ценную информацию от подпольщиков.

Когда появилась возможность, Василь написал представление к награждению партизанской медалью второй степени всех женщин отряда и деда-разведчика. Забегая вперёд скажу, что и при вливании отряда в войска 1-го Белорусского фронта Василю удалось сохранить и старушек, и старичка. До конца войны они получили ещё по две медали. Кстати, и девочку они тоже растили все вместе. Позднее, ему удалось оформить документы на удочерение ребёнка, а начальство закрывало глаза на нахождение в полку ребёнка.

Василю было очень тяжело после смерти Одарки, хотя он и понимал, что перспективы на совместное будущее у них были призрачные. Слишком уж велика была разница в возрасте. Тем не менее, он очень переживал её гибель. Прошло, наверное, полгода, и после того как Василь был легко ранен, за ним начала ухаживать медсестра Маруся. Она полюбила своего пациента и, через некоторое время, призналась ему в этом.

Они были в землянке одни, Василь притянул её голову к себе и поцеловал в лоб. Девушка вся задрожала и прижалась к юноше, нашла губами его губы и жадно в них вцепилась. Василь противиться не стал, и они долго и страстно целовались. Наконец, в нем проснулся жаждущий мужчина. Он, повалив девушку на нары, овладел её, а она с радостью отдалась ему. Потом он ещё несколько раз склонял её к любовным ласкам. Маруся оказалась девственницей, что не могло не радовать Василя. Постепенно их интимная связь незаметно для юноши переросла в любовь.

Свои отношения они не афишировали, но, когда вышли на большую землю, тихонько расписались и сразу удочерили девочку Василису. Зато теперь у командира появился стимул к жизни, он перестал сломя голову лезть под пули.

Никого из родственников у Василя в живых не осталось, он надеялся, что хоть за девочкой будет, кому присмотреть, если с ним, что случится, ведь Маруся не бросит ребёнка. Перед регистрацией брака, он ей честно рассказал об отношениях с Одаркой и о том, что этот ребёнок его. Маруся приняла эту новость спокойно, сказав только, что она надеется, что больше Василь никого кроме неё не полюбит. Он с ней согласился, и действительно никогда ей не изменял.

В январе батальон получил ответственное задание от штаба партизанского движения на уничтожение вражеских объектов. Их обнаружили и уничтожили. Но немцы после этого,

словно взбесились: увеличили плотность патрулей у выездов из леса, приблизили фронтовые части, снятые с передовой к лесным массивам. Немецкая авиация тоже житья не давала, бомбила все подозрительные поляны. То ли кто-то навёл, то ли кто-то проболтался, то ли немцы сами проследили, но фашистские самолёты каким-то образом обнаружили и полностью разбомбили вторую партизанскую базу. Там в это время находился только комендантский взвод. Погибли его семнадцать бойцов. Кроме того, батальон СС приблизился к базе пытаясь взять её в кольцо. Василию стало ясно, что это точно кто-то навёл.

Он принял решение о разгроме фашистского батальона СС и предложил свой план начальнику штаба. Тот рассчитал всё до мельчайших подробностей. Операция заняла не более двух часов. Фашистов атаковали белым днём, и пока не налетели вражеские самолёты, подвергли их плотному артиллерийскому и миномётному огню. Так вышло, что врага уничтожили его же оружием. К тому времени партизаны разжились двенадцатью зенитными пушками, шесть орудий калибром 36 миллиметров, а шесть калибром 88 миллиметров. А также четыре миномёта калибром сто двадцать миллиметров. Тех, кто пытался вырваться из огненного кольца добивали из пулеметов. Вместе с батальоном СС отряд Василя сжёг приданные ему шесть лёгких немецких танков.

Потери личного состава были сведены до минимума. В этом бою партизаны потеряли семь человек убитыми и двадцать бойцов были ранены. И то это из-за вражеской авиации, которая прилетела почти в конце разгрома батальона.

Ко дню Красной Армии в отряд снова привезли награды. Командиру было присвоено звание майора и вручён орден Суворова. Не забыли и остальных. Более трёхсот бойцов были награждены орденами и медалями. Многие были отмечены новыми наградами орденом «Отечественной войны» в основном 2-ой степени и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й и 2-й степени.

Ста десяти бойцам и командирам были присвоены очередные воинские звания. А третьего марта самолёт с большой земли привёз в отряд новую форму с погонами. Но за эту зиму батальон разросся почти до тысячи бойцов, поэтому формы хватило только на 65% процентов личного состава. Но к майскому празднику переодели всех солдат и командиров батальона.

Новая форма дала большой всплеск патриотизма среди населения временно оккупированных Советских территорий. Народ видел, что Советская власть их не бросает, она здесь, она рядом, и даже партизанам привезли новую форму. Такой высокий подъём сознания Советских людей просто невозможно было представить.

В октябре отряд вырос до двух с половиной тысяч бойцов. После присвоения звания майора Василь стал принимать в отряд всех желающих воевать за Родину. Теперь в тылу врага вряд ли найдётся командир Красной Армии выше звания майора. Хотя вроде Василь и не был таким, но ему очень не хотелось, чтобы им командовали в его же отряде.

В ноябре 1943 года штаб партизанского движения переименовал батальон Василя в полк. В декабре 1943 года он уже принимал участие в освобождении Украины, нанося урон фашистам с тыла, а в апреле 1944 года полк численностью в три тысячи человек влился в состав Красной Армии.

За удачно проведённую операцию по освобождению Украины командир полка Василь был награждён орденом Отечественной войны 1-й степени, и ему было присвоено звание подполковника. Более двух тысяч его бойцов были награждены медалями и орденами. Особенно приятно было партизанам, получившим солдатский орден «Славы», орден был трёх степеней и вручался с ноября 1943 года.

Полк участвовал и в освобождении Белоруссии. За удачно проведённое освобождение Белоруссии личный опять был награждён орденами и медалями. А командиру полка присвоили высокое звание Героя Советского Союза.

Полк Василя влился в 1-й Белорусский фронт. Он нашёл общий язык с командованием и подчинёнными. Хотя начальник особого отдела дивизии, долго не доверял ему, всё присматривался, но после удачно проведённых полком операций, вроде отстал от него. По крайней мере, в открытую уже не преследовал.

Командир полка весной 1945 года получил звание полковника. Несмотря на свой молодой возраст, Василь выглядел очень мужественным и взрослым. Четыре года войны наложили свой отпечаток на его внешность, хотя парню было чуть больше двадцати одного года. Благодаря тому, что дочь полковника жила в полку, его подчинённые стали звать Василя «Батей».

С 1-й Белорусским фронтом он дошёл до самого Берлина. Очень много крови пролилось при взятии столицы Германии, фашисты дрались за каждый дом, за каждый этаж. Каждый кирпич был полит кровью наших солдат. За взятие Берлина многих солдат и командиров представили к наградам, к сожалению, некоторых посмертно.

Хочу сказать, что после введения в армии погон, командиры Красной Армии стали называть себя офицерами, как в царской армии. Но официально разрешили это название только после войны, а именно в 1946 году. Но тем не менее, в армии действовал негласный кодекс офицерской чести, согласно которому в том числе запрещалось ходить в грязной форме и обуви, небритым, а уж пьяным тем более. Офицерскую форму нельзя было позорить. Поэтому в то время офицеры были лицом советского народа, да и после тоже.

У Василя был награждён весь полк. Если не медалью «За Отвагу», то хотя бы медалью «За Победу над Германией в ВОВ». Многие имели медали «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина». Отличившиеся в боях рядовые, сержанты и старшины награждались солдатским орденом «Славы». В том случае, если солдат получал ордена всех трёх степеней, ему присваивали звание старшины, а если это был старшина, то он получал звание младшего лейтенанта. У военнослужащих стал довольно приличный стимул, для продвижения по службе.

Василь очень грамотно пользовался этим. Если надо было повысить кого-то из своих солдат или старшину, он старался представлять его к награде этим славным орденом. Тем более им награждали за солдатскую доблесть и храбрость.

Ведь часто среди рядовых были такие талантливые ребята, что им нужно было бы быть сержантом, старшиной, а то и командиром. Вот Василь и старался их повысить. Ведь раньше в военном училище учили три года. В ходе войны ввели шестимесячные командирские курсы. А младший лейтенант, не нюхавший пороха, сразу после десятилетки, какой он командир для солдат прошедших всю войну?

После Победы Василь остался служить в армии. В сентябре 1945 года Маруся родила ему мальчика. Они назвали его Михаилом в честь погибшего друга. Находясь уже в составе 1-го Белорусского фронта, Василь был трижды легко ранен, но дальше медсанбата, где служила его жена, дело не доходило.

В 1951 году на полковника написали донос, о том, что он хвалит немецкие дороги, немецкий порядок и немецкие аэродромы, которыми Советская Армия пользовалась до тех пор без одного ремонта. Его вызывали несколько раз в особую часть и в военную прокуратуру. В октябре 1951 года его даже арестовали, но почему-то отпустили через три дня, без объяснения причин. Его не пытали и не мучили, держали в одиночной камере, в относительно хороших условиях.

Говорили, что за него заступился маршал Советского Союза и маршал Польши Константин Константинович Рокоссовский. Якобы за него просил Георгий Константинович Жуков, с которым они несколько раз встречались во время Великой Отечественной войны, да и с Рокоссовским они тоже встречались. Но это всё только разговоры, как было на самом деле никто не знал. Полковник встречался с Г.К. Жуковым в 1971 году, они долго беседовали, он был у маршала на даче, но спросить напрямую об его участии в его судьбе он так и не решился.

Вместе со своим полком Василь остался служить в Германии. При этом он понимал, что через некоторое время встанет вопрос о его образовании. Когда в Германии открыли русские школы, он экстерном окончил десятый класс. А затем на заочном отделении Саратовского института получил юридическое образование, а потом там же он закончил ещё и педагогический заочный факультет.

В 1954 году Василь также заочно поступил в военную Академию имени Фрунзе. Это помогло ему избежать первого сокращения армии Никитой Хрущёвым, которое началось в 1955 году. Оно не коснулось лиц, которые учились в это время в военных академиях. Пока он учился, сокращение затихло, а в 1960 году приостановилось, но в следующем году началось с новой силой. Но и на этот раз ему повезло, и он остался в армии.

Полковник прослужил командиром полка в Германии до 1975 года. Ему исполнилось пятьдесят лет. Маруся к тому времени родила ему трёх сыновей Михаила в 1945, Алексея в 1947 и Анатолия в 1950 году.

Ему предложили работу военного комиссара в небольшом городе под Куйбышевым. Все их с Марусей дети окончили военные училища и пошли служить в армию. А Михаил с Алексеем даже отучились в Академии имени Фрунзе. Они служили в СССР, а точнее в Горьком. Михаил был подполковником и командовал полком, Анатолий был старшим лейтенантом - командиром роты этого полка.

У Михаила родилось трое детей: две девочки и мальчик. Все они жили в хорошей квартире, расположенной рядом с воинской частью.

Анатолий к тому времени только что женился, и супруга родила ему мальчика. Старший брат Михаил пробил ему двухкомнатную квартиру, а отец предложил ему службу в своём полку тоже командиром роты. Парень с удовольствием согласился.

Алексей дослужился до майора, жил в Куйбышеве и служил командиром отдельного батальона. Отец договорился в штабе своей армии о переводе среднего сына на своё место. Ему пошли навстречу.

У Алексея было двое детей: девочка и мальчик. За ними тоже осталась в Куйбышеве трёхкомнатная квартира. Дочь стала учительницей старших классов и тоже работала в Куйбышеве, впоследствии став директором школы.

Полковник дождался приезда сына и сдал ему полк. В скором времени Алексей получил звание подполковника.

За тридцать послевоенных лет Василию сильно надоела Европа. Он был по обмену опытом во Франции и в Югославии. Побывал с экскурсиями в Париже и Марселе. Потом принимал участие в операции в Чехословакии. Через Польшу он ездил в СССР, останавливаясь во всех её городах. Пока дети были школьниками, Василь возил их везде, по долгу останавливаясь в каждом городе.

Сдав сыну свой полк Василь вместе с Марусей уехал к месту нового назначения. Сначала ему выделили однокомнатную служебную квартиру. А через два года он получил двухкомнатную квартиру от исполкома в центре города в новом доме с квартирами улучшенной планировки. Дом был непростым – в нём жили, главным образом, партийные и советские руководители. Квартира была шикарной, комнаты на обе стороны, отдельный санузел, большая кухня, огромная лоджия.

Вскорости они получили небольшой участок земли в двадцать соток на окраине города, где построили дачку и баньку. Когда Василию исполнилось 60 лет, а именно в 1985 году, ему предложили уйти на пенсию. Маруся после войны окончила медицинское училище и всю жизнь работала фельдшером в полковой медсанчасти.

Когда Маруся с мужем уехала из Германии она ушла в отставку в звании капитана медицинской службы. Затем она поработала немного в местной больнице старшим фельдшером

приёмного покоя, а потом её назначили главной медсестрой в ЦРБ, а когда мужу предложили отставку, она тоже ушла на пенсию вместе с ним. Маруся всего на год была моложе Василя.

А Алексей из Германии был направлен выполнять интернациональный долг в Афганистане. Там он воевал, будучи уже полковником и командиром полка. После трёх лет в Афганистане, в августе 1982 года, его снова перевели в Куйбышев, где он получил под своё командование гвардейскую дивизию. В начале 1983 года он стал генерал-майором.

Василю и его жене назначили хорошие пенсии, они купили себе легковую автомашину, первую за всю их совместную жизнь. Друзья устроили ему открытку на новенькую «Волгу» ГАЗ-24 красивого темно-бежевого цвета.

После покупки автомобиля рядом с домом ему выделили место для гаража, который он вскорости и построил. Всю жизнь Василь проездил на служебных автомашинах. А теперь надо было как-то добираться до дачи. Хотя это было и не далеко, но всё-таки. Так, что автомобиль пришёлся очень кстати, автобусом было уже ездить тяжело, годы брали своё, да и раны на которые он раньше не обращал никакого внимания, теперь стали давать о себе знать.

Вот такая короткая длинная жизнь. В этой истории почти всё правда. По крайней мере, основные факты и события из жизни участвовавших в ней людей.

У моей бабушки Веры Петровны была племянница Клавдия. Она с мужем жила в однокомнатной квартире в центре Москвы. В 50-х годах ей предложили двухкомнатную квартиру в Горьком. У неё на руках был муж и ребёнок инвалиды и ещё двое детей. Переехав в Горький Клава познакомилась с родственницей Василя, она и рассказала мне эту историю, пересказанную ей родной сестрой мужа Василисы, дочери Василя.

Конечно, от неё я услышал всего несколько слов и основные события. Остальное пришлось дописывать, опираясь на исторические факты, работая в библиотеке, используя справки из интернета. Кстати там часто сведения слегка преувеличены или наоборот, в общем их надо проверять.

Клавдия потеряла с ними связь ещё в самом начале 1990 годов, поэтому я не знаю, как сложилась дальнейшая судьба семьи Василя после этого времени.

Почти роман о войне и любви.

К восьми часам вечера 27 июня 1941 года их полк защищал подступы к Минску. Алексей пришёл в себя и осмотрелся. В руках у него был ручной пулемёт Дегтярёва с диском без патронов, под ногами валялись ещё два пустых диска. На дне окопа лежал вещмешок (сидр), на нём фуражка и две гранаты Ф-1.

Алексей оглядел себя и увидел, что он ранен в грудь навывлет. Левая рука плохо слушалась. Он плюнул на ладонь. Слюна оказалась грязно белой, значит, лёгкое не задето. Старшина достал из кармана индивидуальный пакет, вынул патрон из нагана, а содержимое патрона высыпал в рану и поджёг. Он не курил, но спички всегда носил с собой. Еще на Финской войне Алексей слышал, как порохом обеззараживают рану и останавливают кровь, но сам так не разу не пробовал. От дикой боли и неожиданности старшина упал на дно окопа, оперевшись о колено. Придя в себя, он стащил с себя гимнастёрку и перевязал рану.

Вокруг никого не было. Он вспомнил, что остался прикрывать отход роты. Видимо, он потерял сознание, когда его ранило, а немцы подумали, что он убит вот и оставили в окопе. Рота, скорее всего, была уже далеко, и он остался один. Алексей пошёл по окопам искать оружие и патроны, ведь у него в сидоре была всего одна пачка патронов к нагану и одна противотанковая граната.

Однако в окопах оружия не было. Похоже, перед отходом, красноармейцы, похоронив мёртвых, собрали всё что может пригодиться в бою.

На дне последней траншеи он увидел торчащий из-под земли сапог. Старшина потянул за него и одного за другим вытянул трёх убитых красноармейцев, лежащих почти друг на друге. У одного из них в руках была винтовка-трёхлинейка с примкнутым штыком. Алексей вывернул оружие из руки мертвеца. Винтовка была заряжена пятью патронами. Еще у одного убитого бойца обнаружилась противотанковая граната. На поясах у всех красноармейцев имелись подсумки с патронами и сапёрные лопатки. Также он нашёл одну пустую фляжку. Старшина стянул с погибших бойцов пояса с подсумками и забрал их сидоры с нехитрым красноармейским скарбом. Там было немного еды, чистое исподнее, котелки и алюминиевые ложки. На его счастье, в подсумках убитых красноармейцев оказалось шестьдесят пять винтовочных патронов, а в диск пулемёта входило сорок семь. Алексей снарядил полный диск, а во второй вставил всё, что осталось. В нише одного из окопов он нашёл ещё одну гранату РГД и штык-нож в ножнах от автоматической винтовки. С помощью одной из сапёрных лопаток он похоронил ребят в окопе и поставил памятную табличку, сделав её из пустого патронного ящика.

Надо было идти догонять своих, но рана очень болела, да и рука почти не двигалась. К тому же старшина потерял много крови, хотя после перевязки кровь и остановилась. В вещевом мешке у него лежали полплитки шоколада и фляжка с чистым медицинским спиртом. Старшина достал флягу и сделал добрый глоток спирта. После чего он положил под язык кусочек шоколада, чтобы хоть немного восстановить свои силы.

Два сидора он повесил спереди на шею, а два закинул за спину. На правое плечо Алексей положил пулемёт весом почти двенадцать килограмм, а в левую руку, как костыль, взял винтовку. Рука двигалась плохо, поэтому винтовку он закрепил красноармейским поясом. Она тоже была нелёгкой, и весила четыре с половиной килограмма.

Было уже почти десять часов вечера, на другом конце поля он слышал немецкую речь, видимо, это перекликались караульные. Алексей решил побыстрее уйти подальше. Каждый шаг давался ему очень тяжело, но постепенно острая боль прошла, осталась только тупая, но постоянная. Кругом была голая степь - ни кустика, ни канавки. Он чувствовал себя волоском на лысине.

Алексей надеялся, что немцы не будут стрелять по одиночной цели из пушек, а из пулемёта и миномёта его было уже не достать. Бинокли у него не было. По его прикидкам до ближайшего леса надо было пройти километров двадцать.

За час он проходил два с половиной-три километра. Рана болела, плечо саднило, рука уже онемела. Время от времени он делал небольшие глотки спирта, закусывая его шоколадом. Как бы ни было ему тяжело, но он потихоньку удалялся от места боя. Его никто не преследовал, хотя на дороге он был один, да ещё луна очень ярко светила.

В четыре утра полностью рассвело. За шесть часов Алексей прошёл приблизительно шестнадцать километров. До леса оставалось около пяти. Шоколад кончился. В двух вещмешках были ржаные сухари. Чтобы как-то отвлечься, Алексей принялся их жевать. В дополнение к усталости во всём теле, у него началась кружиться голова. По всей видимости это были последствия большой потери крови.

До леса оказалось гораздо больше километров, чем он предполагал. К 7 часам до него оставалась ещё пара километров. В 8 часов Алексей уловил далёкий гул моторов. До спасительной опушки оставалось ещё метров восемьсот. Сил у него почти совсем уже не было. Превозмогая боль, он почти бегом помчался к лесу. Полевая дорога ушла левее, минуя лесной массив. Старшина напрямки двинулся в гущу деревьев.

Алексей успел вбежать в лес и плюхнуться за поваленное дерево, рядом с толстой берёзой. Он снял с себя все вещмешки, отмотал от руки винтовку и приготовил к бою пулемёт. Но сил у него уже не было: руки тряслись, в глазах потемнело и перед ними от перенапряжения бежали радужные круги.

Из-за поворота выехали шесть мотоциклистов с колясками и пулемётами. За ними шла бронемашина с офицерами, за ней шесть лёгких танков и шесть автомашин, в каждой из которых сидело по тридцать солдат. Алексей не знал, что ему делать. Сначала он хотел принять бой с фашистами, но потом подумал, что один выстрел из танка оставит от его позиции лишь мокрое место. К тому же сил на бой у него не было, поэтому он решил сначала подлечится и набраться сил, а потом уже ударить по врагу, так, чтобы ему жарко стало, при этом самому не погибнуть.

Старшина потихоньку откатился в глубину леса, где немного передохнув, двинулся дальше. Ему надо было найти воду и приготовить еду. Жажда заглушала голод и даже боль в ноге. Пройдя километра три по лесу, он упёрся в неглубокий овраг, на дне которого бил небольшой ручей. Скинув с себя вещи, он плюхнулся лицом в воду и лежал так минут двадцать, то пил, то отдыхал. Наконец в животе начала бултыхаться вода, но пить всё равно ещё хотелось. Алексей отполз от ручья метров на пятнадцать и, спрятавшись в ветках упавшей сосны как в шалаше, сразу уснул.

Сон его был чутким. Просыпаясь и вздрагивая от каждого шороха, он подымал голову и, как олень, прислушивался к подозрительным звукам. Затем снова падал на землю и засыпал. Проснулся он часов в девять вечера. Простирнул гимнастёрку и нательное бельё, которое было всё в крови, он снял с себя бинты и тоже постирал их.

Приложив с обеих сторон раны листья подорожника, он снова перебинтовался. Разводить костёр Алексей не стал, так как боялся, что огонь, а, особенно, дым привлекут к нему внимание. Он просто нарезал тонкими кусочками сало с чёрным хлебом и запил свой обед холодной водой. Хотя ему очень хотелось горячего чая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.